

Государственная Дума и февральская 1917 года революція

М. В. Родзянко

Отечество должно быть для тебя дороже матери и отца, и какія-бы жестокости, какія-бы несправедливости оно ни совершало по отношенію къ намъ, мы должны выдержать ихъ и не отыскивать способовъ уклониться отъ него . . .

Сократъ

Темой настоящаго моего труда я избралъ возобновеніе въ памяти общества хода тѣхъ событій, которыя привели къ февральскому 1917 года государственному перевороту, а цѣлью своею поставилъ себѣ правильное освѣщеніе той роли, которую играли Государственная Дума IV-го созыва въ переворотѣ 26 — 27 февраля 1917 года.

Необходимо эту роль освѣтить на основаніи точныхъ данныхъ.

Въ широкихъ слояхъ населенія, или, какъ принято выражаться, въ широкихъ народныхъ массахъ, благодаря крайней ограниченности газетныхъ сообщеній той эпохи и отсутствію широкой информации во время самого переворота, укоренилась неправильная точка зрѣнія на роль Государственной Думы во всѣхъ тѣхъ кровавыхъ событіяхъ, которыхъ мы, къ сожалѣнію, являемся не только свидѣтелями, но отъ которыхъ страдаютъ все и вся.

Принято на вѣру далеко, однако, не безспорное положеніе, что Государственная Дума IV-го созыва подготовила, создала, воодушевила и воплотила въ реальныя формы переворотъ 27 февраля, а также и самую революцію. Всю вину за прошлыя и настоящія ужасающія событія принято валить на Государственную Думу и, въ частности, на ея Предсѣдателя. Я не ставлю себѣ, однако, задачей быть защитникомъ или адвокатомъ Государственной Думы, а намѣренъ лишь возобновить въ памяти русскаго общества и подкрѣпить документальными данными, по возможности, безпристрастную картину тѣхъ историческихъ событій, которыя послужили исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія революціи и, давъ матеріаль, основанный на документахъ, имѣющихся у меня, къ сожалѣнію, въ ограниченномъ количествѣ, предоставить возможность читателямъ имѣть критеріи для самостоятельной оцѣнки миновавшихъ событій и для своихъ собственныхъ выводовъ.

Я постараюсь въ своемъ трудѣ быть чуждымъ рѣзкой критики, ибо мое глубокое внутреннее убѣжденіе заключается въ томъ, что время такой критики еще не наступило. Я считаю, что оцѣнка нами самими переживаемаго момента не можетъ быть безпристрастной, а потому и критика не можетъ быть правильной. Уголъ зрѣнія, подъ которымъ разсматриваются текущія историческія событія, какъ послѣдствія недавняго прошлаго, диктуется самими условіями жизни. Этотъ уголъ зрѣнія есть безграничное негодованіе всему совершающемуся, а потому позволительно усомниться въ томъ, будетъ ли справедливымъ такой судъ, основанный на одностороннихъ и всегда субъективныхъ впечатлѣніяхъ. Исторія оцѣнитъ эти событія безпристрастно и отведетъ каждому мѣсто по его дѣламъ и заслугамъ.

Второй причиной, побудившей меня, является существующій нынѣ развалъ политической мысли и отсутствіе организованнаго общественнаго мнѣнія. Люди, бывшіе избранниками народа и выразителями его нуждъ и стремленій, обязаны всѣми возможными способами подготовить и выковать такое мнѣніе и приготовить этимъ Россію къ предстоящему, надѣюсь, въ близкомъ будущемъ, разумному Учредительному Собранію.

Наконецъ, третья причина — это сознаніе необходимости, наканунѣ полнаго возрожденія нашей изстрадавшейся Родины, оглянуться назадъ на все содѣянное нами и въ ошибкахъ прошлаго, вольныхъ и невольныхъ, почерпнуть правильные взгляды на предстоящее намъ дѣло строительства на новыхъ началахъ Русской земли. Поэтому настоящій мой трудъ надлежитъ разсматривать какъ историческую справку, которую я признаю себя обязаннымъ дать Русскому обществу, и не ожидать отъ него политическаго или агитаціоннаго значенія.

Общественныя настроенія до войны

Государственная Дума

Считаю совершенно необходимымъ остановиться сначала, хотя бы и въ краткихъ чертахъ, на дѣятельности Государственныхъ Думъ до войны. Безъ такого разъясненія не можетъ быть правильнаго сужденія о роли Государственной Думы IV-го созыва въ дальнѣйшей жизни страны и, главнымъ образомъ, въ переворотѣ 27 февраля, ибо рядъ послѣдовательныхъ событій слишкомъ тѣсно связанъ между собой въ затронутомъ вопросѣ, составляя рядъ звеньевъ одной и той же цѣпи событій.

Оппозиціонное настроеніе мыслящаго Русскаго Общества къ формѣ Государственнаго устройства въ Россіи и къ порядку осуществленія законодательства и къ дѣйствіямъ Государственной власти началось задолго до дарованія Русскому народу манифеста 17 октября.

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II замѣтно было стремленіе къ сокращенію объема Самодержавной власти (новиковцы, martinисты), далѣе заговоръ и бунтъ Декабристовъ при воцареніи Императора Николая I. Цѣлый рядъ, несмотря на либеральныя реформы Императора Александра II, политическихъ

процессовъ въ его царствованіе указывалъ на возрастающее броженіе въ русскомъ обществѣ, имѣвшее корнемъ своимъ желаніе установленія въ Россіи конституціоннаго строя. Къ концу царствованія Александра II оппозиціонное настроеніе это значительно расширилось и стало захватывать все болѣе и болѣе широкіе круги русскаго общества.

Настроеніе это выражалось въ рядѣ резолюцій разнообразныхъ общественныхъ организацій и глухомъ броженіи рабочаго и земледѣльческаго крестьянскаго классовъ, въ поискахъ за лучшимъ устройствомъ своей жизни и ея условій.

Припомните, читатели, 80-е года прошлаго столѣтія и стремленіе учащейся молодежи идти въ народъ. Припомните лозунги партій «Земля и воля» и цѣлый рядъ аграрныхъ и фабрично-рабочихъ движеній. Государственная власть полагала тогда, что усиленіемъ репрессивныхъ мѣръ возможно погасить начавшееся пробужденіе общественной политической мысли, основой которой было, конечно, желаніе добиться народнаго участія въ рѣшеніи судебъ отечества въ лицѣ народнаго представительства. И тогда уже политика Правительства, вмѣсто того, чтобы разумными предупреждающими развитіе общественнаго ропота реформами смягчить взаимное раздраженіе, направлялась въ сторону извѣстнаго принципа предупрежденія и пресѣченія.

Въ началѣ 90-хъ годовъ это освободительное движеніе передалось въ земства, и цѣлый рядъ земскихъ слетовъ и съѣздовъ развивалъ мысли о необходимости расширенія участія представителей народа въ законодательствѣ страны и дарованія населенію права контроля надъ аппаратомъ Государственной власти, въ тѣсномъ взаимодействіи правительства и общества. Характерно при этомъ то обстоятельство, что это развитіе либеральныхъ настроеній въ земской средѣ совпало съ реформами земскихъ учреждений, предпринятыми при Императорѣ Александрѣ III гр. Д. А. Толстымъ, которыя имѣли цѣлью повернуть земство на наиболѣе консервативный путь, но достигли обратнаго результата. Но Правительство оставалось и тогда глухо къ возникающему броженію общественно-политической мысли и даже проявляло къ ней явную враждебность. Такъ, на примѣръ, такой крупный государственный дѣятель, какъ С. Ю. Витте, въ извѣстной запискѣ своей «Самодержавіе и Земство» прямо доказывалъ, что эти два принципа не совмѣстимы. Въ своемъ трудѣ гр. Витте проводилъ ту мысль, что совмѣстное существованіе въ данномъ Государствѣ Самодержавія и принципа самоуправленія не можетъ воспитать свободныхъ гражданъ, а постоянная борьба этихъ двухъ началъ превращаетъ народъ въ народную пыль, неспособную къ сопротивленію, и которая при первомъ же натискѣ на нее можетъ разлетѣться прахомъ. Къ великому прискорбію слова его оказались пророческими. На этомъ лозунгѣ всегдашняго противодѣйствія развитію общественной самодѣятельности Правительство, принципиально и преемственно, стояло твердо, не уступая ничего, и привело этимъ себя въ послѣдствіи къ полному крушенію.

Раздѣленіе Государственной власти и общества было такъ велико, что уже послѣ учрежденія Государственной Думы тогдашній министръ земледѣлія Кривошеинъ въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ въ Кіевѣ на агрономическомъ Съѣздѣ, указывалъ на прискорбное для дѣла дѣленія русскаго общества на мы — правящія сферы и они — все остальное населеніе внѣ этихъ сферъ. Естественно, что спокойнымъ при такомъ положеніи дѣла русское общество оставаться не могло. Но какъ ни какъ, а правительство и тогда хорошо понимало, что безъ содѣйствія общественныхъ элементовъ не только трудно, но

просто невозможно управлять такимъ огромнымъ по территоріи, при разноплеменномъ составѣ населенія, Государствомъ, какимъ являлась Россія.

Разныя условія мѣстностей ставили властно требованія созданія примѣнительныхъ къ этимъ условіямъ законовъ и мѣстныхъ постановленій и само собою разумѣется, что въ XIX вѣкѣ, даже въ невысокомъ по развитію культуры и политическаго сознанія русскомъ народѣ все же политическая и общественная мысль постепенно прогрессировала и не укладывалась уже въ рамки бюрократическаго абсолютизма и полицейскаго режима. Этотъ отживающій Государственный строй съ каждымъ днемъ отставалъ отъ развивающагося государственнаго самосознанія русскаго общества, почему и пропасть между правительствомъ и обществомъ все углублялась и расширялась. Наиболее прозорливые государственные люди той эпохи это хорошо понимали и старались разными палліативными мѣрами смягчить назрѣвающій грозный разладъ въ системѣ управленія Государствомъ, но отрѣшиться отъ власти и мужественно идти на коренныя реформы Государственнаго строя они не могли, ибо не хватало главнаго — любви къ народу, какъ къ таковому, и смѣлости размаха въ твердомъ проведеніи либеральныхъ реформъ. Надо признаться при этомъ, что правящій классъ, изъ котораго пополнялись кадры правительственной власти и не думалъ уступать своихъ прерогативъ, полагая, что русскій народъ и общество настолько дики и неразвиты, что система, принятая правительствомъ, единственная возможная въ данное время. Одновременно съ этимъ, мѣръ къ поднятію умственнаго уровня народа принималось мало, школьное дѣло было поставлено совершенно не цѣлесообразно, даже въ направленіи вредномъ для Государства, ибо школы никогда не были національны, а узко схоластичны, не развивая никогда въ народѣ сознанія обязанности гражданъ къ отечеству, не заботясь о развитіи здороваго патріотизма и беззавѣтной любви къ достоинству и славѣ отечества.

Повторяю, наиболее прозорливые государственные люди конца девятыхъ годовъ прошлаго столѣтія несомнѣнно понимали это, но отказаться отъ своихъ ложныхъ доктринъ не имѣли въ себѣ достаточно мужества и самоотверженности. Таковъ былъ, на примѣръ, всемогущій министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Я не могу воздержаться, чтобъ не привести здѣсь характерный эпизодъ, происшедшій съ закономъ о мѣстной ветеринаріи. Ветеринарное дѣло, благодаря заботамъ о немъ земскихъ учрежденій, въ большинствѣ земскихъ губерній было поставлено весьма удовлетворительно, о чемъ ясно свидѣлствуютъ отчеты Земскихъ Управъ того времени, и дѣло это, близкое населенію и необходимое для развитія его благосостоянія, все улучшалось и развивалось. Но вотъ оказалось, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ явилась злополучная мысль, что ветеринарное дѣло должно быть взято въ руки правительства и централизовано. Началась работа въ этомъ направленіи и изъ нѣдръ Петербургскихъ канцелярій появился небывалый по нецѣлесообразности законъ, ограничивающій право распоряженія ветеринарнымъ дѣломъ Земствъ, превращающій земскихъ ветеринаровъ въ Правительственныхъ чиновниковъ и тормозящій всякую инициативу Земствъ въ постепенномъ и планомѣрномъ развитіи дѣла. Земства подняли невѣроятный шумъ по этому вопросу. Полетѣли ходатайства о томъ, чтобъ законъ былъ пересмотрѣнъ и измѣненъ. Я тогда былъ Предсѣдателемъ Екатеринославской Губ. Земской Управы и хорошо помню то тяжелое чувство обиды и оскорбленія, которое нами испытывалось, видя, какъ безо всякой надобности, безцѣльно разрушалось стройное зданіе одной изъ важнѣйшихъ отраслей Земскаго Хозяйства. Между тѣмъ законъ ветеринарный

прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ и былъ Высочайшей властью утвержденъ. Но такъ какъ вопль земскихъ протестовъ оказался весьма интенсивнымъ, то умный Плеве понялъ, что изданіемъ этого закона онъ попалъ въ просякъ, что кромѣ раздраженія и справедливаго осужденія изъ этого ничего не выйдетъ и совершилось небывалое — Высочайше утвержденный законъ не увидалъ свѣта и было создано новое Совѣщаніе съ участіемъ представителей отъ Земскихъ Учрежденій, въ числѣ которыхъ находился и я. Долженъ засвидѣтельствовать, что Плеве отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ заявленію и критикѣ земскихъ членовъ Совѣщанія. Критика эта была поистинѣ безошадна и отъ закона не осталось камня на камнѣ.

Очевидность нелѣпости изданнаго закона наглядно выступила, когда были составлены журналы Совѣщанія, и пришлось, не взирая на то, что онъ былъ по всѣмъ правиламъ законодательства изданъ и утвержденъ Верховной Властью, вновь представить Государю на предметъ его отмѣны. В. К. Плеве воспользовался присутствіемъ земскихъ делегатовъ и часто собиралъ насъ у себя въ кабинетѣ, стараясь выудить у нихъ ихъ мнѣнія по многимъ насущнымъ вопросамъ. Мнѣнія свои мы высказывали съ полной откровенностью. Къ чести В. К. Плеве надо сказать, что никто за свою прямолинейность изъ насъ не пострадалъ. То-же самое произошло и съ продовольственнымъ вопросомъ, которымъ издавна вѣдало Земство и дѣло обстояло весьма недурно. Запасные магазины были полны зерна, и у каждой волости имѣлись нѣкоторые капиталы. Внезапно у Правительства явилась мысль, передать дѣло въ руки администраціи, что и было выполнено. Былъ составленъ за симъ законопроектъ, который подвергся однако жестокой критикѣ Земскихъ Учрежденій, которымъ онъ былъ препровожденъ для заключенія. Вновь была созвана коммисія съ участіемъ представителей Земствъ, и продовольственный законъ не увидалъ свѣта, а дѣло продолжало идти по старымъ и нѣкоторымъ новымъ временнымъ правиламъ, но подъ руководствомъ администраціи, отъ чего дѣло не выиграло ничуть. Вотъ какъ недовѣрчиво, а подчасъ даже враждебно относилась Государственная власть, а такихъ примѣровъ можно насчитать множество. Комментаріи при этомъ излишни — общественность, которая натыкалась на каждомъ шагу на препятствія и тормазы, песомнѣнно раздражали всѣ безполезныя стѣсненія и она глухо выражала свое неудовольствіе.

Вспыхнувшая Японская война застала Русское общество именно въ этомъ состояніи броженія политической мысли, а время учрежденія Государственной Думы, послѣ неудачной Японской войны и революціи 1905 года — знаменательно само по себѣ.

Задачи Государственной Думы послѣ Японской войны

Несомнѣнно, что неудача Японской войны вызвала всеобщее негодованіе и раздраженіе, вибрировала въ широкіе общественные круги убѣжденіе, что такъ существовать больше нельзя, что рисковать жизнью гражданъ и народнымъ достояніемъ безъ достаточныхъ для того оснований и безъ контроля общества надъ дѣйствіями Правительственной власти дальше невозможно. Японская война стала уже болѣе или менѣе достояніемъ исторіи и, какъ ни больно для національнаго самолюбія Россіи, — необходимо признать горькую истину, что въ этой войнѣ

побѣдила насъ маленькая Японія. На этой почвѣ возникъ цѣлый рядъ революціонныхъ эксцессовъ, имѣющихъ въ своей основѣ чувство оскорбленнаго патріотизма. Мало-по-малу, однако, вспыхнувшее революціонное теченіе пошло на убыль, оно было локализовано въ стѣнахъ созданнаго народнаго представительства, и революція умиротворилась. Судьбами Государства призваны были отнынѣ, по духу дарованной конституціи, распоряжаться народные избранники въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Какія же задачи стали передъ ними?

Я не коснусь кратковременной дѣятельности I-й и II-й Государственныхъ Думъ, скажу только, что задачи, поставленныя себѣ Государственной Думой III-го созыва, были слѣдующія: укрѣпленіе распатанной неудачной войной военной мощи Россіи, возможное исправленіе поколебавшагося финансоваго положенія Государства и экономическихъ производительныхъ силъ страны и засимъ возстановленіе внутренняго порядка и законмѣрности во всемъ.

Стремленіе къ достиженію поставленныхъ себѣ цѣлей проходитъ красной нитью черезъ всѣ постановленія Государственной Думы. Государственныя Думы I-го и II-го созывовъ, въ силу кратковременности своего существованія, не могли оставить значительный слѣдъ въ этой области: ихъ работы не успѣли даже дойти до разсмотрѣнія бюджета. Но Государственныя Думы III-го и IV-го созывовъ сдѣлали все, что могли сдѣлать въ этомъ направленіи.

Военный бюджетъ ко времени войны съ Германіей съ 350 милліоновъ, каковымъ его застала Японская война, возросъ до 750 милліоновъ. И лучшей характеристикой въ данномъ случаѣ можетъ служить личный отзывъ Великаго князя Верховнаго Главнокомандующаго Николая Николаевича въ словахъ, сказанныхъ имъ мнѣ: «Я не политикъ, говорилъ онъ, и не знаю, что дѣлаетъ Государственная Дума въ политическихъ вопросахъ, но что касается военнаго законодательства, то Государственная Дума всегда была выше всякихъ похвалъ». Сказано это было за годъ до войны на одномъ изъ военныхъ торжествъ.

За все время существованія Государственной Думы не было ни одного случая отказа въ открытіи кредита на военныя надобности: давалось всегда все безъ отказа, часто давалось даже больше, чѣмъ требовали. Противъ военнаго кредита вотировали лишь завязтые оппозиціонеры, да и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Военные вопросы разсматривались въ Государственной Думѣ не на почвѣ политическихъ программъ и не съ точки зрѣнія политическихъ партій, а исключительно съ точки зрѣнія интересовъ и нуждъ Государства.

Финансовая сторона дѣятельности Государственной Думы III-го и IV-го созывовъ также достигла въ значительной степени поставленныхъ ею себѣ цѣлей: въ первый же годъ послѣ Японской войны Государственную роспись удалось сбалансировать съ незначительнымъ дефицитомъ. Въ бюджетахъ остальныхъ годовъ доходы превышали расходы, при условіи, что податное бремя, несмотря на значительное увеличеніе размѣра государственныхъ расходовъ, не было увеличено или увеличено лишь въ незначительной степени. Достигнуто это было цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ дѣйствительнаго поступленія доходовъ, возможнымъ сокращеніемъ расходовъ и прекращеніемъ произвола и безконтрольнаго расходованія государственныхъ средствъ.

Этими мѣрами было достигнуто то, что свободная наличность Государственнаго Казначейства къ началу войны равнялась 475 милліонамъ рублей. золотой

запасъ Государственнаго Банка въ это время равнялся одному миллиарду восьмистамъ милліонамъ рублей. Государственный бюджетъ къ моменту объявленія намъ Германіей войны возросъ до 3-хъ милліардовъ рублей. Все это, конечно, указываетъ насколько Государственная Дума была чужда какихъ бы то ни было революціонныхъ стремленій, а всѣ свои заботы направляла ко внутреннему благоустроению Государства. Въ всякаго сомнѣнія, что благоустройство военныхъ силъ страны и устойчивость ея финансовъ, охраняя, съ одной стороны, ея безопасность, обезпечиваетъ въ то же время благосостояніе каждаго отдѣльнаго гражданина, гарантируя ему свободу труда, охраняя его производительность, и въ этомъ отношеніи въ дѣятельности Государственной Думы III-го и IV-го созывовъ до войны не было отказа разумнымъ начинаніямъ Правительства, не было мѣста оппозиціи во что бы то ни стало, а слѣдовательно, не было и мѣста подготовкѣ революціи.

Но въ дѣлѣ возстановленія внутренняго порядка и законности дѣло обстояло значительно хуже, и въ отношеніяхъ Государственной Думы и Вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ далеко не все обстояло благополучно. Продолжая стоять на принципѣ предупрежденія и пресѣченія, усматривая вездѣ революціонныя начала, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не могло помириться съ наличиемъ народнаго представительства, его правомъ контроля исполнительной власти и правомъ запросовъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и революціонные эксцессы

Всѣмъ хорошо памяты всякаго рода репрессіи, усиленныя охраны, незаконныя дѣйствія власти, давленія на печать и тормазъ полиціи разнымъ общественнымъ начинаніямъ на мѣстахъ. Всѣ эти неправильныя взаимоотношенія Правительства и общества стали особенно болѣзненно чувствительны при наличности народнаго представительства. Посланные запросы о творившемся на мѣстахъ все больше и больше натягивали и безъ того достаточно натянутыя струны.

Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ тяжело въ этомъ отношеніи жилось при старомъ режимѣ, какъ была скована творческая народная мысль совершенно ненужными подозрѣніями, постоянно ослаблявшими вѣру въ возможность совмѣстной работы съ Правительствомъ, и поэтому распространяться въ этомъ направленіи я не буду. Государственная Дума, избранная народомъ и облеченная его довѣріемъ, оставаться равнодушной къ такому положенію вещей, конечно, не могла. Велась упорная борьба съ Вѣдомствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но борьба не на почвѣ сверженія или разрушенія общественнаго строя, не на почвѣ колебанія государственныхъ основъ, а на необходимости реформъ, нужныхъ для упорядоченія народной жизни, успокоенія умовъ и внѣдренія во всемъ законности. Велась эта борьба не на почвѣ усиленія революціоннаго настроенія въ странѣ, а напротивъ, въ сознаніи необходимости ослабить дѣйствіе революціонной агитаціи путемъ дарованія всѣмъ гражданамъ равенства передъ закономъ, равнымъ для всѣхъ.

Здѣсь уместно будетъ замѣтить, что часто отдѣльныя выступленія болѣе пылкихъ ораторовъ, впадавшихъ въ агрессивный тонъ, инкриминировались всей Думѣ въ совокупности. Это, конечно, надо объяснить малой привычкой рус-

скаго общества разбираться въ томъ, что происходило въ стѣнахъ законодательнаго Учрежденія. Общество не привыкло еще отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что важны не отдѣльныя выступленія, а постановленія Государственной Думы, отражающія мнѣніе ея большинства и могущія вылиться въ форму закона.

Революціонныхъ постановленій III-й и IV-й Государственныхъ Думъ нельзя пайти ни въ одномъ журналѣ, ни въ одномъ стенографическомъ отчетѣ.

Таково было настроеніе Государственныхъ Думъ III-го и IV-го созывовъ.

Является, однако, вопросъ: вполне ли соотвѣтствовало настроеніе Государственной Думы въ этотъ періодъ времени настроенію страны?

Народное представительство было, несомнѣнно, настроено патріотично и національно, любило свою родную армію, тогда какъ интеллигентное общество было настроено, къ сожалѣнію, антимилитарно, нѣсколько интернаціонально, а поэтому и мало патріотично. Слишкомъ глубоко вѣдрилась въ него привычка критики дѣйствій власти и глубокая неудовлетворенность отечественными порядками, или вѣрнѣе, непорядками Государственной жизни.

Народное представительство — Государственная Дума, — основой своей работы положила убѣжденіе въ необходимости вести страну путемъ эволюціи, но не революціи, къ развитію либеральныхъ реформъ.

Но правительство оставалось глухо къ этому правильному пониманію своихъ задачъ Государственной Думы и продолжало упорно стоять на принципѣ: «сначала успокоеніе, а потомъ реформы». О неправильности этого принципа много будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, но здѣсь умѣстно будетъ сказать, что Государственный Совѣтъ сталъ на ту же точку зрѣнія и усердно помогаль Правительству тормозить всякія начинанія Государственной Думы, направленные къ проведенію въ жизнь необходимыхъ либеральныхъ реформъ. Покойный П. А. Столыпинъ не разъ горько жаловался мнѣ на то, что при создавшемся положеніи вещей управлять Государствомъ и законодательствовать невозможно. «Что толку въ томъ, говорилъ онъ, что успѣшно проведешь хорошій законъ черезъ Государственную Думу, зная впередъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ его ожидаетъ неминуемая пробка». И дѣйствительно, можно привести цѣлый рядъ хорошо продуманныхъ и успѣшно проведенныхъ черезъ Государственную Думу законовъ, насущно необходимыхъ для страны, но которые никогда не увидѣли жизни изъ за упорной оппозиціи въ Государственномъ Совѣтѣ. Нельзя не удивляться этой непонятной позиціи нашей верхней палаты, прекрасно знавшей, что революціонныя волны 1905 года вовсе не утихли, а только просочились вглубь народной толщи.

Государственная Дума хорошо понимала, что путь революціонный приведетъ къ такимъ потрясеніямъ государственнаго организма, которыя грозили бы цѣлости Государства, но видѣ Государственной Думы, несомнѣнно, уже тогда шла революціонная работа, весьма интенсивная, какъ это мы и увидимъ ниже.

Громадное большинство членовъ Государственной Думы было вполне солидарно съ мыслью, высказанной во II-ой Думѣ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ П. А. Столыпинымъ въ его обращеніи, въ одной изъ рѣчей къ лѣвому крылу Думы: «Вамъ нужны великія потрясенія, а намъ нужна Великая и Сильная Россія». Однако, съ кончиной Столыпина, въ правительственныхъ кругахъ стало одолевать крайнее правое теченіе, стремившееся сократить и принизить значеніе народнаго представительства. По крайней мѣрѣ, въ докладѣ своемъ Императору Николаю II, даже еще въ 1915 году, во время войны, тогдашній

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ совершенно открыто указывалъ на необходимость такой мѣры, и при этомъ докладѣ я лично видѣлъ собственноручное письмо къ Министру Императора Николая II, въ которомъ онъ писалъ, что эти соображенія Маклакова имъ — Императоромъ — одобряются и раздѣляются. Даже вполне законопослушная и трезво относящаяся къ дѣлу Государственнаго строительства III-я Государственная Дума была взята подъ подозрѣнiе, и правящiе круги всячески старались въ чемъ только возможно умалить ея значенiе и достоинство. Такъ, на примѣръ, въ дни празднованiя Отечественной войны, 1812 года, въ Москвѣ Государственная Дума, какъ таковая, не была приглашена къ участию въ торжествахъ памяти народной войны, а былъ приглашенъ только Предсѣдатель ея именованнымъ приглашенiемъ, тогда какъ Государственный Совѣтъ былъ приглашенъ, какъ учрежденiе, въ полномъ своемъ составѣ.

При прощальной аудiенци передъ роспускомъ III-й Государственной Думы. Императоръ Николай II-й не былъ благосклоненъ къ Государственной Думѣ въ прощальномъ своемъ словѣ, обращенномъ къ ней, и Дума развѣхалась, огорченная и оскорбленная, не чувствуя за собой никакой вины и ожидавшая много къ себѣ отношенiя Верховной власти.

Наступившая вслѣдъ за этимъ избирательная кампанiя ясно обнаружила рѣшимость Правительства добиться состава Государственной Думы исключительно изъ правыхъ партiй, для чего были пущены въ ходъ всевозможныя средства, примѣняемая съ большою изобрѣтательностью правительствомъ В. Н. Коковцева, и на все прогрессивно мыслящее было воздвигнуто форменное гоненiе. Въ этихъ цѣляхъ сдѣлано было черезъ оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблера основательное давленiе на духовенство. Правительств. Сенатъ сыпалъ, какъ изъ рога изобилiя, одно разъясненiе за другимъ, въ цѣляхъ сокращенiя круга избирателей. Но, несмотря на это, большинства въ Думѣ Правительство все-жъ не добилося, что стало сразу яснымъ при избранiи Предсѣдателя Государственной Думы изъ партiй октябристовъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Настроенiе всѣхъ партiй отъ октябристовъ и лѣвѣе ихъ было чрезвычайно повышенное, можно даже сказать, озлобленное къ Правительству, но и внутреннiй разладъ въ самой Думѣ получился такой, что болѣе мѣсяца Государственная Дума не въ состоянiи была избрать Товарищей своего Предсѣдателя, не имѣя возможности сговориться на кандидатахъ. Если къ этому прибавить, что слухи о предстоящемъ переворотѣ, въ смыслѣ превращенiя Думы изъ законодательной въ законосовѣщательную, слухи о возможности роспуска ея, въ виду невозможности достигнуть соглашенiя между партiями даже въ выборѣ президiума, стали распространяться все шире и шире. то прямая опасность авторитету народнаго представительства вставала для насъ во весь ростъ, какъ реальная дѣйствительность.

Партiя Народной Свободы, подвергшаяся наибольшимъ предвыборнымъ гоненiямъ, явно клонилась къ союзу съ крайними лѣвыми элементами, и опасность появленiя чисто-революционныя настроенiй въ нѣдрахъ самой Государственной Думы зрѣла не по днямъ, а по часамъ. Это обстоятельство въ свою очередь грозило самому существованiю Государственной Думы, что повело бы къ неизбѣжнымъ революционнмъ волненiямъ въ странѣ. При такихъ условiяхъ партiя октябристовъ, какъ центральная, увидѣла необходимость, путемъ переговоровъ и взаимныхъ уступокъ, достигнуть при помощи соглашенiя прочнаго достаточно многочисленнаго большинства, способнаго отстоять народное представи-

тельство отъ всякихъ на него покушеній какъ со стороны правительства, такъ и со стороны своихъ собственныхъ крыльевъ, праваго и лѣваго. Были начаты переговоры въ соединенныхъ засѣданіяхъ руководителей разныхъ фракцій Думы съ цѣлью привлечь вліятельную въ странѣ кадетскую партію къ соглашенію и предотвратить ея союзъ съ социалистическими группами. Имѣлось въ виду также оторвать возможно большее число членовъ Думы отъ крайняго праваго, воинствующаго крыла. Переговоры, однако, затянулись. Главнымъ тормазомъ было упорное требованіе к.-д. партіи о включеніи въ программу соглашенія еврейскаго вопроса цѣликомъ. При этомъ нужно по справедливости замѣтить, что гг. кадеты были болѣе правовѣрными, чѣмъ сами евреи, представители которыхъ лично заявляли, что при создавшемся положеніи вещей, по ихъ мнѣнію слѣдуетъ отсрочить жгучій еврейскій вопросъ и отнюдь не ставить его рѣзко программно. Не знаю, повліяли-ли они на руководителей кадетской фракціи Государственной Думы? Но все же центральныя партіи находили, что при создавшемся соотношеніи силъ, вопросъ этотъ надлежало бы оставить открытымъ, а к.-д. партія упорно стояла на своемъ. Все же, въ концѣ концовъ, соглашеніе на основѣ уступокъ состоялось, было подписано представителями партій и собрало значительное и устойчивое большинство Государственной Думы, получившее названіе прогрессивнаго блока Думскихъ партій. Возникновеніе этого блока было встрѣчено крайне враждебно какъ Правительствомъ, такъ равно и крайнимъ лѣвымъ, и крайнимъ правымъ крыломъ Государственной Думы. И надо признаться, что прогрессивный блокъ долженъ былъ быть одинаково нетерпимымъ для всѣхъ этихъ элементовъ. Разрушивъ уже возникавшее соглашеніе партіи Народной Свободы съ социалистическими революционными кругами и, отмежевавшись отъ не менѣе опасныхъ для молодого еще Русскаго народнаго представительства крайнихъ правыхъ круговъ, прогрессивный блокъ вводилъ работу законодательнаго учрежденія въ нормальный эволюціонный темпъ, имѣя достаточную силу парализовать всякія революціонныя попытки какъ справа, такъ и слѣва. Не могло это соглашеніе радовать и Правительство, такъ какъ оно вынуждало его считаться съ прочно спаяннымъ прогрессивнымъ большинствомъ Государственной Думы, чѣмъ разрушалась вся упорная предвыборная работа Правительства, стремившагося къ созданію послушнаго ему большинства въ Государственной Думѣ.

На прогрессивный блокъ немедленно же посыпались всякія нареканія изъ нѣдръ перечисленныхъ элементовъ, оставшихся внѣ соглашенія. Его обвиняли во всякихъ небывалыхъ замыслахъ взаимно противорѣчащихъ другъ другу, въ зависимости отъ того лагеря, изъ котораго такія инсинуаціи исходили.

Ненависть къ создавшемуся прочному ядру была такъ велика, что объединила два противоположныхъ полюса въ Государственной Думѣ и можно привести не одинъ примѣръ, когда крайнія правыя монархическія и крайнія лѣвыя социалистическія партіи оказывались въ трогательномъ единеніи и голосовали вмѣстѣ, стремясь затормозить работу прогрессивнаго блока, что, къ сожалѣнію, иногда и удавалось.

А между тѣмъ, значеніе прогрессивнаго блока было чрезвычайно. Соглашеніе это, создавъ прочное прогрессивное большинство, возвращало Государственной Думѣ ея поколебленный былъ авторитетъ, дѣлало возможнымъ планомерную работу законодательнаго учрежденія и исключало возможность случайныхъ голосованій въ существенныхъ вопросахъ законодательства.

Программа блока была впервые открыто заявлена съ Думской кафедры въ отвѣтъ на декларацію Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина, смѣнившаго на этомъ посту В. Н. Коковцева.

Особенно вышуклое значеніе наличія прогрессивнаго блока Думскихъ фракцій сказалось при объявленіи войны.

Блокъ отказался отъ лица входящихъ въ его составъ партій на время войны отъ проведенія какихъ бы то ни было своихъ программъ, и всю свою работу рѣшилъ направить въ помощь Правительству въ исключительно трудныя времена войны. Впослѣдствіи прогрессивный блокъ всѣми возможными мѣрами боролся противъ пораженческаго движенія, несомнѣнно насажденнаго въ Россіи германскимъ шпионажемъ и агентурой.

Изъ изложенныхъ мною обстоятельствъ его возникновенія ясно видно, что прогрессивный блокъ въ Государственной Думѣ явился послѣдствіемъ необходимости самообороны и борьбы съ нарождающимся революціоннымъ движеніемъ въ странѣ. Только полною неосвѣдомленностью общества объ этихъ причинахъ и можно объяснить себѣ всѣ кривотолки и несправедливыя нападки, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ.

Въ весеннюю сессию 1914 года въ Государственной Думѣ прошелъ законопроектъ о большой военной программѣ, которая, выполненная въ два года, то-есть къ 1917 году, дѣлала нашу армію и численно, и по снаряженію значительно сильнѣе германской.

Съ момента утвержденія этого закона Верховной властью, для насъ, членовъ Государственной Думы, стало ясной неизбѣжностью въ самомъ ближайшемъ будущемъ вооруженнаго столкновенія съ Германіей, которая не могла ждать нашего военнаго усиленія.

Съ этого же момента революціонная агитація, несомнѣнно германскаго происхожденія, среди рабочихъ разныхъ заводовъ усилилась до чрезвычайныхъ размѣровъ. Хотя она явно существовала и раньше, но особенно усилилась съ начала 1914 года.

Здѣсь несомнѣнно была примѣнена излюбленная система Германіи, путемъ широкой подпольной агитаціи внести смуту въ тылу воюющей съ ней страны. Въ современныхъ войнахъ, гдѣ техника играетъ едва ли не первенствующую роль, разрушить правильный транспортъ тыла, лишая армію нормальнаго подвоза провіанта, интендантскаго и боеваго снабженія, представлялось для Германіи вопросомъ несомнѣнно первостепенной важности. Посѣять смуту въ умы оставшагося дома населенія, посѣять недовѣріе къ вождямъ своимъ среди русскаго воинства, путемъ возбужденія рабочихъ и подстрекательства ихъ къ забастовкамъ въ цѣляхъ затрудненія промышленныхъ работъ, направленныхъ къ снабженію арміи — это были безспорно прямыя задачи нашего врага и проводились имъ чрезвычайно умѣло и упорно въ Россіи.

Благодаря попустительству Правительства, препятствій эта пропаганда не встрѣчала, и кромѣ указанныхъ мотивовъ упорно сѣялась преступная идея пораженчества, успѣху которой способствовала неувѣренность русскаго общества въ томъ, что Правительство способно довести войну до побѣднаго конца.

Петроградъ въ 1914 году, передъ самой войной, былъ объятъ революціонными эксцессами. Эти революціонные эксцессы, возникшіе среди рабочаго населенія Петрограда, часто влекли вмѣшательство вооруженной силы; происходили демонстраціи, митинги, опрокидывались трамвайныя вагоны, валились телеграфныя и телефонныя столбы, устраивались баррикады.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и волненія среди фабрично-рабочаго класса были результатомъ дѣятельности Германскаго Генеральнаго Штаба. Такъ, на примѣръ, произошли загадочныя отравленія работницъ на табачныхъ фабрикахъ въ Петроградѣ, которыя не были раскрыты и такъ и остались загадкой. Забастовки возникали и организовались безъ всякихъ видимыхъ причинъ и только теперь стало ясно, гдѣ лежалъ корень всѣхъ этихъ событій. Надо было окончательно разложить и развратить русскую промышленность передъ войной, и внести непоправимую смуту въ русское общество. Сѣмена большевизма на почвѣ разжиганія классовой ненависти сѣялись, очевидно, щедрою рукою, и эта пропаганда, которую не поняли и съ которой никто не боролся, конечно, сыграла видную роль въ подготовкѣ къ Русской революціи.

Все это происходило во время посѣщенія Россіи представителемъ дружественной намъ державы — Президентомъ Французской Республики Пуанкаре.

Волненія въ столицѣ были настолько сильны, что Президентъ вынужденъ былъ ѣздить по городу въ сопровожденіи значительнаго военнаго конвоя. То же самое, хотя, разумѣется, въ меньшемъ масштабѣ, происходило и на мѣстахъ. Велась энергичная агитація среди крестьянъ на почвѣ земельныхъ отношеній и нельзя не отмѣтить силу и вліяніе этой агитаціи. Землевладельцы должны хорошо помнить тѣ условія, въ которыя были поставлены они, въ виду частыхъ волненій сельскихъ рабочихъ и ихъ постоянныхъ забастовокъ въ горячую пору. Справедливое стремленіе къ увеличенію площади своей пахатной земли получило совершенно неправильное направленіе, подъ вліяніемъ той же агитаціи, и назвать состояніе умовъ русской деревни въ то время спокойнымъ — было бы большою ошибкой и, конечно, германская агитація велась на этой почвѣ весьма широко. Однако, за нѣсколько дней до объявленія войны, когда международное политическое положеніе стало угрожающимъ, когда маленькой братской намъ Сербіи — могущественной сосѣдкой Австріей былъ предъявленъ извѣстный всѣмъ и неприемлемый для нея ультиматумъ, какъ волшебствомъ сметено было революціонное волненіе въ столицѣ. Я былъ въ это время за границей, въ Германіи, но, къ счастью, мнѣ удалось избѣжать нѣмецкаго плѣненія.

Вся германская пресса, очевидно, въ цѣляхъ подготовленія общественнаго мнѣнія Германіи къ войнѣ, на всѣ лады трубила о полномъ разложеніи Россіи. Всѣ газеты утверждали, что революція у насъ вспыхнетъ не сегодня — такъ завтра, на всѣ лады обрисовывалось возрастающее вліяніе Wundermönch'a (Чудомонаха) Распутина, ненавистнаго странѣ, но пріобрѣтшаго исключительное вліяніе на Русскую Императорскую Чету и т. д. и т. д.

Объявленіе войны и общественныя настроенія

Вернувшись въ Петроградъ передъ самымъ объявленіемъ войны, я былъ пораженъ переменною настроенія жителей столицы. «Кто эти люди?» — спрашивалъ я себя съ недоумѣніемъ, — «которые толпами ходятъ по улицѣ съ національными флагами, распѣвая народный гимнъ и дѣлая патріотическія демонстраціи передъ домомъ Сербскаго посольства».

Я ходилъ по улицамъ, вмѣшивался въ толпу, разговаривалъ съ нею и, къ удивленію, узнавалъ, что это рабочіе, тѣ самые рабочіе, которые нѣсколько дней тому назадъ ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады.

На вопрос мой: чѣмъ объясняется перемена настроенія? я получилъ отвѣтъ: «Вчера было семейное дѣло: мы горячо ратовали о своихъ правахъ, для насъ реформы, проектируемыя въ законодательныхъ учрежденіяхъ, проходили слишкомъ медленно, и мы рѣшили сами добиться своего, но теперь — сегодня — дѣло касается всей Россіи. Мы придемъ къ Царю, какъ къ нашему знамени, и мы пойдемъ за нимъ во имя побѣды надъ нѣмцами».

Аграрныя и всякія волненія въ деревнѣ сразу стихли въ эти тревожные дни, и какъ великъ былъ подъемъ національнаго чувства — краснорѣчиво свидѣтельствуя цифры: къ мобилизаціи явилось 96% всѣхъ призываемыхъ, явились безъ отказа и воевали впоследствии на славу.

Настроеніе было далеко не революціонное, а чисто патріотическое и воодушевленное. А между тѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ войны это настроеніе такъ измѣнилось, что обезпечило громаднѣйшій успѣхъ вспыхнувшей революціи.

Какимъ же образомъ произошла эта перемена, и что было причиной кореннаго измѣненія настроенія массъ, и гдѣ надо искать корень зла?

Готовность жертвовать всѣми средствами и силами на благо Родины, ввиду начавшейся войны, превышала даже потребность въ этихъ жертвахъ, но общій лозунгъ безусловно объединялъ всѣхъ: «Мы должны побѣдить».

Всѣми, хотя и смутно, понималось, что возникшая война является войной рѣшающей въ давнемъ спорѣ между германцами и славянами, но настоящая цѣль войны и перспективы будущаго въ случаѣ побѣды, а также сущность происходящихъ событій, къ сожалѣнію, народнымъ массамъ были неясны, какъ неясно было и то, что произойдетъ въ случаѣ пораженія Россіи и какія губительныя послѣдствія ожидаютъ нашу Родину въ этомъ случаѣ.

Война и Правительство

Вмѣстѣ съ этимъ, въ самомъ началѣ войны, Правительство стало на совершенно ложную точку зрѣнія. Въ цѣляхъ укрѣпленія монархическаго начала и престижа Царской власти, Правительство полагало, что войну должно и можетъ выиграть одно оно — Царское Правительство, безъ немедленной организаціи народныхъ силъ въ цѣляхъ объединенія всѣхъ въ великомъ дѣлѣ войны.

Правительство считало, что можно выиграть эту кампанію путемъ приказа и повелѣнія, и тѣмъ самымъ доказать, что Царское Правительство стоитъ на надлежащей высотѣ пониманія народной воли. Таково было, по крайней мѣрѣ, мое впечатлѣніе изъ бесѣдъ съ лицами, занимавшими крупныя правительственныя мѣста, стоявшими тогда во главѣ управленія страной. Я смѣло утверждаю, что въ теченіе трехлѣтней войны это убѣжденіе Правительства не измѣнилось ни на іоту.

Путемъ здоровой пропаганды не виѣдрялись въ массы народа здоровыя понятія о томъ, что несетъ за собою настоящая война, какія послѣдствія могутъ быть отъ пораженія Россіи, и насколько необходимо дружное содѣйствіе всѣхъ гражданъ, не жалѣя ни силъ, ни средствъ, ни жизней, ни крови для достиженія побѣды. Ошибочная точка зрѣнія неправильно понятыхъ своихъ Государственныхъ задачъ, постоянное опасеніе, какъ бы путемъ организаціи народа не создать почву для революціонныхъ очаговъ, и было роковой и коренной ошибкой всей внутренней политики нашего Правительства — не было въ Правительствѣ

необходимаго довѣрія къ народу. Въ этой позиціи, занятой Правительствомъ, кроются всѣ причины, съ моею точки зрѣнія, дальнѣйшихъ ошибокъ, допущенныхъ въ веденіи войны и приведшихъ насъ къ катастрофѣ. Правительство на первыхъ же порахъ не отдало себѣ яснаго отчета въ томъ объемѣ, который можетъ принять міровая война.

Правительство не хотѣло понять, что во всѣхъ главныхъ отрасляхъ и вопросахъ народнаго хозяйства, безъ коренной перемѣны направленія внутренней политики въ смыслѣ довѣрія къ здравому смыслу русскихъ гражданъ, оно не въ состояніи будетъ одолѣть тѣхъ не бывалыхъ еще залпосовъ и той грандіозной работы, которая требуетъ отъ него созданія колоссальнѣйшей арміи, необходимой, однако, для спасенія Государства.

Вліяніе Распутина

Къ этому надо прибавить, что вліяніе Распутина, этого оракула Императорской четы, стало все болѣе и болѣе возрастать за это время, и съ нимъ, или вѣрнѣе, съ его кружкомъ, считались всѣ министры, и, какъ мы увидимъ ниже, Распутинъ и его кружокъ впоследствии пріобрѣли такое значеніе, что только по его совѣту и указанію назначались министры и должностныя лица. Вліяніе его можно объяснить чрезмѣрно мистическимъ настроеніемъ Императрицы, имѣвшей неограниченное вліяніе на своего супруга. Незвѣстность исхода войны, опасность для династіи въ случаѣ пораженія заставляли царицу прибѣгать къ воображаемому дару пророчества Распутина, чтобы попытаться поднять завѣсу надъ загадочнымъ будущимъ.* Лично Распутинъ, въ вопросахъ войны, держался чрезвычайно двусмысленно. Его рѣчи по поводу войны, которыя передавались изъ устъ въ уста, носили неопредѣленный, неясный характеръ, но скорѣе съ отгѣнкомъ пораженчества и, несомнѣнно, ясно выраженной симпатіей къ Германіи.

Война и Государственная Дума

Но для насъ, членовъ Государственной Думы, вопросъ былъ ясенъ. Намъ, близко и подробно ознакомленнымъ со всѣмъ ходомъ дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, со всѣми обстоятельствами, приведшими къ ней, было совершенно ясно, что дѣло идетъ о продолжительной и упорной борьбѣ, что вопросъ идетъ о принципиальной борьбѣ германцевъ со славянами, что скоро и быстро война эта кончиться не можетъ, такъ какъ Германія, несомнѣнно, еще издавна лелѣяла безумную надежду стать владычицей міра въ полномъ объемѣ и смыслѣ этого слова.

Неправильная позиція, занятая Правительствомъ, внушала уже тогда опасеніе, что оно не справится съ поставленной ему гигантской задачей, а руководствуясь лишь слѣпой цѣлью поддержанія престижа своей власти во что бы то ни стало и видя вездѣ несуществующую еще и въ зародышѣ революцію, оно, несомнѣнно, надѣлаетъ массу ошибокъ.

* Справедливость этого мнѣнія находитъ себѣ подтвержденіе въ изданныхъ въ «Общемъ Дѣлѣ» письмахъ Императрицы Александры Феодоровны.

Къ борьбѣ съ возникшей немедленно послѣ объявленія войны нѣмецкой пропагандой Правительствомъ не было ничего ни организовано, ни подготовлено. Старая привычка только повелѣвать и думать, что въ томъ напряженномъ состояніи, въ которомъ находилась страна, можно ограничиться приказомъ и требованіемъ безсознательнаго исполненія, сыграла свою гибельную роль. Этой неправильной постановкой внутренней политики Правительство посѣяло само первыя сѣмена возникшей потомъ революціи. Несмотря на неоднократныя указанія Государственной Думы, Правительство оставалось къ нимъ глухимъ и продолжало проводить въ жизнь указанную точку зрѣнія. А между тѣмъ, факты указывали совершенно иной путь для внутренней политики. Государственная Дума была созвана 26 іюля 1914 года по настоянію ея Предсѣдателя и только послѣ личнаго доклада о семъ Императору Николаю II. Въ этомъ историческомъ засѣданіи не было партій. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что на партійной почвѣ раньше этого бывали споры, доходящіе до эксцессовъ, до скандаловъ, и Предсѣдателю Государственной Думы нужно было пускаться въ ходъ всю полноту своей власти, чтобы добиться хоть вѣшняго спокойствія и вѣшняго порядка.

Въ засѣданіи 26 іюля всѣ партійныя перегородки пали, всѣ безъ исключенія. Члены Думы признали необходимость войны до побѣднаго конца, во имя чести и достоинства дорогого Отечества, и дружно объединились между собой въ этомъ сознаніи и рѣшили всецѣло поддерживать Правительство.

Безъ различія національностей всѣ поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что пораженіе невыносимаго германскаго милитаризма является безусловно необходимымъ. Только одинъ депутатъ (Чхеидзе) позволилъ себѣ выступить апологетомъ пораженчества, хотя и въ туманныхъ и неясныхъ намекахъ. Онъ встрѣтилъ, однако, суровый отпоръ своей непатріотической рѣчи въ Государственной Думѣ, и послѣдствія доказали въ дальнѣйшемъ близость Чхеидзе къ германскимъ кругамъ. Достаточно прочесть стенографическій отчетъ этого засѣданія, чтобы убѣдиться, насколько великъ былъ національный подъемъ и насколько всѣ народности, входящія въ составъ Россійскаго Государства, представляли въ этотъ моментъ одну семью, одушевленную одной цѣлью и однимъ стремленіемъ.

Правительство и Государственная Дума

Правительство осталось, однако, глухо къ этому внушительному уроку. Свою точку зрѣнія — подозрѣніе въ революціонности страны, ни на чемъ не основанную, оно проводило даже въ мелочахъ.

Я не буду утруждать вниманія читателей перечисленіемъ многочисленныхъ фактовъ, доказывающихъ такое мое утвержденіе, но одинъ изъ нихъ настолько характеренъ, что я не могу не подѣлиться съ вами.

Въ началѣ войны, приблизительно въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1914 года, я былъ вызванъ въ Ставку Великимъ Княземъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Николаемъ Николаевичемъ, который заявилъ мнѣ буквально слѣдующее: «Я въ безвыходномъ положеніи, — Армія безъ сапогъ. помогите!» Я отвѣтилъ Великому Князю, что это дѣло, несомнѣнно, можно быстро наладить, что этому можно

быстро помочь, но что для этого нужно обратиться къ общественнымъ организациямъ, которыя близко знаютъ производительныя силы своего района и, несомнѣнно, успѣшно наладятъ это дѣло. Великій Князь назвалъ цифру требуемаго количества сапогъ, цифру сравнительно небольшую: четыре милліона паръ. Легко себѣ представить, что значитъ для двухсотмилліоннаго населенія Россіи доставить Арміи четыре милліона паръ сапогъ — эта цифра казалась мнѣ совершенно ничтожной. Но желая оставаться вполне корректнымъ, я спросилъ у Великаго Князя письменное удостовѣреніе, что указанное количество сапогъ необходимо, и съ этимъ документомъ въ рукахъ явился въ Петроградъ съ заранее обдуманномъ планомъ дѣйствій. Несомнѣнно, что Предсѣдатель Государственной Думы никогда не могъ явиться нарушителемъ тѣхъ установленныхъ закономъ нормъ и формъ, которыя дѣйствовали за силой закона. Поэтому для того, чтобы собрать съѣздъ представителей общественныхъ организаций, надо было обратиться за разрѣшеніемъ его къ тогдашнему Министру Внутреннихъ Дѣлъ — Маклакову. И вотъ — какой разговоръ произошелъ между мною и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Когда я ему изложилъ обстоятельства дѣла и предъявилъ письменное заявленіе Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, буквально, отвѣтилъ мнѣ нижеслѣдующее: «Я не могу дать вамъ разрѣшенія на созывъ такого съѣзда; это будетъ нежелательной и всенародной демонстраціей въ томъ направленіи, что въ снабженіи Арміи существуютъ неполадки. Кромѣ того, я не хочу дать этого разрѣшенія, такъ какъ, подъ видомъ поставки сапогъ, вы начнете дѣлать революцію». И сколько я ни убѣждалъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что Русская Государственная Дума, дѣйствующая съ согласія, вѣдома и пожеланія Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, не можетъ быть заподозрѣна, въ особенности во время народной войны, въ желаніи сдѣлать революцію, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ упорно стоялъ на своемъ, — и мы разстались въ озлобленіи другъ на друга.

Итакъ, изъ одиночнаго, но далеко не мелкаго факта, а ихъ можно привести многое множество, видно, какъ относилось Правительство къ общественнымъ начинаніямъ въ самомъ началѣ войны, какъ оно относилось тамъ, гдѣ дѣло шло о неисчислимыя жертвахъ со стороны населенія, къ этому населенію, желающему придти на помощь нашимъ доблестнымъ воинамъ. Тяжелъ былъ трагизмъ создаваемаго положенія. Горишь желаніемъ помочь, и безкорыстная помощь ваша отвергается безъ существенныхъ основаній. Въ этомъ духѣ Правительство продолжало свою политику и, мало-по-малу, одушевленіе, охватившее всѣ слои Русскаго народа, стало смѣняться сначала равнодушіемъ къ дѣлу войны, а затѣмъ подозрительностью къ власти. Возникъ жгучій вопросъ: можетъ ли быть война выиграна усиленіемъ одного Правительства, способно ли оно на это?

Членамъ Государственной Думы, на первыхъ же порахъ, стало лезнымъ, что не хватитъ ни снарядовъ, ни патроновъ, въ виду громадной ихъ потребности. Мы съ тревогой спрашивали себя, какъ же дѣло пойдетъ дальше? И чтобы снять съ себя всякіе упреки въ отсутствіи своевременной информации начальствующихъ лицъ съ истиннымъ положеніемъ дѣла, Предсѣдатель Государственной Думы вновь выѣхалъ въ ставку и доложилъ Великому Князю Верховному Главнокомандующему, на основаніи точныхъ, имѣющихся у него данныхъ и цифръ, что размѣры, которые принимаетъ война, и колоссальныя потребности въ боевыхъ припасахъ должны опрокинуть всѣ нормы, установленныя въ этомъ отношеніи въ расчетахъ снабженія орудій и винтовокъ достаточнымъ

количествомъ снарядовъ, патроновъ. Нашъ врагъ превышалъ насъ не менѣе, чѣмъ въ десять разъ техническимъ оборудованіемъ, и для того, чтобы упрочить наше положеніе, и чтобы не оставить Армію совершенно безоружной, безъ пороха, патроновъ, шрапнелей и орудій — необходимо было немедленно, съ нашей точки зрѣнія по крайней мѣрѣ, призвать къ энергичной дѣятельности всю промышленность страны и все общество. Только въ этихъ мѣрахъ можно было видѣть спасеніе Россіи отъ грозящаго ей разгрома.

Правительство и мобилизація страны на нужды военного времени

Великій Князь Верховный Главнокомандующій оказался вполне правильно освѣдомленнымъ по этому вопросу и, вполне соглашаясь со мной, просилъ всѣ усилія направить къ тому, чтобы освѣтить вопросъ, съ такой же полнотой, не только ему, но и Государю Императору. Послѣдствія этого были таковы: Военному Министру, Генералу Сухомлинову, всѣ документальныя данныя были доложены. Сухомлиновъ все это долженъ былъ доложить Государю Императору, но доложилъ это, очевидно, въ иномъ свѣтѣ, ибо дѣло продолжало стоять на той же точкѣ замерзанія. Вслѣдствіе этого явилась необходимость въ личномъ докладѣ Предсѣдателя Государственной Думы съ матеріалами въ рукахъ, но и на этотъ докладъ опредѣленнаго отвѣта не послѣдовало. Правда, были приглашены нѣкоторые промышленники и заводовладѣльцы въ Главное Артиллерійское Управление, но они были встрѣчены въ немъ далеко невнимательно, и имъ предъявили такія невыполнимыя условія, что стало ясно, что совмѣстной работы съ ними Правительство не ищетъ. Вслѣдствіе этого, большинство изъ этихъ лицъ, видя невозможность, что-либо сдѣлать, не пошло на сдѣланный призывъ, и дѣло оставалось на томъ же мѣстѣ.

Послѣдствія такого отношенія Правительства къ усиліямъ общества помочь общей бѣдѣ, помочь общими усиліями и потушить разгорающійся пожаръ — скоро обпаружили себя. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ заявилъ, что все сдѣлаетъ самъ черезъ губернаторовъ и Армію сапогами снабдитъ. Одинъ мой знакомый мнѣ передавалъ слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ одной изъ губерній. «По моей дорогѣ тянется странная процессія, — рассказывалъ онъ, — толпа крестьянъ, повидимому, очень мирная, окруженная, однако, стражниками и урядниками. На вопросъ одному изъ нихъ, котораго я зналъ лично: «куда васъ вѣдутъ?» послѣдовалъ оригинальный отвѣтъ: «Мы, дескать, сапожники, гонятъ насъ по нарядамъ въ губернской городъ для шитья сапогъ на Армію». И вотъ такимъ кустарнымъ образомъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проводилъ великое и отвѣтственное дѣло снабженія Арміи, истекавшей кровью на фронтѣ.

Военно-артиллерійское вѣдомство, не желая, повидимому, довѣрять русской промышленности и не давая, поэтому, промышленности объединиться въ прочныя организаціи, очевидно, изъ страха какого-то революціоннаго движенія, заказы свои дѣлало за границей. Но результаты отъ этого были для насъ очевидны. Доблестные союзники сами не были подготовлены къ войнѣ. У нихъ все, что только было возможно, было мобилизовано для своихъ собственныхъ военныхъ нуждъ, и на русскіе заказы оставалось слишкомъ мало производительныхъ силъ для срочнаго исполненія заказовъ, а дѣло велось въ такихъ пре-

дѣлахъ, чтобы только грубо не нарушить принятыхъ на себя условій и обязательствъ. Необходимость быстро создать огромную Армію, не существовавшую, на примѣръ, въ Англіи, вызвала необыкновенное напряженіе народнаго труда, а на нашу долю оставались только отбросы, которые опять-таки, за отсутствіемъ надлежащаго тоннажа, такъ какъ перевозка и доставка въ Россію возможна была только черезъ замерзающіе сѣверные порты, — опаздывали и прибывали чрезвычайно неаккуратно и, что всего хуже, создали вокругъ заказовъ въ Россіи цѣлую армію авантюристовъ, разобраться въ доброкачественности которой Артиллерійскому вѣдомству не представлялось никакой возможности. Зачастую заказы отдавались въ нежелательныя и даже недобросовѣстныя руки. Но такъ какъ Правительство было убѣждено, что заказы придутъ своевременно, то въ ожиданіи ихъ поступленія оно разрѣшало тратить снаряды, находящіеся въ наличности въ Арміи въ ограниченномъ количествѣ. Заказы изъ за-границы, однако, не приходили въ срокъ, и положеніе получилось такое, что къ веснѣ 1915 года снарядовъ оказалось минимальное количество, и Армія буквально голодала въ этомъ отношеніи.

Предсѣдателемъ Государственной Думы это обстоятельство было доложено Государю Императору Николаю II.

«Вы ошибаетесь, Михаилъ Владиміровичъ», отвѣтилъ оиѣ миѣ: «вотъ вѣдомость на сдѣланные заказы снарядовъ, ихъ должно хватить». — «Но, Ваше Величество, вѣдомости поступленія заказовъ, повидимому, у Васъ не имѣется», отвѣтилъ я. И этой вѣдомости дѣйствительно не оказалось въ рукахъ Императора.

Армія тогда сражалась почти голыми руками. При поѣздкѣ моей въ Галицію на фронтъ, весной 1915 года, я былъ свидѣтелемъ, какъ иногда отбивались непріятельскія атаки камнями, и даже было предположеніе, вооружить войска топорами на длинныхъ древкахъ. И тѣмъ не менѣе, однако, эта нищая по снаряженію, но доблестная по духу Армія безропотно умирала, проливая свою кровь за честь и достоинство Россіи, и все-таки одерживала побѣды.

Вотъ какъ въ это время Правительство относилось къ настойчивому желанію всѣхъ общественныхъ элементовъ страны придти ему на помощь, безъ различія партій и безъ всякой задней мысли, съ исключительной цѣлью поддержать Правительство въ эту до нельзя тяжелую и трудную минуту.

Внутренняя политика Правительства

Не лучше обстояло дѣло и въ политикѣ Правительства по отношенію къ народностямъ, входящимъ въ составъ Россійскаго государства. Наиболее яркимъ примѣромъ такого отношенія является историческое знаменитое воззваніе къ полякамъ, выпущенное Верховнымъ Главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ въ самомъ началѣ войны. Воззваніе это, обѣщающее самостоятельности Польшѣ въ дѣлахъ примиренія Польши съ Россіей въ ихъ вѣковомъ спорѣ, имѣло цѣлью привлечь окончательно симпатіи какъ русскихъ, такъ и зарубежныхъ поляковъ къ Россіи, и объединить всѣ славянскія національности противъ ихъ общаго врага. Воззваніе это было, несомнѣнно, санкціонировано Верховной властью и составлено при участіи Министра Иностраннхъ Дѣлъ Сазонова. Иначе оно и быть не могло. Верховный Главнокомандующій, несмотря на значительный объемъ своихъ правъ и власти,

очевидно, не могъ дѣйствовать безъ вѣдома и санкціи главы Государства въ такомъ кардинальномъ вопросѣ.

Однако, послѣ обнародованія упомянутаго документа, рядомъ Министровъ крайнихъ правыхъ теченій была подана Императору Николаю II докладная записка объ опасности сдѣланнаго воззванія къ полякамъ, въ виду возможности расчлененія Государства и откола отъ него Царства Польскаго. Повидимому, Императоръ Николай II внялъ этому представленію, ибо Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ была дана соответствующая инструкція Варшавскому Губернатору въ смыслѣ желательности нѣкотораго охлажденія возбужденнаго національнаго чувства поляковъ. Ему давалось порученіе вылить на поляковъ какъ бы ушатъ холодной воды. Поляки успокоились. Послѣдовалъ цѣлый рядъ депутацийъ отъ національныхъ общественныхъ учрежденій Польши въ Петроградъ. Онѣ приходили ко мнѣ и умоляли меня объяснить Императору Николаю II, насколько губельны могутъ быть послѣдствія отъ такой двойственной политики. Я долженъ былъ испросить всеподданнѣйшій докладъ для этого дѣла, но со стороны Императора Николая II встрѣтилъ отрицательное и даже враждебное отношеніе. «Мы, кажется, поторопились!» сказалъ онъ. Поторопились, но, вѣдь, въ такомъ вопросѣ, разъ сдѣланъ рѣшительный шагъ, вернуться назадъ нельзя. — Не значило ли это колебать престижъ Царской власти, не значило ли такимъ путемъ расшатывать устои самого Государства, и не есть ли это яркій примѣръ отсутствія пониманія Правительствомъ народныхъ и государственныхъ интересовъ.

Характеръ думской оппозиціи

Государственная Дума видѣла также ясно, что и въ другой отрасли народнаго хозяйства распоряженія Правительства заставляли желать много лучшаго. Кореннымъ условіемъ для успѣшнаго веденія кампаніи, несомнѣнно, является правильная постановка транспорта и правильное движеніе по желѣзнодорожными путями, тѣмъ болѣе, что сѣть желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, какъ это хорошо всѣмъ извѣстно, была далеко недостаточна и совершенно не приспособлена къ тѣмъ громаднымъ перевозкамъ, которыя по ней должны были слѣдовать. Что же сдѣлало Правительство въ этомъ направленіи? вмѣсто того, чтобы объединить все управленіе желѣзныхъ дорогъ, дѣйствующихъ какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и въ тылу, и координировать ихъ однимъ общимъ планомъ, управленіе это было разбито на двѣ самостоятельныхъ группы. Желѣзнодорожные пути, находящіеся въ районѣ дѣйствующей арміи, были подчинены, на диктаторскихъ правахъ, отдѣльному лицу, вѣдающему передвиженіемъ войскъ, а внутри Имперіи — движеніе было подчинено Министру Путей Сообщенія. Оба эти лица другъ отъ друга не зависѣли и взаимно другъ другу не подчинялись. Создать, такимъ образомъ, согласованный графикъ движенія, при условіи недостаточности подвижнаго состава, явилось дѣломъ совершенно невозможнымъ, и послѣдствія скоро оказались печальными. Получалось постоянное скопленіе грузовъ внутри страны, пробки на узловыхъ пунктахъ, недостаточность вагоновъ и паровозовъ, получился, по мѣткому выраженію одного желѣзнодорожнаго дѣятеля, слоеный пирогиъ вагоновъ самаго разнообразнаго состава грузовъ, разобрать который не представлялось никакой возможности, и многіе скоропортящіеся грузы гибли по этой причинѣ и становились негод-

нымъ къ употребленію. Были случаи, когда приходилось сжигать поѣзда, чтобъ освободить пути.

И вмѣсто того, чтобы понять свою ошибку, Правительство въ этомъ направленіи никакого улучшенія и никакого согласованія между движеніемъ желѣзнодорожнымъ на фронтъ и въ тылу не сдѣлало. Государственная Дума въ своихъ засѣданіяхъ доводила до свѣдѣнія верховныхъ властей объ этомъ обстоятельстве, указывая, что разстройство транспорта можетъ гибельно отозваться на исходъ кампаніи, что оно можетъ повести къ столь опаснымъ осложненіямъ, что внѣ зависимости отъ доблести нашихъ славныхъ войскъ, внѣ зависимости отъ всенародныхъ жертвъ, — можетъ стоить намъ пораженіемъ. Руководствуясь такими же соображеніями, Министръ Путей Сообщенія — Рухловъ — подалъ въ отставку и былъ уволенъ. Нужно помнить при этомъ, что сѣверныя губерніи Россіи питаются почти исключительно привознымъ хлѣбомъ, что такая бѣда, какъ несвоевременная доставка продовольствія въ сѣверныя губерніи и промышленныя области Россіи, могла вызвать голодовку въ этихъ мѣстностяхъ, выбить изъ колеи все хозяйство, не говоря уже о томъ, что остановка привоза топлива могла остановить работу заводовъ на оборону. Кромѣ этого, такое положеніе въ тылу могло обезпокоить бойцовъ на фронтѣ, которые, зная, что дома ихъ семьи голодаютъ, могли бы лишиться необходимаго спокойствія и душевнаго равновѣсія.

Но всѣ представленія Государственной Думы оставались втунѣ.

Можно привести цѣлый рядъ фактовъ изъ этой области; у меня имѣются соотвѣтствующіе матеріалы, но я ограничусь указаніемъ только на нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, за все время войны не были ни разу использованы, въ достаточной степени, водные пути сообщенія внутри страны для подвоза дешевыми способами необходимаго продовольствія къ тѣмъ желѣзнодорожнымъ узламъ, которые смогли бы, въ свою очередь, довести этотъ хлѣбъ до указанныхъ пунктовъ, сокращая этимъ требованіе на желѣзнодорожный подвижной составъ и ихъ пробѣгъ. То же самое наблюдалось и въ отношеніи организациі продовольствія страны, и въ отношеніи распредѣленія продуктовъ первой необходимости.

Въ однѣхъ мѣстностяхъ таковыхъ предметовъ оказывалось очень много, даже съ избыткомъ, а другія терпѣли въ нихъ острую нужду. И все это было послѣдствіемъ исключительной нераспорядительности Правительства, не желавшаго внимать практическимъ указаніямъ общественныхъ дѣятелей.

Другимъ примѣромъ полной безхозяйственности Правительства можетъ служить совершенно напрасная гибель скота, реквизируемаго для продовольствія арміи.

Реквизиція шла безъ всякаго плана и соотвѣтствія съ потребностями арміи въ мясѣ. Забранный у населенія скотъ соединялся въ громадныя гурты, которые передвигались за арміей безъ плана и руководства и часто попадали поэтому не въ назначенную для продовольствія мѣстность, не пахотили тамъ ни пастбищъ, ни корма, ни достаточнаго водопоя. Если при этомъ принять во вниманіе разстройство транспорта, то само собою разумѣется, что ни о какомъ правильномъ снабженіи гуртовъ скота для арміи не могло быть и рѣчи. Гибель скота отъ голода, болѣзни и недостаточнаго ветеринарно-гигіеническаго надзора, исчисляли тысячами головъ и нанесли населенію неисчислимыя убытки. Само собою разумѣется, что это не могло ускользнуть отъ народнаго вниманія и что

малая заботливость Правительства о сохраненіи народнаго богатства и не довольно бережливое отношеніе къ интересамъ жителей, не нужная и преступная растрата государственнаго хозяйства не могли усилить, а напротивъ, ослабляли съ каждымъ днемъ довѣріе къ государственной власти и даже раздражали противъ нее. То же самое наблюдалось и въ отношеніи конскаго состава.

Безотвѣтственныя воздѣйствія

А между тѣмъ, на глазахъ у всѣхъ былъ яркій примѣръ, какъ при обратной постановкѣ вопроса возможно достиженіе блестящихъ результатовъ. Такъ было, напримѣръ, съ постановкой санитарнаго дѣла въ Дѣйствующей Арміи.

Санитарное дѣло въ Арміи, куда были допущены къ работѣ общественные элементы, стояло всегда на должной высотѣ. Но даже столь яркій примѣръ пользы и благихъ послѣдствій сочетанія всѣхъ силъ страны въ дружной работѣ съ Правительствомъ не убѣдилъ послѣднее примѣнить его и въ другихъ отрасляхъ управленія, и двойственность внутренней политики продолжала проявляться во всемъ.

Такъ, напримѣръ, министры вносили либеральные законы въ Думу и защищали ихъ, а въ Государственномъ Совѣтѣ безмолвствовали и даже голосовали, какъ члены Государственнаго Совѣта, противъ своихъ же законопроектовъ.

Вести дальше страну по этому пути было просто опасно, — это означало бы привести ее къ опасной катастрофѣ. Общество живо это чувствовало, и его, конечно, охватывало безпокойство и тревога. Изъ этого состоянія умсъ постепенно назрѣвало убѣжденіе, что Правительство неспособно выиграть войну, и стало вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно для всѣхъ, что послѣдствіемъ пораженія будетъ порабощеніе Россіи Германіей и всѣ сопряженные съ нимъ тяжелыя экономическія послѣдствія. Всѣ чувствовали, что мы идемъ къ политической гибели и, естественно, что напряженное чувство сопротивленія такой опасной политикѣ подсказывало чувство оппозиционное, чувство возмущенія и сопротивленія тѣмъ правительственнымъ дѣйствіямъ, которыя не объединяли всѣ производительныя силы страны, а разъединяли ихъ, и приводили въ состояніе неспособности къ плодотворной работѣ, ослабляя энергію и народный творческій духъ. Возросло неудовольствіе и на почвѣ все большаго и большаго увеличенія дороговизны предметовъ первой необходимости. Населеніе негодовало ввиду усиленныхъ наборовъ солдатъ, призываемыхъ безъ видимой необходимости, что, въ свою очередь, вызывало сокращеніе рабочихъ рукъ на мѣстахъ. Но власть продолжала оставаться глухой къ растущему неудовольствію населенія и ко всѣмъ представленіямъ, которыя постоянно дѣлала Государственная Дума въ этомъ направленіи.

Тактика Предсѣдателя Государственной Думы

Такимъ образомъ война продолжалась среди указаннаго мною хаоса, который достигъ своего апогея въ апрѣлѣ 1915 года, когда былъ сдѣланъ прорывъ на фронтѣ нашей Арміи на Салѣ, когда Армія Радко-Дмитріева, сражаясь противъ сильнѣйшаго въ десять разъ кулака Макензена, превосходящаго наши

силы не только численностью, но въ значительной степени и снабженіемъ, имѣла лишь всего по три снаряда на орудіе и по двадцати пяти патроновъ на винтовку. Незадолго до этой катастрофы на фронтѣ я былъ въ Галиціи и, въ частности, во Львовѣ, и былъ тамъ какъ разъ въ то время, когда во Львовъ прибылъ Императоръ Николай II. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ всѣхъ мѣстныхъ торжествъ по случаю приѣзда нашего Государя, во время которыхъ я былъ удостоенъ приглашенія къ Высочайшему столу.

Послѣ обѣда Государь сказалъ мнѣ: «Думали ли Вы, Михаилъ Владиміровичъ, что мы встрѣтимся здѣсь?» — «Нѣтъ, Ваше Величество, я не думалъ и, при настоящихъ создавшихся условіяхъ, очень сожалею, что Вы, Государь, рѣшились предпринять эту поѣздку». — «Почему?» — «Потому что черезъ три недѣли Львовъ, вѣроятно, будетъ обратно занятъ нѣмцами, и наша Армія будетъ оттѣснена отъ занятыхъ позицій». — «Вы, Михаилъ Владиміровичъ, всегда меня пугаете и говорите мнѣ только непріятныя вещи». — «Я, Ваше Величество, не осмѣлился бы доложить Вамъ неправды. Я былъ на фронтѣ и удивляюсь Верховному Главнокомандующему, какъ онъ допустилъ Васъ пріѣхать сюда при теперешнемъ положеніи вещей. Земля, на которую вступилъ Русскій Монархъ, не можетъ быть дешево отдана обратно, но на ней будутъ пролиты потоки крови, а удержаться на ней мы не сможемъ».

Къ сожалѣнію, я оказался пророкомъ, и событія пошли послѣ торжествъ во Львовѣ и отъѣзда Государя Императора съ головокружительной быстротой. Положеніе наше съ каждымъ днемъ ухудшалось: былъ отданъ Львовъ, было общее отступленіе въ Польшу и постепенно наши доблестныя войска все больше и больше оттѣснялись на востокъ. Вотъ какъ отъ Императора скрывали истинное положеніе вещей. Въ это время я изъ Галиціи поѣхалъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго и здѣсь, къ великой радости, увидѣлъ, что, наконецъ, Верховная власть склонна идти на уступки и готова призвать къ сотрудничеству въ дѣлахъ войны всѣ общественные элементы. Была, наконецъ, получена возможность привлечь новыя свѣжія силы страны къ дѣлу обороны и спасти Россію отъ окончательнаго разгрома.

Въ Ставкѣ я указалъ Его Величеству, что все, что въ дѣлахъ обороны Государства должно быть сдѣлано, нуждается въ немедленномъ Его утвержденіи. И, наконецъ, получилъ предварительное согласіе на привлеченіе общественныхъ элементовъ въ дѣло обороны Государства.

Императоръ Николай II внялъ на этотъ разъ голосу народныхъ представителей. Были уволены пять Министровъ, наиболѣе враждебно настроенныхъ къ народному представительству, съ Военнымъ Министромъ Сухомлиновымъ во главѣ, и призваны были къ власти наиболѣе популярныя государственныя дѣятели, и послѣ сформированія кабинета была созвана Государственная Дума въ августѣ мѣсяцѣ 1915 года.

Но одновременно съ этими разумными и полезными начинаніями. Императоръ Николай II предпринять шагъ, который, по моему мнѣнію, положилъ начало деморализаціи арміи и былъ первымъ толчкомъ къ сознательному революціонному настроенію въ странѣ. Этотъ шагъ было рѣшеніе Императора Николая II отстранить Великаго Князя Николая Николаевича отъ Верховнаго Командованія и принять на свою отвѣтственность это командованіе.

Прежде всего надо замѣтить, что Великій Князь не былъ виновенъ въ той катастрофѣ, которая разыгралась на фронтѣ въ Галиціи въ маѣ 1915 года.

Снабженіе арміи не было въ рукахъ и распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, который настойчиво и постоянно напоминалъ о всѣхъ дефектахъ этого снабженія и требовалъ рѣшительныхъ мѣръ къ упорядоченію дѣла. Армія знала это хорошо, Великій Князь былъ очень популяренъ не только въ Арміи, но и во всей Россіи, и незаслуженный ударъ по немъ не могъ не вселить нѣкотораго безпокойства въ умахъ сражавшихся, а также и оставшихся дома жителей. Съ другой стороны, Императоръ Николай II бралъ на себя очевидно непосильную задачу и бремя — одновременно въ небывало тяжелое время управлять уже начавшей волноваться страной и вести совершенно исключительной трудности войну, принявъ командованіе надъ болѣе чѣмъ десятиллионной арміей, не будучи совершенно къ этому подготовленъ въ стратегическомъ отношеніи. Дѣло осложнялось еще и тѣмъ, что исчезалъ высшій органъ, передъ которымъ Главнокомандующій былъ бы отвѣтственъ.

Русскій царь добровольно и безъ всякой надобности бралъ на себя отвѣтъ въ случаѣ дальнѣйшихъ военныхъ неудачъ и кто же былъ бы въ этомъ случаѣ его судья? Революція дала грозный и кровавый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Дѣло осложнялось еще и тѣмъ, что съ перенесеніемъ мѣстопробыванія Императора въ Главную Квартиру — Ставку, неизбежно въ нее переносилась атмосфера придворнаго быта, духъ интригъ и взаимныхъ козней. Этотъ вредный духъ неизбежно долженъ былъ влиться въ Армію, что и случилось на самомъ дѣлѣ, и губительно отозваться на дисциплинѣ высшаго команднаго состава, а засимъ опуститься и въ болѣе низкіе слои. Все это и совершилось, начались назначенія по протекціи, которыя ставили во главу крупныхъ частей войскъ бездарныхъ людей и влекли прискорбныя неудачи.

Предсѣдатель Государственной Думы испросилъ немедленно Всеподданнѣйшій докладъ и всѣми силами старался отговорить Императора отъ этого намѣренія, но онъ оставался неумолимъ. Послѣ доклада предсѣдатель Государственной Думы отправилъ письменный мотивированный докладъ по этому дѣлу Его Величеству, но и это не помогло, и царь своего рѣшенія не измѣнилъ.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ государства

Возвращаясь къ послѣдовательному изложенію событій, слѣдуетъ указать, что въ виду катастрофы на фронтѣ основной и главной задачей должна была быть забота объ обезпеченіи Арміи боевымъ снаряженіемъ и предметами снабженія. Въ этихъ цѣляхъ было основано Особое Совѣщаніе по оборонѣ, въ которое вошли: Члены Законодательныхъ Палатъ, представители промышленности, представители финансоваго міра и соотвѣтствующіе представители отъ вѣдомствъ разнаго типа. Работа этого Совѣщанія не могла быть гласной, такъ какъ касалась интимнѣйшихъ сторонъ и секретнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла снабженія и вооруженія Арміи. Вотъ почему русское общество мало знакомо съ плодотворной дѣятельностью этого учрежденія, которое своимъ неуслышимъ трудомъ, о чемъ будетъ сказано ниже, способствовало дѣлу снабженія Арміи, особенно снарядами и другими предметами снаряженія, и поставило дѣло вооруженія на такую высоту, которая превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Результаты работъ Особого Совѣщанія сказались довольно скоро. Уже къ серединѣ 1915 года Совѣщаніе вполне организовалось: были привлечены къ дѣлу обороны всѣ живыя реальныя силы страны, созданъ Военно-Промышленный Комитетъ (центральный

ный) съ отдѣлами на мѣстахъ, объединившій всѣ заводы и всю русскую промышленность. Такимъ образомъ все, что могло работать въ дѣлѣ обороны, укрѣпленія, снабженія и снаряженія Арміи, было поставлено на ноги, фронтъ въ скоромъ времени былъ засыпанъ ящиками со снарядами и патронами, на которыхъ руками рабочихъ было выгравировано: «Снарядовъ не жалѣть!» Насколько плодотворна была работа Особого Совѣщанія, свидѣлствуютъ слѣдующіе факты: когда во время февральскаго переворота возникли неизбежныя забастовки на заводахъ, работающихъ на оборону, и Особое Совѣщаніе потребовало отъ Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія свѣдѣнія, въ какомъ положеніи находится дѣло снаряженія и нѣтъ-ли опасности, ввиду забастовокъ, въ томъ, что дѣло снаряженія и поставка снарядовъ замнется и остановится и Дѣйствующая Армія будетъ поставлена въ затруднительное положеніе, — то Начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія доложилъ Совѣщанію, что если бы даже всѣ заводы прекратили свою работу совершенно, то запасы снарядовъ такъ велики, что артиллерійскій огонь отъ этого не уменьшится и запасовъ хватитъ на три мѣсяца интенсивныхъ боевъ. Изъ этого ясно вытекаетъ, что снарядовъ и предметовъ снаряженія было изготовлено колоссальное количество, и при томъ, слѣдуетъ отмѣтить, преимущественно русскаго производства, хотя, конечно, извѣстная доля иностранныхъ заказовъ стала, наконецъ, поступать.

Вторымъ доказательствомъ огромности запасовъ снаряженія служитъ то, что въ возникшей гражданской войнѣ большевистскія войска не терпѣли никакой нужды въ снарядахъ и оружій, пользуясь тѣми складами и запасами, которые были припасены трудами Особого Совѣщанія по оборонѣ.

Итакъ, вотъ что значитъ правильный шагъ Правительства въ дѣлѣ сплоченія живыхъ реальныхъ силъ страны во имя общей цѣли, вотъ что значитъ отрѣшиться отъ неправильной мысли, что войну можетъ выиграть Правительство одно, безъ участія реальныхъ творческихъ народныхъ силъ.

Результаты превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Интенсивная работа русской промышленности и ея развитіе возбуждали нескрываемое удивленіе иностранцевъ и дали возможность Особому Совѣщанію, въ свою очередь, крайне критически отнестись къ существующимъ контрактамъ и заказамъ снарядовъ за-границей, а это, конечно, въ значительной мѣрѣ явило возможность сокращенія нашей задолженности союзникамъ.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ и Правительство

Верховная власть, рѣшившаяся самостоятельно на подобный шагъ, встрѣтила, однако, отрицательное къ нему отношеніе со стороны Правительства, которое не могло никакъ помириться съ совершившимся фактомъ, что созданъ высшій контролирующій аппаратъ — Особое Совѣщаніе по оборонѣ на положеніи высшаго государственнаго учрежденія, — никому кромѣ Верховной власти отчетомъ не обязанный. Вначалѣ Особое Совѣщаніе существовало и дѣйствовало въ порядкѣ 87 статьи, но впоследствии состоялось постановленіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ законодательномъ порядкѣ, утвердившее законодательнымъ актомъ, санкціонированнымъ Верховной властью, учрежденіе и положеніе объ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ.

И тѣмъ не менѣе, Государственная Дума, собранная въ августѣ мѣсяцѣ для того, какъ указывалъ Императоръ Николай II въ своемъ рескриптѣ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, чтобы въ трудную годину жизни Государства услышать мнѣніе земли, была внезапно и безъ видимыхъ причинъ распущена. Трудясь добросовѣстно надъ выясненіемъ причинъ возникшихъ въ войнѣ неудачъ и катастрофъ, Государственная Дума не проявила никакой агрессивности, и ея дѣятельность была направлена исключительно къ устраненію тѣхъ обстоятельствъ, которые привели къ роковой бѣдѣ. Само собою разумѣется, что роспускъ Государственной Думы, по непонятнымъ причинамъ, ничѣмъ не вызванный съ ея стороны, создалъ сугубое раздраженіе и озлобленіе противъ Правительства. Возвращаясь къ Особому Совѣщанію по оборонѣ, нельзя не отмѣтить, что дѣятельность его была не по нутру правящимъ кругамъ. Вторженіе живого общественнаго элемента въ замкнутыя формы бюрократическаго строя раздражало правящіе круги. Тысячи препонъ, мелочей и трений тормозили работу, ихъ приходилось преодолевать съ большими затрудненіями и на это уходила чуть ли не треть всей энергіи работающихъ въ Особомъ Совѣщаніи. И несмотря на то, что засѣданія Особого Совѣщанія были закрытыя, — скрыть этого обстоятельства отъ вниманія общества было невозможно.

Правительство ухитрилось даже въ настроеніи чисто патріотическомъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, работающихъ въ Совѣщаніи по оборонѣ, видѣть стремленіе къ революціи, и отношеніе его къ Совѣщанію получилось совершенно неожиданное.

Правительство какъ бы задалось цѣлью создать во что бы то ни стало оппозицію даже въ средѣ Особого Совѣщанія по оборонѣ. Получилось убѣжденіе, что идея необходимости революціи ни кѣмъ инымъ такъ обязательно не была внушаема всѣмъ и каждому, какъ самимъ Правительствомъ.

Постановленіе Особого Совѣщанія утверждалось Военнымъ Министромъ, и пока во главѣ Военнаго Министерства стоялъ генералъ Поливановъ, дѣло шло болѣе или менѣе гладко, но замѣна генерала Поливанова генераломъ Шуваевымъ сразу измѣнила взаимныя отношенія. Новый Военный Министръ не видѣлъ надобности подчиняться постановленіямъ Особого Совѣщанія, и все болѣе и болѣе приходилось вступать съ нимъ въ пререканія и доказывать необходимость дать ходъ рѣшеніямъ Совѣщанія, которые имъ тормозились, и на эту борьбу уходило не мало драгоценнаго времени.

Диктатура въ тылу

Въ половинѣ 1916 года въ Ставкѣ возникло предположеніе, что все возрастающее неустройство тыла требуетъ экстраординарныхъ мѣръ, и виднымъ лицомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго былъ составленъ проектъ объ учрежденіи единоличной диктатуры для тыла Арміи въ видѣ облеченнаго чрезвычайными полномочіями лица, которому должны были подчиняться все учрежденія какъ правительственныя, такъ и общественныя, по типу Главноуполномоченнаго по Санитарной Части (Принцъ Ольденбургскій). Когда извѣстіе о такомъ проектѣ дошло до Предсѣдателя Государственной Думы и до ея членовъ, — у насъ, естественно, возникла тревога, что учрежденіе такой диктатуры еще болѣе затормозитъ и запутаетъ дѣло, создавая параллельно двѣ диктатуры — Верховнаго Главнокомандующаго на фронтѣ и диктатуру въ тылу. Предсѣда-

тель Государственной Думы, испросивъ съ этой цѣлью докладъ, поѣхалъ въ Ставку и, по возможности, старался убѣдить Государя Императора Николая II не только въ бесполезности, но и опасности такой мѣры, которая такимъ образомъ могла окончательно разъединить театръ военныхъ дѣйствій и территорию тыла. Правительство, какъ таковое, должно было бы потерять всякое значеніе Государственной власти, принимая во вниманіе огромныя полномочія проектируемаго диктатора. Было совершенно ясно, что учрежденіе такой диктатуры можетъ повлечь за собой опасныя толки въ народѣ, что Царь не справился съ принятыми на себя задачами, что онъ не можетъ одновременно командовать Арміей и управлять Государствомъ. Сверхъ того, утрачивалась всякая возможность общественнаго контроля. Между тѣмъ, только съ осуществленіемъ этого контроля являлась надежда на побѣду. Являлась еще и такая опасная альтернатива. Если такимъ лицомъ будетъ назначенъ членъ Царской фамиліи, то легко можетъ возникнуть династическій вопросъ. Если же будетъ назначено частное лицо изъ правящихъ классовъ, то примѣръ Юаншикая въ Китаѣ, провозгласившаго себя президентомъ Китайской Республики, могъ бы оказаться довольно соблазнительнымъ для влсвь испеченнаго диктатора, и опасность новыхъ смуть и броженія угрожающе выдвигалась бы тогда на первый планъ, что, конечно, во время войны было опасно. Были поэтому исчерпаны всѣ средства для того, чтобы убѣдить Императора отъ такого шага отказаться. Къ сожалѣнію, попытка въ этомъ направленіи увѣнчалась успѣхомъ только на-половину: проектъ былъ на первыхъ порахъ отвергнутъ Императоромъ Николаемъ II, но бывший Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ — Штюмеръ — использовалъ его при содѣйствіи и вліяніи темныхъ безотвѣтственныхъ силъ, окружавшихъ Императрицу, а именно Распутина и его присныхъ. Негласно, секретнымъ указомъ, Верховная власть диктаторскія права указаннаго мною выше типа возложила на него, Штюмера, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Штюмеръ, облеченный столь обширными полномочіями, оказался сразу же въ коллизіи съ Особымъ Совѣщаніемъ по оборонѣ, остановилъ нѣсколько его постановленій, уже утвержденныхъ Военнымъ Министромъ. Это вызвало въ свою очередь въ членахъ Особаго Совѣщанія, незнакомыхъ еще съ секретнымъ указомъ Верховной власти, тревогу и недоумѣніе, которое, въ концѣ концовъ, вылилось въ бурное объясненіе съ Военнымъ Министромъ, и опять-таки, вмѣсто планомѣрной и плодотворной работы созданъ прецедентъ для безконечныхъ подозрѣній, недоумѣній и треній.

Одновременно съ этимъ появился и другой секретный указъ, которымъ изъ состава Совѣта Министровъ выдѣлился, такъ называемый, Малый Совѣтъ Министровъ подъ предсѣдательствомъ Министра Путей Сообщенія Трепова, въ которомъ Штюмеръ не участвовалъ. Малый Совѣтъ Министровъ находился въ коллизіи съ Большимъ Совѣтомъ и, конечно, ничего путнаго изъ этого не выходило. Когда я узналъ объ этомъ секретномъ указѣ и сообщилъ это товарищамъ, то послѣ обсужденія дѣла мнѣ было поручено переговорить объ этомъ съ Штюмеромъ.

Результатъ разговора оказался благопріятнымъ, и черезъ нѣкоторое время Малый Совѣтъ Министровъ былъ упраздненъ. Изъ сказаннаго видно, насколько Правительство той эпохи было нерѣшительно въ своихъ дѣйствіяхъ. Принимая шаги въ одномъ направленіи, оно сейчасъ же отъ нихъ отказывалось, и путемъ противорѣчивыхъ постановленій, путемъ отказа отъ одного принципа въ угоду другому — вносило такую сумятицу, такой сумбуръ въ отвѣтственную работу

созданныхъ уже учрежденій, что, кромѣ вреда, опаснаго и гибельнаго, ничего другого ожидать было невозможно.

Политика Царскаго Правительства того времени отличалась необыкновенной двойственностью.

Политика въ Польшѣ, согласіе привлечь въ Особое Совѣщаніе представителей Законодательныхъ Палатъ и одновременно докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о превращеніи Законодательной Думы въ законосовѣщательную, позиція, занимаемая въ Государственной Думѣ въ одномъ направленіи, въ Государственномъ Совѣтѣ въ обратномъ, двойственное отношеніе къ Распутину и постоянно скрытое недовѣріе къ народному представительству, все это способно было только раздражать, но не успокаивать взволнованнаго войной обывателя.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ было, какъ я уже отмѣтилъ, встрѣчено не особенно сочувственно не только Правительствомъ, но и Ставкой Верховнаго Главнокомандующаго.

При самомъ возникновеніи Совѣщанія оказалось, что существуетъ при Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи однородная коммисія по снабженію подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Сергія Михайловича. Ясно, что совмѣстпо однородныя учрежденія существовать не могли. Ясно, что явился бы цѣлый рядъ вопросовъ о взаимоотношеніяхъ, предѣлахъ власти той или иной коммисіи, порядкѣ сношеній по заказамъ и т. п. Гибельное двоевластіе погубило бы дѣло въ корнѣ. Много труда стоило убѣдить Великаго Князя отказаться отъ Предсѣдательства и согласиться на упраздненіе двойственной его коммисіи. состоявшей изъ должностныхъ лицъ, чиновниковъ и немѣвшей или не желавшей поэтому имѣть постояннаго общенія съ общественными и промышленными кругами, тогда какъ во вновь учрежденномъ Особомъ Совѣщаніи именно этотъ элементъ и былъ особенно цѣненъ. Въ смыслѣ закрытія коммисіи Великаго Князя Сергія Михайловича Военнымъ Министромъ генераломъ Поливановымъ и былъ представленъ Всеподданиѣйшій докладъ, и Великій Князь Сергій Михайловичъ былъ по болѣзни уволенъ отъ званія Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія и его коммисія по артиллерійскому снабженію была упразднена. Такимъ образомъ Особому Совѣщанію по оборонѣ были развязаны руки, и оно являлось единственнымъ распорядителемъ въ дѣлѣ снабженія арміи боевыми припасами. Но въ скоромъ времени Великій Князь Сергій Михайловичъ былъ вновь назначенъ Главнымъ Начальникомъ по Артиллерійскому снабженію на фронтѣ Дѣйствующей Арміи и, конечно, чинилъ не одно препятствіе начинаніямъ Особаго Совѣщанія. Пререканія со Ставкой по части снабженія были явленіемъ обыденнымъ, и какъ я уже говорилъ, очень много времени уходило на эти пререканія и много энергіи приходилось тратить на улаженіе самыхъ неожиданныхъ и малозначущихъ недоразумѣній. Лично со мной произошло такой инцидентъ.

Въ бытность въ Петроградѣ французскаго министра снабженія социалиста Альберта Тома этотъ послѣдній, часто меня посѣщавшій, передъ отъѣздомъ далъ мнѣ полномочіе, въ случаѣ какихъ либо задержекъ въ заказахъ и вообще ныхъ какихъ либо недоразумѣній обращаться къ нему и Генералиссимусу Жофру съ указаніемъ на происходящіе неполадки. «Мы повѣримъ народнымъ представителямъ и немедленно исполнимъ все по Вашему требованію», прибавилъ онъ. И вотъ въ одномъ изъ засѣданій вернувшійся изъ Ставки Военный Министръ Д. С. Шуваевъ сдѣлалъ Особому Совѣщанію докладъ о томъ, что переданный Французскому Правительству заказъ на крайне необходимыя для

арміи аеропланы не только не исполняется, но какъ будто бы даже къ заказу этому французы относятся недовѣрчиво, и дѣло тормозится, аеропланы между тѣмъ до нельзя нужны. Тогда, вспомнивъ слова г. Альберта Тома, я заявилъ въ засѣданіи Особого Совѣщанія, что если таковое найдетъ это нужнымъ и полезнымъ, то я немедленно составлю телеграммы на имя Генералиссимуса Жоффа и г. Альберта Тома, и если г. Военный Министръ найдетъ это полезнымъ, то я, вручая ему эти телеграммы, прошу его препроводить ихъ адресатамъ по беспроволочному телеграфу.

Военный Министръ и Совѣщаніе весьма сочувственно приняли такое рѣшеніе вопроса и одобрили его какъ бы своимъ постановленіемъ. Я тутъ же составилъ телеграммы и передалъ ихъ генералу Бѣляеву, бывшему тогда Начальникомъ Главнаго Штаба, которому тутъ же Военный Министръ сдѣлалъ распоряженіе о немедленной ихъ отправкѣ.

Черезъ два дня получился отвѣтъ отъ Генералиссимуса Жоффа и г. Альберта Тома, что ими сдѣлано распоряженіе о немедленной погрузкѣ имѣющихся готовыхъ аероплановъ желаемого типа и скорѣйшей заготовкѣ остального заказа съ такимъ расчетомъ, чтобъ весь заказъ былъ доставленъ въ Архангельскъ до закрытія навигаціи. Отвѣтъ этотъ своей благопріятной развязкой удовлетворилъ Особое Совѣщаніе, и вся переписка эта была записана въ журналъ. Казалось, не было совершенно никакого преступленія — все было совершенно гласно и на основаніи постановленія Особого Совѣщанія, одобреннаго Военнымъ Министромъ. Это было лѣтомъ 1916 года. Каково же было мое удивленіе, когда нѣкоторое время спустя (недѣли черезъ три) я получилъ оффиціальное письмо отъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ которомъ этотъ послѣдній извѣщалъ меня, что Государь Императоръ очень недоволенъ, что Предсѣдатель Государственной Думы выходитъ изъ круга своихъ правъ, вмѣшиваясь въ дѣла, не подлежащія его компетенціи, и что онъ желалъ бы чтобъ этого больше не повторялось. Меня это письмо, даже не конфиденціальное, напечатанное на машинкѣ, поразило какъ громомъ. Въ чемъ же заключался мой проступокъ, возбудившій неудовольствіе Государя Императора? Я этого понять не могъ. Очевидно Государю былъ сдѣланъ неправильный докладъ. Я догадывался, гдѣ корень этого дѣла. Когда я обратился къ Военному Министру Шуваеву съ упрекомъ, что это его рукъ дѣло, онъ съ негодованіемъ отвергъ такое подозрѣніе и даже вызвался немедленно ѣхать въ Ставку и все разъяснить. Но я предпочелъ испросить личный Всеподданнѣйшій докладъ и съ документами въ рукахъ доложилъ подробно, какъ было дѣло. Выслушавъ меня внимательно, Государь Императоръ сказалъ мнѣ: «Да, Вы были правы, мнѣ дѣло не такъ доложили». Я испросилъ однако у Его Величества, чтобъ онъ повторилъ свои слова въ присутствіи генерала Алексѣева, подписавшаго письмо ко мнѣ, и Государь Императоръ, снисходя къ моей просьбѣ, Всемилостивѣйше ее исполнилъ. Инцидентъ былъ исчерпанъ, но недружелюбное отношеніе къ членамъ Особого Совѣщанія и въ частности къ Предсѣдателю Государственной Думы проявилось въ этомъ случаѣ особенно ярко. Другой инцидентъ, въ которомъ Особому Совѣщанію пришлось выдержать борьбу со Ставкой произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Изъ Ставки было прислано сообщеніе, на заключеніе Особого Совѣщанія, что Англійское Главное Командованіе вступило въ Ставку со слѣдующимъ предложеніемъ: ввиду того, что отъ дѣйствій германскихъ подводныхъ лодокъ утрата тоннажа торговаго флота союзниковъ весьма значительна, Англійское Правительство предлагаетъ

ИМАГОГРАФИЯ
РУССКАЯ СЛОВА

весь русскій торговый флотъ, находящійся въ свободныхъ моряхъ, передать ему въ его распоряженіе и вѣдѣніе, причѣмъ Англійское Морское Министерство заявляло, что извѣстный процентъ русскихъ судовъ будетъ всегда обслуживать русскіе заказы, а остальное будетъ посвящено общимъ интересамъ. Ставка въ своемъ извѣщеніи давала понять, что она готова согласиться съ этимъ предложеніемъ, усматривая въ немъ гарантію большаго порядка и плано-мѣрности въ дѣлѣ морскихъ перевозокъ, ввиду того, что распоряженіе каботажнымъ флотомъ будетъ сосредоточено въ однихъ рукахъ. Двуплечіе этого предложенія бросалось однако въ глаза. Ясно было всѣмъ членамъ Особого Совѣщанія, что для русскихъ нуждъ оставлены будутъ поддонки каботажнаго флота и что подъ видомъ общей пользы Англія просто на просто стремится наложить свою тяжелую руку на русское Государственное достояніе. Являлся вопросъ, вернется ли оно намъ, принимая въ соображеніе нашу задолженность союзникамъ. Являлся и другой вопросъ, — въ какомъ видѣ этотъ зарождающійся нашъ торговый флотъ былъ бы намъ сданъ, ибо понятно, что чужіе корабли были бы поставлены Англійскимъ морскимъ министерствомъ на самыя опасныя мѣста. Это коварное предложеніе возмутило Особое Совѣщаніе и встрѣило въ немъ такой рѣзкій отпоръ и критику, что представители англійскаго посольства являлись къ Предсѣдателю Государственной Думы съ объясненіями и заявленіями о своей лояльности.

Особое Совѣщаніе такъ шумѣло по этому поводу, что въ концѣ концовъ англійское командованіе взяло свое предложеніе обратно.

Россія и союзники

Небезынтересно будетъ упомянуть объ отношеніяхъ союзниковъ къ Россіи вообще и, въ частности, къ Правительству и Государственной Думѣ. Для того, чтобы ярче освѣтить, какъ оцѣнивали страны, союзныя намъ, отношеніе Государственной Думы къ дѣлу войны, — имѣется достаточное количество фактовъ въ моемъ распоряженіи. Такъ, напримѣръ, иностранная печать того времени писала слѣдующее: «По словамъ союзныхъ делегатовъ, неопредѣленность внутренней политики Россіи учитывается общественнымъ мнѣніемъ союзныхъ державъ, какъ неблагопріятный признакъ для общаго дѣла союзниковъ. Особенно неблагопріятное впечатлѣніе производитъ не вполне благожелательное отношеніе къ законодательнымъ учрежденіямъ. Продолженіе такого рода неопредѣленной внутренней политики можетъ вызвать въ союзныхъ странахъ охлажденіе, что особенно нежелательно теперь, когда возникаетъ вопросъ о финансированіи Россіи. Дѣловые круги Европы, не имѣя твердой увѣренности въ политическомъ курсѣ Россіи, воздержатся вступать въ опредѣленные съ нею соглашенія».

Въ началѣ 1916 года состоялся съѣздъ делегатовъ иностранныхъ державъ въ Петроградѣ, и отзывы этихъ представителей о настроеніи и общихъ событіяхъ Россіи представляютъ глубокой исторической интересъ. По словамъ отдѣльныхъ делегатовъ, неопредѣленность положенія страны и общее недовольство Правительствомъ считалось неблагополучнымъ признакомъ для общаго дѣла борьбы съ Германіей. Конечно, неправильныя соотношенія Правительства и общества въ Россіи могли вызвать охлажденіе иностранцевъ и сомнѣніе въ благополучномъ исходѣ войны. Да и у самихъ русскихъ уже появилось нѣ-

которое чувство безнадежности, и все же, несмотря на всѣ указанія, несмотря на всѣ вопли о необходимости дружной работы Правительства съ общественными элементами — идея эта, хотя бы во имя упроченія довѣрія союзниковъ къ Россіи, не получила осуществленія, и, конечно, продолженіе такого настроенія правящихъ круговъ являлось крайне опаснымъ для успѣшнаго окончанія войны. Пораженческое движеніе въ это время подняло голову, и выступления въ этомъ направленіи разнаго вида агитаторовъ стали учащаться. Отзывы отдѣльныхъ лицъ иностранныхъ делегацій о положеніи дѣлъ въ Россіи и отношеніе къ ней союзныхъ державъ чрезвычайно характерны. При посѣщеніи Государственной Думы делегаты говорили: «Французы горячо и искренно относятся къ Государственной Думѣ и представительству русскаго народа, но не къ Правительству. Вы заслуживаете лучшаго Правительства, чѣмъ оно у васъ существуетъ». На совѣщаніи конференціи съ союзниками, делегаты иностранцы выражали свои мысли по поводу того, насколько они поражены единеніемъ всего русскаго народа и общества. «Это трогательное единеніе всей Россіи, — сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей французскій депутатъ, — имѣетъ своею единственной цѣлью достиженіе побѣды, и передъ нимъ можно только преклониться». Но не такого мнѣнія были иностранцы о нашихъ министрахъ.

Когда я задалъ одному изъ нихъ вопросъ, какое впечатлѣніе на него произвелъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, то онъ отвѣтилъ буквально: «Это народное бѣдствіе». На такой же мой вопросъ о другомъ министрѣ — военномъ — послѣдовалъ отвѣтъ: «Это катастрофа». Другой представитель французскаго Правительства, которому я задалъ при его отъѣздѣ вопросъ: «Какъ Вы оцѣниваете состояніе умовъ въ Россіи (это было въ январѣ 1916 года), скажите откровенно мнѣ Ваше впечатлѣніе о всемъ видѣнномъ Вами въ Россіи», — отвѣтилъ, сдѣлавшись сразу серьезнымъ и вдумчивымъ: «Г-нъ Предсѣдатель, нужно быть очень богатымъ экономически, а морально быть очень увѣреннымъ въ себѣ и вѣрить въ эту экономическую и моральную мощь свою, чтобы пребывать, въ такой исключительный моментъ, въ состояніи сладкой и безмятежной анархіи, въ которой находится Россійское Правительство и Русское общество; сознательно или нѣтъ — я этого рѣшить не берусь». Считаю здѣсь необходимымъ, говоря о союзникахъ, рѣшительно опровергнуть взводимое на почтеннаго Англійскаго посла сэра Бьюкенена обвиненіе, что онъ былъ душою переворота и революціи и своей дѣятельностью воодушевлялъ и помогалъ революціоннымъ элементамъ Россіи. Это совершенная неправда и клевета на глубоко всѣми уважаемаго полетическаго дѣятеля; также точно неправда и клевета увѣреніе, что съ Англійскими агентами члены Государственной Думы имѣли сношенія и подготавливали революцію. Государственная Дума IV-го Созыва состояла преимущественно изъ умѣренныхъ элементовъ и все предыдущее изложеніе настоящаго труда свидѣлствуетъ, что большинство ея объединившееся въ прогрессивный блокъ боролось именно съ революціонными теченіями. Умѣренные элементы въ Государственной Думѣ болѣе всего боялись, что накопленное въ странѣ неудовольствіе можетъ легко вылиться въ крайне нежелательныя формы. Одинъ изъ бытописателей той эпохи справедливо замѣтилъ, что «умѣренная среда Государственной Думы въ особенности боялась внутреннихъ осложненій и вспышекъ во время войны. Ради этого страха люди золотой середины шли на уступки, старались примирять противорѣчія, а если нельзя примирить противорѣчія, то о нихъ умалчивать. Ради этого они все время призывали страну къ спокойствію. Безпокойство имъ представлялось

опаснымъ вдвойнѣ: волненіями можетъ воспользоваться не только врагъ внѣшній — нѣмецъ, но и врагъ внутренній — реакція, желающая скорѣйшаго заключенія сепаратнаго мира съ нѣмцами». Это совершенно справедливая характеристика настроеній думскаго большинства и ни о какихъ переговорахъ тайныхъ или явныхъ съ Англійскимъ посломъ я никогда не слышалъ ни малѣйшаго намека. Въ этомъ отношеніи всѣ представители нашихъ союзниковъ были до-нельзя корректны и рѣшительно отвергали всегда всякія попытки вмѣшываться въ наши внутреннія дѣла.

Вотъ, какой хаосъ царилъ въ правящихъ кругахъ и среди Государственной власти въ этотъ страшный часъ, переживаемый Россіей (да, пожалуй, и въ общественныхъ кругахъ). И надобно признать, что постепенное измѣненіе настроенія изъ патріотическаго въ революціонное и глухое недовольство коренились именно въ недовѣріи всѣхъ мыслящихъ Русскихъ круговъ къ своему Государственному аппарату, который, очевидно, стоялъ не на высотѣ своего заданія и не могъ справиться съ тѣми тяжелыми обстоятельствами, которыя разрѣшить выпало на его долю.

Я еще разъ долженъ напомнить, что съ самаго возникновенія войны партіи въ Государственной Думѣ сгладились: былъ единственный лозунгъ огромнаго большинства Государственной Думы — это всемѣрно помогать Правительству въ его тяжеломъ дѣлѣ веденія міровой войны и достиженія побѣды во славу Отечества.

Дезорганизація власти

Обязанностью народныхъ представителей являлось, такимъ образомъ, въ это время стремленіе къ измѣненію отношенія Правительства къ народу и общественнымъ силамъ въ цѣляхъ побудить его пойти на путь объединенія съ отечественными производительными силами и сдѣлать все возможное въ этой области. Но шло ли Правительство навстрѣчу ему? Я смѣло утверждаю, что нѣтъ. Чѣмъ дальше развивалась война, тѣмъ суровѣе и безпощаднѣе, если можно такъ выразиться, становилось отношеніе Правительства къ обществу. Правительству вездѣ снилась и грезилась возникающая революція и, вмѣсто того, чтобы усмирить и успокоить взволнованные небывалыми жертвами и тяжкими сомнѣніями умы населенія, Правительство дѣлало, вѣроятно безсознательно, все возможное къ тому, чтобы еще больше возбудить къ себѣ всеобщее неудовольствіе и заслуженное къ себѣ недовѣріе.

Была ли Государственная власть предупреждена о надвигающейся бѣдѣ? Привожу здѣсь мое письмо конца 1915 г. къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ Ивану Логгиновичу Горемыкину.

Предсѣдатель
Государственной Думы
19 Декабря 1915 г.

Милостивый Государь
Иванъ Логгиновичъ!

Пишу Вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тѣхъ свѣдѣній и данныхъ, которыя обнаружили въ только что бывшемъ засѣданіи Особаго Совѣщанія

по оборонѣ и касаются катастрофическаго положенія вопроса о перевозкахъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Этотъ вопросъ поднять былъ въ особомъ Совѣщаніи перваго созыва, ему посвящены работы особой комиссіи, но дальше разговоровъ, справокъ и вычислений дѣло не пошло, и та катастрофа, которая тогда предвидѣлась, нынѣ наступила.

Подробности выясниваемаго положенія заводовъ, работающихъ на оборону, которые должны при такихъ условіяхъ остановиться, а также соображенія о надвигающейся голодовкѣ населенія въ Петроградѣ и Москвѣ и сопряженныхъ съ нею возможныхъ беспорядковъ, несомнѣнно сообщены уже Вамъ г. Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Миѣ, какъ и всѣмъ членамъ Совѣщанія, стало ясно, въ какую пропасть идетъ отечество наше вѣрными шагами, благодаря полной апатіи правительственной власти, которая не принимаетъ никакихъ активныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію возникающихъ грозныхъ событій. Я считаю, что Совѣтъ Министровъ, предсѣдаемому Вами, обязанъ въ силу этихъ обстоятельствъ безотлагательно проявить ту заботливость о судьбѣ Россіи, которая составляетъ его государственный долгъ. Члены Особаго Совѣщанія по оборонѣ предвидѣли все случившееся нынѣ, еще полгода тому назадъ, и Вы, Иванъ Логгиновичъ, не можете отрицать, что обо всемъ этомъ я лично неоднократно ставилъ Васъ въ извѣстность, въ отвѣтъ на что, однако, слышалъ лишь одно увѣреніе, что это не Ваше дѣло и что Вы въ дѣла войны вмѣшиваться не можете. Нынѣ такіе отвѣты уже несвоевременны. Приближается роковая развязка войны, а въ тылу нашей доблестной и многострадальной арміи растетъ общее разстройство всѣхъ проявленій народной жизни и удовлетворенія первѣйшихъ потребностей страны. Бездѣятельностью власти угнетается побѣдный духъ народа и вѣра въ свои силы. И Вашъ первѣйшій долгъ, немедленно, не теряя ни минуты, проявить, наконецъ, полноту заботы объ устраненіи всего, что мѣшаетъ достиженію побѣды. Мы, члены Государственной Думы, не можемъ, имѣя лишь совѣщательный голосъ, принять на себя отвѣтственность за неизбежную катастрофу, что я и заявляю Вамъ категорически. Если Совѣтъ Министровъ не приметъ, наконецъ, тѣхъ мѣръ, которыя возможны и которыя спасутъ родину отъ позора и униженія — отвѣтственность падетъ на Васъ, и если Вы, Иванъ Логгиновичъ, не чувствуете въ себѣ силъ нести это тяжелое бремя и не используете всѣ имѣющіяся средства для того, чтобы помочь странѣ выйти на стезю побѣды, то имѣйте мужество въ этомъ сознаться и уступить свое мѣсто болѣе молодымъ силамъ. Насталъ рѣшающій моментъ, наступаютъ грозныя событія, чреватая гибельными послѣдствіями для чести и достоинства Россіи. Не медлите, горячо прошу Васъ объ этомъ, Отечество въ опасности.

Примите и проч. М. Родзянко.

Невѣроятно быстрая и ничѣмъ не вызванная переменѣ и перетасовка Министровъ получила характеръ системы, и Членомъ Государственной Думы Пуришкевичемъ съ каедрой громко было мѣтко охарактеризовано «Министерской чехардой». Ясно, что быстрая переменѣ главъ вѣдомствъ наносила непоправимый ущербъ плановѣрному теченію дѣлъ, внося въ работу вѣдомствъ сумбуръ, что, конечно, выгодно могло быть только нашимъ врагамъ. Въ прочность и долговѣчность назначаемыхъ министровъ никто не вѣрилъ, да не вѣрилъ и они сами въ себя. Послѣдствіемъ такого настроенія было то, что энергіи въ работѣ не было.

Никто из назначаемых не вѣрилъ въ то, что проектируемая мѣры или реформы удастся провести въ жизнь за кратковременностью своего пребыванія у власти. Въ вѣдомствахъ устранялись, при назначеніи новаго Министра, пари или нѣчто въ родѣ тотализатора на срокъ пребыванія даннаго лица у власти.

Какъ назначались, напримѣръ, Министры, столь быстро смѣнявшіе другъ друга? На этотъ вопросъ я отвѣчу ихъ собственными словами. Когда на постъ Премьера былъ назначенъ Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, я спросилъ его: «Какъ Вы, Иванъ Логгиновичъ, при Вашихъ преклонныхъ годахъ, рѣшились принять такое отвѣтственное назначеніе»? Горемыкинъ, этотъ безупречно честный государственный дѣятель и человекъ, отвѣтилъ мнѣ однако буквально слѣдующее: «Ахъ, мой другъ, я не знаю почему, но меня вотъ уже третій разъ вынимаютъ изъ нафталина». Когда князь Голицынъ получилъ назначеніе Предсѣдателя Совѣта Министровъ, я его спросилъ: «Какъ Вы, почтенный князь, идете на такой постъ въ столь тяжелое время, не будучи совершенно подготовлены къ такого рода дѣятельности». Князь Голицынъ буквально отвѣтилъ слѣдующее: «Я совершенно согласенъ съ Вами. Если бы Вы слышали, что я наговорилъ самъ о себѣ Императору, я утверждаю, что если бы обо мнѣ сказалъ все это кто либо другой, то я вынужденъ былъ бы вызвать его на дуэль». Возможенъ ли былъ при этихъ условіяхъ порядокъ!?

На почвѣ жгучаго страха за будущее Родины, на почвѣ все возрастающаго хаоса въ транспортѣ, на почвѣ все возрастающей дороговизны предметовъ первой необходимости, на почвѣ ненужныхъ наборовъ воиновъ, отрывающихъ рабочія руки отъ необходимой работы внутри страны, причемъ всѣ эти неурядицы падали, главнымъ образомъ, всей тяжестью на низшіе слои народа, на немущее населеніе, — назрѣвало такое недовольство, которое вѣрными шагами вело народъ къ революціоннымъ эксцессамъ. Могло ли при видимомъ неустроѣствѣ народнаго хозяйства, при видимой, очевидной неспособности Правительства создать болѣе или менѣе нормальныя условія для того, чтобы, хотя бы спосно, но возможно было бы переносить тяготы войны и сопряженные съ ней жертвы, могло ли отношеніе населенія быть благожелательнымъ къ Правительству и, даже, къ Верховной власти, и могла ли Государственная Дума, несмотря на свои сверхчеловѣческія усилія, удержать назрѣвающій взрывъ? Я смѣло утверждаю и беру на себя отвѣтственность за эти слова, что Государственная Дума 4-го созыва сдѣлала все отъ нея зависящее для того, чтобы удалить всѣ эти возникшія недоразумѣнія. Но голосъ ея никогда ни Верховной властью, ни Правительствомъ въ достаточной мѣрѣ не былъ услышанъ. Судите поэтому сами, насколько обвиненіе, падающее на Государственную Думу, въ томъ, что она возглавила, подготовила, воодушевила и осуществила революцію — справедливо.

Никто изъ Министровъ не рѣшался воздѣйствовать сообща съ Государственной Думой на политику внутреннюю, уклоняющуюся отъ правильнаго пути. Такъ было всегда и задолго до войны. Еще въ 1912 г. по поводу конфискаціи брошюры профессора Московской Духовной Академіи Новоселова, направленной противъ Распутина и начинавшейся словами «*Quo usque tandem Catilina abutere patientia nostra*», былъ предъявленъ въ Государственной Думѣ запросъ по поводу этого незаконнаго дѣйствія. Обстоятельство это грозило развернуться въ общественный скандалъ. Въ цѣляхъ предохраненія Верховной власти отъ такой бѣды и желая сдѣлать попытку прекратить вредное для Императора Николая II пребываніе при дворѣ его пресловутаго старца

Распутина, я пытался склонить къ совмѣстному докладу Императору Предсѣдателя Совѣта Министровъ В. Н. Коковцова, Предсѣдателя Государственнаго Совѣта М. А. Акимова и Петроградскаго Митрополита Владимира; всѣ эти три сановника отказались меня поддержать, и я вынужденъ былъ сдѣлать докладъ одинъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что совмѣстный докладъ объ опасныхъ послѣдствіяхъ все возрастающаго вліянія Распутина произвелъ бы значительное впечатлѣніе и, быть можетъ, достигъ бы цѣли. Въ концѣ 1916 г. я пытался убѣдить Предсѣд. Совѣта Министровъ Кн. Н. Д. Голицына и Предсѣд. Госуд. Совѣта Ив. Гр. Щегловитова въ необходимости уступокъ обществу. Я просилъ ихъ совмѣстно со мной сдѣлать объ этомъ докладъ, заявляя имъ, что невозможно далѣе сдерживать народное возмущеніе; я получилъ рѣзкій отказъ. Миѣ было при этомъ заявлено, что Предсѣдатель Государственной Думы долженъ предпринять сверхчеловѣческія усилія, но сдержатъ возникающія волненія. На мое возраженіе, что легче въ предѣлахъ человѣческаго разума совершить благоразумный поступокъ, чѣмъ требовать сверхчеловѣческихъ дѣйствій, послѣдовалъ насмѣшливый отвѣтъ, что такое дѣйствіе, какое я требую, не входитъ въ предѣлы ихъ власти.

Нельзя все-же не отмѣтить, что Императоръ Николай II хорошо понималъ, что ему необходимо помириться съ народнымъ представительствомъ и загладить тѣ ошибки, которыя уперно продолжало дѣлать его Правительство, — ошибки, роковыя и во всякомъ случаѣ неумѣстныя во время народной войны. Но окружающіе его люди, сама атмосфера придворной обстановки при недостаточно твердой волѣ, не давала ему возможности осуществить свои добрыя намѣренія.

Нерѣдко даже, сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ черезъ нѣкоторое время совершалъ обратный шагъ и тѣмъ портилъ въ корнѣ прекрасное первоначальное впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, когда, подъ впечатлѣніемъ тяжкихъ неудачъ нашихъ въ Маѣ и Іюнѣ 1915 г., было учреждено въ порядкѣ 87 ст. Особое Совѣщаніе по оборонѣ, то Государь относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ, о чемъ мы знали черезъ бывшаго еще военнымъ министромъ В. А. Сухомлинова.

Когда въ Августѣ 1915 г. Совѣщаніе это вылилось уже въ форму закона, пройдя Законодательныя Палаты, и было Высочайше утверждено, Государь Императоръ пожелалъ его лично открыть, въ первомъ же засѣданіи и въ своей рѣчи заявить, что въ минуту тяжелыхъ переживаній онъ лично будетъ руководить нашими занятіями. Въ первое время онъ относился дѣйствительно съ полнымъ довѣріемъ къ работамъ Особаго Совѣщанія. Но уже съ отставкой Генерала Поливанова, и затѣмъ Ив. Л. Горемыкина это отношеніе подъ вліяніемъ новыхъ министровъ, въ особенности предсѣдателя Сов. Министровъ Б. А. Штюрмера, значительно ухудшилось, какъ это видно изъ моихъ сообщеній и, въ концѣ 1916 года, когда тревога захватила всѣ умы и члены Особаго Совѣщанія ходатайствовали передъ его Величествомъ, въ особой запискѣ, о томъ, чтобы Онъ лично предсѣдательствовалъ въ Совѣщаніи и выслушалъ бы полный докладъ о дѣйствительномъ положеніи дѣла, Ему угодно было отклонить это ходатайство, что вселило значительное неудовольствіе.

Такимъ же добрымъ и правильнымъ побужденіемъ было и посѣщеніе Государемъ Госуд. Думы 9-го февр. 1916 г. Посѣщеніе это состоялось внезапно, безъ предупрежденія, такъ что даже Предсѣдатель Думы узналъ о немъ за часъ до открытія Засѣданія. Слѣдовательно, ничею не могло быть подготовленнаго или искусственнаго.

Небывалый энтузіазмъ съ которымъ былъ встрѣченъ Императоръ Николай II въ этотъ значительный день не только членами Думы, но и многочисленной публикой на хорахъ, — энтузіазмъ искренній, неподдѣльный не былъ ли явнымъ указаніемъ, какъ жаждалъ тогда весь русскій народъ полнаго, довѣрчиваго единенія съ своимъ Царемъ, въ дни небывалыхъ лишеній, жертвъ и страданій.

Государь это понялъ, но не додѣлалъ своего добраго начинанія. Будь въ этотъ день дано отвѣтственное министерство, революціи не было бы и война была бы выиграна.

Но окончательнаго согласія не состоялось, дѣло ограничилось однимъ лишь Высочайшимъ посѣщеніемъ, а Правительство продолжало подозрительно и недовѣрчиво относиться къ народному представительству и вообще къ общественнымъ кругамъ, чѣмъ только углубляло и расширяло раздѣляющую ихъ пропасть.

Деморализація Арміи

Когда совершился переворотъ и, такъ называемое, углубленіе революціи привело къ тому, что страсти разнуздались и всѣ дурные инстинкты выплыли наружу, получилось трагическое по своимъ тяжкимъ послѣдствіямъ для Государства разложеніе Арміи, которая отказалась воевать и, подъ вліяніемъ преступной агитаціи, ушла съ фронта, обнаживъ его для противника, который не имѣлъ уже никакихъ препонъ для вторженія въ страну. Впослѣдствіи всю вину за эти прискорбныя событія взвалили на плечи Государственной Думы 4-го созыва; обвиненія эти отчасти получили популяриность и были приняты на вѣру, безъ критическаго и внимательнаго отношенія къ правдивости подобныхъ слуховъ. Признаюсь откровенно, я всегда съ болью въ сердцѣ выслушивалъ эти обвиненія, потому что направленіе, въ которомъ работала Государственная Дума въ теченіе десяти лѣтъ, какъ это видно изъ изложенныхъ выше моихъ сообщеній, и существо этой работы по отношенію къ родной отечественной Арміи — вполне противорѣчатъ такому обвиненію.

Для Государственной Думы, какъ читатель могъ убѣдиться изъ вышеннеложеннаго мною, не было болѣе священной обязанности, какъ помогать возрожденію Арміи и флота въ той или другой формѣ. И законодательное учрежденіе положило много силъ и энергій для увеличенія боеспособности нашихъ войскъ и улучшенія быта ея чиновъ.

Да, это тяжелое и незаслуженное обвиненіе. Поэтому надлежитъ обратиться къ фактамъ, которые въ достаточной мѣрѣ могутъ освѣтить создавшееся положеніе.

Съ самаго начала войны порядокъ укомплектованія войскъ на фронтѣ былъ установленъ слѣдующій: внутри Имперіи были созданы, такъ-называемые, запасные баталіоны, время-отъ-времени, по мѣрѣ надобности, посылавшіе различнаго вида пополненія на фронтъ, въ составѣ маршевыхъ ротъ. Эти запасные баталіоны, достигавшіе иногда небывалой цифры отъ 12 до 19 тысячъ человекъ въ каждомъ, были очень недостаточно оборудованы надежными инструментами: кадровое офицерство почему-то задерживалось на фронтѣ и лучшіе опытные бойцы оставались въ Дѣйствующей Арміи въ пылу огня.

Между тѣмъ, частыми усиленными наборами призывался подъ знамена въ запасные баталіоны далеко необученный и совершенно сырой матеріаль, ко-

терый еще требовалъ тщательной и внимательной обработки, а сверхъ того требовалась разумная пропаганда въ дѣляхъ внушенія призваннымъ смысла и значенія войны, а также и объема долга и обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ для призываемыхъ на службу.

Ничего этого не было. Запасные батальоны или поручались совершенно неопытнымъ офицерамъ, или лицамъ, далеко незнакомымъ съ порядкомъ обученія войскъ, или даже такимъ, которые стремились избѣжать службы на фронтѣ, и, такимъ образомъ, не представляли изъ себя надлежащій примѣръ боевыхъ опыта, доблести и знанія современныхъ условій войны.

Правда, что при недостаткѣ, который чувствовался въ офицерскомъ составѣ, задача эта была не изъ легкихъ, но при разумной организаціи дѣла, путемъ отправки быстро производимыхъ офицеровъ на фронтъ для замѣны ими кадровыхъ офицеровъ и обратнаго откомандированія кадровыхъ офицеровъ для обученія запасныхъ войсковыхъ частей — задача могла быть болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшена.

Такимъ образомъ, вышеупомянутые запасные батальоны, о роли которыхъ въ переворотѣ я буду говорить впоследствии, были, если можно такъ выразиться, предоставлены самимъ себѣ безъ надлежащаго надзора, безъ надлежащей инспекціи. были плохо обставлены въ матеріальномъ отношеніи, нуждались въ обмундировкѣ, продовольствіи и даже оружіи. Тамъ, въ самыхъ нѣдрахъ этихъ запасныхъ батальоновъ, будущихъ бойцовъ на фронтѣ, возникло глухое броженіе и недовольство на почвѣ разныхъ недочетовъ, и тамъ же къ тому же работала во всю германская и революціонная пропаганда.

Наборы и пополненія этихъ запасныхъ батальоновъ производились безъ достаточно продуманной системы, безъ должнаго вниманія къ сохраненію рабочихъ силъ на мѣстахъ, которыя были необходимы для услѣшной работы въ тылу. И если принять въ соображеніе хроническій недостатокъ винтовокъ, то нужно признать, что запасные батальоны представляли изъ себя зачастую просто орды людей недисциплинированныхъ и мало-по-малу развращаемыхъ искусными агитаторами германскаго производства.

Самая система призыва населенія, оставшагося дома, къ исполненію воинской повинности, какъ я уже говорилъ, не имѣла никакого плана и не считаясь съ хозяйственными условіями тыла, зачастую возбуждала этимъ вредное для дѣла недовольство населенія. Такъ, напримѣръ, призывъ подъ знамена въ 1916 г. былъ объявленъ въ концѣ іюня мѣсяца въ самый разгаръ уборки хлѣбовъ, и только по настойчивому ходатайству Предсѣдателя Государственной Думы передъ Верховной властью былъ перенесенъ на осенніе мѣсяцы. Но тѣмъ не менѣе наборъ былъ объявленъ, смущеніе среди населенія, работавшаго на поляхъ, было внесено. Конечно, такая мѣра отозвалась, съ одной стороны, губительно на услѣхахъ полевыхъ работъ, а съ другой — подорвало довѣріе къ власти, не считающейся съ насущнѣйшими надобностями экономическаго быта страны.

Между тѣмъ, точнаго подсчета общаго числа призванныхъ на службу не было и различныя учрежденія, вѣдающія эту отрасль, утверждали разныя цифры, которыя различались между собою на миллионъ и больше людей.

Ставка считала меньше призванныхъ, мобилизаціонный отдѣлъ военнаго министерства значительно больше и, наконецъ, подсчетъ, сдѣланный по порученію Особаго Совѣщанія по оборонѣ, послѣ неудачнаго набора въ рабочую пору, установилъ третью цифру, расходящуюся съ двумя первыми.

Ставка имѣла основанія требовать все новые наборы, что ясно видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Я не хочу порочить нашу доблестную Армію, а тѣмъ болѣе доблестнѣйшее офицерство, которое кровью своею стяжало себѣ неувядаемую, безсмертную, всемірную славу, но справедливость требуетъ указать, что симптомы разложенія Арміи были замѣтны и чувствовались уже на второй годъ войны. Такъ, напримѣръ, въ періодъ 1915 и 1916 г.г. въ плѣну у непріятели было уже около 2 милліоновъ солдатъ, а дезертировъ съ фронта насчитывалось къ тому же времени около полутора милліона человекъ. Значитъ, отсутствовало около 4-хъ милліоновъ боеспособныхъ людей, и цифры эти краснорѣчиво указываютъ на извѣстную степень деморализаціи Арміи.

Но это явленіе указываетъ на то, что съ нимъ не было достаточной бѣрбы и противъ него не принимались достаточно рѣшительныя и суровыя мѣры. Дисциплина очевидно расшатывалась и чувство долга по отношенію къ родинѣ не развивалось и не укрѣплялось въ достаточной мѣрѣ въ призываемыхъ.

По подсчету, сдѣланному однимъ изъ членовъ Государственной Думы, получилось такого рода соотношеніе: число убитыхъ изъ состава солдатъ выразится 15%, но по отношенію къ офицерству этотъ процентъ выразится цифрой 30%, а раненыхъ еще больше.

Такимъ образомъ, по соотношенію состава офицеровъ и солдатъ — убитыхъ офицеровъ во время войны было въ два раза больше.

Процентное отношеніе плѣнныхъ ко всему солдатскому составу выражается цифрой около 20%, между тѣмъ какъ по отношенію къ офицерамъ это % обозначеніе выражается 3%. Дезертировъ офицеровъ не было вовсе.

Въ полевыхъ бояхъ убыль здоровыхъ солдатъ и раненыхъ въ палецъ была очень значительна. Какъ примѣръ, приведу фактъ, который далеко не единственный: въ одномъ изъ полковъ въ битвѣ подъ Гельчевымъ, 26 августа 1914 г., послѣ боя оказалось на лицо только 1500 человекъ изъ трехъ съ половиной тысячъ, но черезъ три дня къ кухнямъ собралось еще вполнѣ здоровыхъ 1500 человекъ.

Та же картина произошла послѣ боя въ одномъ изъ полковъ подъ Краковомъ.

Утверждаю, что эти случаи не единственные, но взяты мною, какъ точно проверенные, которые можно доказать документально.

Пополненія, посылаемая изъ запасныхъ батальоновъ, приходили на фронтъ съ утечкой въ 25% въ среднемъ, и, къ сожалѣнію, было много случаевъ, когда эшелоны, слѣдующіе въ поѣздахъ, останавливались въ виду полного отсутствія состава эшелона, за исключеніемъ начальника его, прапорщиковъ и другихъ офицеровъ.

Здѣсь не мѣсто глубоко анализировать причины этихъ прискорбныхъ и мрачныхъ обстоятельствъ, но мнѣ необходимо было освѣтить истинное положеніе и настроеніе Арміи для того, чтобы, когда я буду говорить о полномъ разложеніи, послѣдовавшемъ послѣ переворота, которое инкриминируется всецѣло Государственной Думѣ, имѣть возможность сослаться на то, что предшествовавшія событія вовсе не служили доказательствомъ полной скованности и строгой дисциплины въ Арміи. Кромѣ этого, я съ большимъ огорченіемъ долженъ констатировать, что далеко не всегда распоряженія высшаго команднаго состава были на высотѣ своего положенія. Такъ, напримѣръ, было съ блестяще подготовленной, блестяще начатой и имѣвшей въ началѣ уснѣхъ операціей

прорыва на Стоходѣ. Когда, подѣ командованіемъ генерала Брусилова, совершенъ былъ глубокой прорывъ, и наши войска въ началѣ имѣли крупный успѣхъ, этой операціей не было достигнуто поставленныхъ цѣлей и, главнымъ образомъ, потому, что распоряженія команднаго состава не всегда обезпечивали успѣшныя военныя дѣйствія доблестныхъ нашихъ частей.

Я былъ на мѣстѣ во время этихъ боевъ и знаю, что въ силу недостаточной артиллерійской подготовки и невыполненныхъ своевременно другихъ условій — я говорю это со словъ специалистовъ и участниковъ боевъ, — на примѣръ, Гвардейскій корпусъ, пополненный блестяще за время своего отдыха въ тылу, потерялъ до 60% своего состава вслѣдствіе неумѣлаго командованія, полного отсутствія воздушной развѣдки (на весь Гвардейскій корпусъ было, кажется, только четыре аэроплана) и другихъ причинъ.

Я не позволю себѣ винить отдѣльныхъ лицъ. Фронтная Армія отъ генерала до солдата безтрепетно сражалась, исполняла честно свой долгъ и безстрашно умирала во славу Родины. Но несовершенство организаціи и неправильная система назначеній команднаго состава сыграла свою пагубную роль.

И тѣмъ не менѣе, нельзя не удивиться доблести и беззаветной отвагѣ, съ которой эти молодые войска шли въ бой и ложились цѣлыми ротами подѣ губительнымъ огнемъ противника.

Мнѣ помнится такой разговоръ въ одномъ изъ лазаретовъ Краснаго Креста, который мнѣ приходилось ревизовать. Въ немъ, въ палатѣ, находилось около 60 тяжело раненыхъ. Въ этой палатѣ была молодежь, цвѣтушая, крѣпкая и сильная. Раненія были чрезвычайно тяжелы и, тѣмъ не менѣе, настроеніе было превосходное, бодрое и жизнерадостное. Одинъ изъ раненыхъ, старшій унтеръ-офицеръ того же полка, кажется, если память мнѣ не измѣняетъ, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго, участникъ Японской кампаніи, полный Георгіевскій кавалеръ, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Господинъ Предсѣдатель, внушите этой молодежи, что такъ сражаться, какъ они сражаются, нельзя. Я опытный вояка, продѣлалъ Японскую кампанію, не выходилъ изъ строя за все время этой войны, — эта молодежь просто сумасшедшая, они безъ разбору лѣзутъ въ самый огонь безъ надобности, при малѣйшемъ приказѣ идти въ атаку идутъ на непріятельскія проволочныя загражденія безъ оглядки и безъ разума и гибнутъ совершенно напрасно и зря». На это молодые солдаты съ насмѣшкой отвѣчали: «Ты старый, а мы молодые и смѣлые».

Вотъ, какой матеріалъ находился въ рукахъ команднаго состава. И какъ это ни странно сказать, но броженіе въ Арміи въ этотъ періодъ 1916 г. началось, именно, съ побѣдныхъ боевъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, составилось убѣжденіе, что всѣ нечеловѣческія усилія вочновъ и принесенныя ими жертвы оказались, въ сущности, безрезультатны и бесплодны, ввиду неумѣлыхъ и неудачныхъ распоряженій, которыя критиковались на всѣ лады.

Кампанія могла и должна была быть окончена тогда же полной побѣдой, именно тогда, въ этотъ періодъ начинавшася наилучшаго снабженія Арміи людскими пополненіями и предметами боевого снабженія: почетный и славный миръ могъ быть купленъ цѣною этихъ жертвъ и этого послѣдняго напряженія народной энергіи, а между тѣмъ этого-то достигнуто и не было.

Воздушная развѣдка была плохо поставлена.

Какъ я уже упоминалъ раньше, на весь Гвардейскій корпусъ приходилось только 4 аэроплана. По докладу моему въ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ былъ рѣзко поставленъ вопросъ о несовершенствѣ военной авіаціи, и была учреждена

особая авіаціонная комісія. Коренная реформа організації авіаціонного дѣла была рѣшена, но достигнуто это рѣшеніе было только въ 1916 г. А между тѣмъ, въ бояхъ на Стоходѣ цѣлыя эскадрильи непріятельскихъ аэроплановъ появлялись надъ нашими резервами и снижались чуть не на 500 метровъ, безнаказанно разстрѣливая ихъ изъ пулеметовъ.

Броженіе въ Арміи началось на почвѣ недовольства высшимъ команднымъ составомъ. Это вызвано было перечисленными выше причинами, а также, несомнѣнно, было результатомъ многолѣтней упорной агитаціи въ войскахъ. Впослѣдствіи недовольство это перенеслось на доблестное, ни въ чемъ не повинное младшее офицерство и своимъ послѣдствіемъ имѣло ужасное пролітіе дорогой намъ офицерской крови, свидѣтелями чего мы всѣ были съ содроганіемъ и отвращеніемъ при полномъ разложеніи Арміи, послѣ февральскаго переворота.

Не надо при этомъ забывать, что офицерскій составъ значительно измѣнился по своему составу за время войны. Вотъ довольно мѣткая характеристика этого измѣненія одвого изъ военныхъ корреспондентовъ: «Старое кадровое офицерство, воспитанное въ извѣстныхъ традиціяхъ, вслѣдствіе значительной его убыли въ бояхъ стало лишь небольшимъ процентомъ по сравненію съ новымъ офицерствомъ, призваннымъ подъ знамена во время войны и прошедшимъ иную школу въ смыслѣ критическаго отношенія къ традиціоннымъ представленіямъ о Государственномъ устройствѣ и порядкѣ. Въ общемъ командный составъ теперь проникнуть болѣе штатскимъ духомъ и болѣе близокъ къ интеллигенціи и ея понятіямъ, чѣмъ это было до войны, да, пожалуй, и въ первое время войны».

Незадолго до переворота прибыла въ Петроградъ группа офицеровъ съ генераломъ Крымовымъ во главѣ. Между прочимъ, генераль Крымовъ заявилъ мнѣ: «Такъ дальше идти нельзя. Благодаря полному отсутствію связи въ распоряженіяхъ и строго продуманнаго плана, назначенію на высшіе посты въ Арміи безъ разбора, наши блестящіе успѣхи сводятся на нѣтъ, и въ Арміи, въ ея солдатскомъ составѣ растетъ недовольство и недовѣріе къ офицерству вообще и начальству въ частности и, такимъ образомъ, Армія постепенно разлагается и дисциплинѣ грозитъ полный упадокъ. Легко можетъ быть, что при такихъ условіяхъ солдаты откажутся идти впередъ и, что всего ужаснѣе, подъ вліяніемъ преступной агитаціи, съ которой никто не борется и которой не умѣютъ положить предѣлъ, Армія въ теченіе зимы можетъ просто покинуть окопы и поле сраженія. Таково грозное, все растущее настроеніе въ полкахъ».

Генераль Крымовъ, нынѣ покойный, покончивъ самъ съ собой во время прискорбныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ августѣ 1917 г. Я не посмѣлъ бы приписать ему то, что онъ не говорилъ, да и тѣ офицеры, которые сообщали все это, живы еще, и я смѣло могу сослаться на нихъ, и они удостовѣряютъ, что именно такое настроеніе и броженіе въ Арміи было.

Изъ сказаннаго ясно, что почва для окончательнаго разложенія Арміи имѣлась на-лицо еще задолго до переворота, когда о немъ еще не говорили громко и когда никто и не думалъ въ правящихъ сферахъ, что революція такъ близка и такъ быстро наступитъ въ столь ближайшемъ будущемъ.

Таковы были событія, предшествовавшія перевороту. Позволю себѣ причины переворота, обуславливавшія его и его вызвавшія, разбить на четыре категоріи: къ первой и самой главной категоріи я отношу чрезмѣрное усиленіе вліянія темныхъ безответственныхъ силъ, окружавшихъ и завладѣвшихъ волею и мыслью Верховной власти.

Вліяніе Распутина и всего кружка, окружавшаго Императрицу Александру Феодоровну, а черезъ нее — на всю политику Верховной власти и Правительства возросло до небывалыхъ предѣловъ.

Я не обвиняю утверждаю, что кружокъ этотъ, несомнѣнно, находился подъ вѣдѣніемъ нашего врага и служилъ интересамъ Германіи. Иначе нельзя себѣ объяснить безпричиннаго удаленія дѣйствительно полезныхъ государственныхъ дѣятелей, которые въ 1915 году, послѣ погрома въ Галиціи, были призваны къ власти въ силу требованія общественнаго мнѣнія, и которые, при извѣстномъ разумномъ направленіи своей дѣятельности, въ полномъ согласіи съ общественными силами страны могли бы, несомнѣнно, довести страну до побѣды. Стоило появиться на высшемъ государственномъ посту талаптливому и честному дѣятелю, какъ сейчасъ же изъ Распутинскихъ сферъ начиналось на него гоненіе, и онъ бывалъ удаляемъ со стремительной быстротой и безъ объясненія причинъ. А если такое лицо имѣло несчастье сдѣлаться популярнымъ въ общественныхъ кругахъ, то участь его была заранѣе предрѣшена. Въ тяжелые дни народной войны залогъ ея успѣха, конечно, заключался въ стройной организаціи всѣхъ факторовъ, обслуживающихъ потребности борьбы съ врагомъ. Для врага не менѣе боеспособной арміи была опасна правильная организація тыла, общее воодушевленіе и вѣра народа въ своихъ вождей. А между тѣмъ, мы всѣ видѣли, что все это послѣдовательно разрушалось. Чьей-то невидимой рукой упорно, всѣми возможными способами, вносилось въ народъ взаимное раздраженіе и недовѣріе, и всѣ попытки соединить правящіе круги съ обществомъ терпѣли неизбежную неудачу. Кому же это было на руку? Только Германіи. Кто руководилъ такой преступной политикой? Распутинскій кружокъ. Связь и аналогія стремленій настолько логически очевидна, что сомнѣній во взаимодѣйствіи германскаго штаба и Распутинскаго кружка для меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ: это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Германскій Императоръ предпринималъ и другіе шаги, чтобы привлечь на свою сторону видныхъ общественныхъ дѣятелей. Онъ подсылалъ къ нимъ разныхъ предателей Россіи изъ плѣнныхъ и оставшихся добровольно въ Германіи русскихъ, въ цѣляхъ убѣдить заключить сепаратный миръ. И я подвергся такому нападенію, но послѣ принятыхъ мною сразу крутыхъ мѣръ эти попытки больше не повторялись.

Это трагическое явленіе, выросшее на почвѣ печальной русской дѣйствительности, сложное, темное и недостаточно изученное — въ результатѣ оказалось гибельнымъ для Православной церкви и для Царствующей династіи, а главнымъ образомъ для государства, потому что оно растлило народную душу и народныя вѣрованія.

Подробныя обстоятельства этой категоріи причинъ настолько мрачны и такъ гибельно отозвались на всѣхъ сторонахъ государственной жизни, что имъ, для полнаго освѣщенія, необходимо было бы посвятить отдѣльную монографію, основанную на дѣйствительныхъ фактахъ, такъ какъ въ общихъ чертахъ охарактеризировать это явленіе является крайне труднымъ, не ссылаясь на рядъ подробностей и мелкихъ, но важныхъ фактовъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, несмотря на всѣ тормазы этой категоріи причинъ, жизненность производительныхъ силъ страны и ея творческихъ силъ подтверждаются тѣми фактами, которые я изложилъ въ первой части своей работы.

Сумѣли же общественныя организаціи, въ видѣ земскаго и городского союзовъ, поставить на должную высоту санитарную часть арміи, сумѣли же общественные элементы, призванные для этого, хотя и поздно, но снабдить Армію нашу снарядами и предметами боевого и иного снаряженія. Несмотря на кажущуюся разруху и общее недовольствіе, они все-же исполнили данную имъ задачу. Не есть ли это блестящее доказательство того, что огромный запасъ государственной энергіи, которая таится въ русскомъ народѣ, проявляется блестяще тамъ, гдѣ ему оказываютъ должное довѣріе и гдѣ въ достаточной степени его организуютъ и пользуются плодами его богатаго творчества.

Вторая категорія причинъ, обусловившихъ наше государственное крушеніе, заключается въ томъ, что неумѣлыя и несогласованныя распоряженія власти привели къ окончательной разрухѣ экономическихъ условій жизни населенія, оставшагося въ тылу, главнымъ образомъ, разстроился транспортъ, за симъ финансы, обнаружилась общая безхозяйственность, отсутствіе достаточной заботливости о плѣнныхъ и раненыхъ, выходящихъ изъ лазаретовъ, не создана была организація борьбы съ возрастающей спекуляціей, которая сама по себѣ есть явленіе отрицательное и которая вызвала небывалое вздорожаніе предметовъ первой необходимости.

Къ этой категоріи причинъ нужно прибавить необыкновенно интенсивную нѣмецкую агитацію, ведущуюся на нѣмецкое золото, которой не было противопоставлено разумно организованной пропаганды на русскія деньги, въ цѣляхъ парализованія того губительнаго вліянія, которое этой агитаціей оказывалось въ ущербъ развитію и поднятію въ высшей мѣрѣ патріотическаго чувства.

Къ третьей категоріи причинъ, вызвавшихъ легкость, съ которой совершился переворотъ, я отношу начавшееся разложеніе Арміи, о которомъ я только что говорилъ.

Наконецъ четвертая причина революціи была чрезвычайная и во всемъ двойственность правительственной внутренней политики.

Эта система имѣть два лика до нельзя раздражала русское общество, такъ какъ никто заранѣе не зналъ, какъ поступитъ завтра Правительство, такъ ли какъ сегодня, или совсѣмъ наоборотъ. Въ искренность заявленія правительства русское общество поэтому перестало вѣрить, зная, что оно мѣняло свой курсъ съ поразительной легкостью. Такъ было съ обращеніемъ къ полякамъ, съ отношеніемъ къ Государственной Думѣ съ одной стороны будто бы благожелательнымъ, съ другой явно враждебнымъ. Такъ было съ рядомъ существенныхъ вопросовъ, уже мною перечисленныхъ.

Всѣ эти явленія, вызывавшія негодованіе, одновременно подтачивали довѣріе страны къ государственной власти, не умѣющей наладить государственную жизнь, и лишали увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и въ побѣдномъ исходѣ кампаніи.

Я утверждаю, что при совокупности этихъ причинъ, если бы и не было революціи, война все равно была бы проиграна и былъ бы по всей вѣроятности заключенъ сепаратный миръ, быть можетъ, не въ Брестъ-Литовскѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но, вѣроятно, еще болѣе позорный, ибо результатомъ его являлось бы экономическое владычество Германіи надъ Россіей.

Послѣднія попытки

Я уже раньше указывалъ, что умѣренныя партіи не только не желали революціи, но просто боялись ея. Различнымъ думскимъ фракціямъ было ясно, что революція во время разгара войны неизбежно приведетъ къ развалу и разложенію Россіи. Въ частности, партія народной свободы, какъ стоящая на лѣвомъ флангѣ умѣренныхъ группъ и поэтому имѣвшая больше всѣхъ точекъ прикосновенія съ революціонными партіями страны, была озабочена надвигающейся катастрофой болѣе всѣхъ. Очевидно было, что если революціонная волна разыграется въ революціонный штормъ, то наиболѣе консервативнымъ элементомъ и поэтому правымъ крыломъ оказалась бы партія к.-д., такъ какъ все стоящее правѣе кадетъ должно было быть неизбежно сметено. Положеніе партіи кадетской въ этомъ случаѣ становилось бы крайне тяжелымъ, ибо на нее очевидно были бы направлены всѣ удары и громы развивающагося революціоннаго вихря. Кадеты прекрасно сознавали это и предчувствовали, что они въ свою очередь будутъ съ большой жестокостью сброшены съ арены политической борьбы. И тѣмъ не менѣе, однако, мы всѣ понимали, что курсъ, принятый правительствомъ, еще съ большей вѣроятностью приведетъ къ краху Государства. Поэтому рѣшеніе сказать громко правду въ законныхъ рамкахъ Учрежденія Государственной Думы представлялось послѣднимъ средствомъ, могущимъ образумить какъ Верховную власть, такъ и призванное къ власти Правительство.

При такомъ положеніи настроенія Государства во всѣхъ его слояхъ Государственная Дума увидѣла для себя необходимость выйти изъ пассивнаго положенія, ею занятаго, исчерпавъ всѣ средства воздѣйствія въ дѣлѣ поворота государственной политики правительства на разумный путь.

Въ томъ, что въ этотъ моментъ Государственная Дума стояла на правильномъ пути, можно привести, какъ доказательство, постановленіе Московскаго Губернскаго Собранія, которое имѣется у меня въ подлинникѣ: «Московское Губернское Земское Собраніе чрезвычайной сессіи горячо привѣтствуетъ Государственную Думу въ день ея открытія и взираетъ на предстоящее ей государственное дѣло съ большими ожиданіями. Изъ докладовъ, рассмотрѣнныхъ Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ, явствуетъ, что хозяйственное состояніе Московской губерніи стало угрожающимъ, что наступаетъ тотъ часъ, когда міровая борьба должна развиваться въ послѣднемъ окончательномъ столкновеніи, когда Россія должна дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ и найти въ себѣ силы нанести окончательный рѣшающій ударъ. Въ этотъ историческій отвѣтственный часъ общество обречено на молчаніе. Московское Губернское Земство, въ полномъ сознаніи невѣроятныхъ трудностей предстоящей работы, встрѣчаетъ создавшееся положеніе твердо со спокойной и неизмѣнной готовностью продолжать свое отвѣтственное дѣло. Московское Губернское Земство вѣритъ въ силы русскаго народа, вѣритъ нашимъ могучимъ доблестнымъ Арміи и Флоту, вѣритъ, что народные представители найдутъ всѣми ожидаемый путь къ взаимному пониманію въ странѣ общественныхъ силъ и власти, въ единеніи которыхъ единственный залогъ къ тому, чтобы Россія съ достоинствомъ вышла изъ посланныхъ ей судьбой тяжкихъ испытаній».

Это же подтверждается и резолюціей Предсѣдателей Губернскихъ Земскихъ Управъ.

Милостивый Государь

Михаилъ Владиміровичъ !

Предсѣдатели Губернскихъ Земскихъ Управъ, собравшіеся въ Москвѣ 25 октября для обсужденія продовольственнаго дѣла, сочли своимъ долгомъ подвергнуть обсужденію общее тревожное политическое положеніе страны. Вотъ итоги ихъ единодушнаго мнѣнія. Годъ тому назадъ на сентябрьскомъ собраніи уполномоченныхъ Губернскихъ Земствъ, представители земской Россіи, въ сознаніи своей отвѣтственности и долга передъ родиной, указывали на гибельность созданнаго правительствомъ разъединенія власти съ народомъ. Высказывавшіяся тогда опасенія получили теперь осуществленіе и правительственная политика дала свои роковые плоды. Могучій патріотическій подъемъ всей страны остался неиспользованнымъ властью.

Правительство не пошло даже на совмѣстную работу съ Государственной Думой, которая являла собою яркое отраженіе охватившаго слои населенія единодушія. За все время войны правительство пребывало сперва въ скрытой, а затѣмъ въ нескрываемой явной борьбѣ съ народнымъ представительствомъ и всѣми организованными общественными силами. Пожаръ міровой борьбы все болѣе разгорается, ставя передъ Россіей новыя сложныя задачи. Въ то же самое время осложняется и наша внутренняя жизнь. Страна переживаетъ послѣдовательно острое разстройство въ области транспорта, производства необходимыхъ для населенія предметовъ и наконецъ, даже продовольствія. Разъединенныя, противорѣчивыя, лишенныя опредѣленнаго плана и мысли дѣйствія и распоряженія правительственной власти, неуклонно увеличиваютъ общую дезорганизацію всѣхъ сторонъ государственной жизни. На мѣстахъ всѣ эти распоряженія вызываютъ чувство недоумѣнія, раздраженія, а иногда и прямого возмущенія и озлобленія. Всѣ распоряженія высшей власти какъ бы направлены къ особой цѣли еще больше запутать тяжелое положеніе страны. Такой характеръ высшаго управленія явно проявляется въ продовольственномъ вопросѣ, принимающемъ все болѣе острое и опасное положеніе. Такой же характеръ носятъ условія, въ которыя поставлено за послѣдніе полгода производство мобилизаціи. Осуществленіе цѣлаго ряда мѣропріятій, связанныхъ съ нуждами войны, невольно приводятъ къ выводу о допускаемой правительствомъ не только безцѣльной, но и прямо преступной растратѣ людскихъ и матерьяльныхъ силъ страны.

Безпрерывная смѣна министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ государства въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ она происходитъ въ связи съ постояннымъ измѣненіемъ проводимой этими лицами политики ведетъ къ прямому параличу власти. Не пощажена даже и область международныхъ отношеній, съ которой отнынѣ окончательно связана участь Россіи, та область, гдѣ нужна наибольшая твердость и устойчивость, гдѣ особенно нуженъ государственный опытъ и прежде всего искренняя, не вызывающая въ странѣ никакихъ подозрѣній, преданность интересамъ родины. Подъ вліяніемъ всего этого въ странѣ вполнѣ созрѣло сознаніе, что стоящее у власти правительство не въ силахъ успѣшно заключить войну и подготовить предстоящую ея ликвидацію съ соблюденіемъ истинныхъ интересовъ Россіи. Происходящая въ правительствѣ частичная смѣна лицъ не вноситъ измѣненій въ общій правительственный курсъ. Она лишь въ корнѣ дезорганизуеъ власть и подрываетъ послѣдшіе остатки ея авторитета. Но этого мало. Мучительныя, страшныя подозрѣнія, зловѣщіе слухи

о предательствѣ и измѣнѣ, о тайныхъ силахъ, работающихъ въ пользу Германіи и стремящихся путемъ разрушенія народнаго единства и сѣянія розни подготовить почву для позорнаго мира, перешли нынѣ въ ясное сознаніе, что вражеская рука тайно вліяетъ на направленіе хода нашихъ государственныхъ дѣлъ. Естественно, что на этой почвѣ возникаютъ слухи о признаніи въ правительственныхъ кругахъ безцѣльности дальнѣйшей бѣрры, своевременности окончанія войны и необходимости заключенія сепаратнаго мира. Таково глубокое тревожное сознаніе, которое объединило всѣхъ собравшихся въ Москвѣ председателей Губернскихъ Земскихъ Управъ при обсужденіи современнаго положенія Россіи. Съ негодованіемъ отвергая всякую мысль о безславномъ и гибельномъ для будущихъ судебъ Россіи мирѣ, они видятъ и долгъ чести, и залогъ спасенія родины въ неуклонномъ продолженіи войны до конечной побѣды рука объ руку съ тѣми народами, которые вмѣстѣ съ нами эполчили за право и свободу. Земскіе люди исполнены вѣры въ конечный успѣхъ браннаго подвига русской арміи. Но они явно сознаютъ, что главная опасность нынѣшняго положенія не во влѣ, а внутри страны. Сознаніе грозности настоящаго положенія и отвѣтственности за судьбу родины должно стать источникомъ дальнѣйшаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ и ея спасенія. Начало войны и періодъ послѣ Галиційскаго отступленія показали, чего можетъ достигнуть русскій народъ, сознавшій надвигающуюся на Россію опасность. Председатели Губернскихъ Земскихъ Управъ пришли къ единодушному убѣжденію, что стоящее у власти правительство, открыто подозрѣваемое въ зависимости отъ темныхъ и враждебныхъ Россіи вліяній, не можетъ управлять страной и ведетъ ее по пути гибели и позора и единогласно уполномочили меня въ лицѣ Вашемъ довести до свѣдѣнія членовъ Государственной Думы, что въ рѣшительной борьбѣ Государственной Думы за созданіе правительства, способнаго объединить всѣ живыя народныя силы и вести нашу родину къ побѣдѣ, земская Россія будетъ стоять за одно съ народнымъ представительствомъ.

Примите увѣренія въ искреннемъ уваженіи и преданности

Князь Львовъ.

Тогда же я получилъ и письмо отъ Главноуполномоченнаго Всероссийскаго Союза Городовъ:

Главноуполномоченный
Всероссійскаго Городскаго Союза

Помощи
Больнымъ и раненымъ войнамъ

Октября 31 дня 1916 г.
Москва.

Милостивый Государь

Михаилъ Владиміровичъ!

Тревога и негодованіе все больше охватываютъ Россію.

Зловѣщія настроенія, смѣнившія недавній высокой подъемъ духа, создаются не потому, что страна обезсилена въ борьбѣ, что въ ней измѣнилось представленіе объ ея историческомъ долгѣ, а потому, что мѣропріятія правительства

привели ее къ невозможности въ должной мѣрѣ поддержать борющуюся армію, и достиженіе ея историческихъ задачъ становится все болѣе затруднительнымъ.

Россія полна неисчерпаемыхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, несокрушима воля ея въ единеніи съ доблестными союзниками побѣдить врага; свой долгъ передъ будущимъ она сознаетъ также глубоко и свято, какъ знаетъ его и исполняетъ ея самоотверженная геройская армія.

Сознаніе этого долга чуждо, однако, тѣмъ, кто пользуясь безотвѣтственностью, изъ побужденій враждебныхъ Россіи, скрываясь въ безотвѣтственности и дѣйствуя самозванно, парализуетъ своимъ злонамѣреннымъ вліяніемъ власть.

Это сознаніе долга подавлено у тѣхъ, кто случайно появляясь у власти въ этой безпримѣрной борьбѣ не сумѣлъ проявить ни одного высокаго порыва, который могъ бы внушить бодрость народу, призвать его къ подвигу, дать ему возможность хотя бы повѣрить, что лица стоящія у власти служатъ интересамъ Россіи.

Между тѣмъ съ каждымъ новымъ днемъ исчезаетъ вѣра, разсѣиваются надежды. Съ каждымъ новымъ днемъ становится очевиднѣе, что враждебныя интересамъ Россіи вліянія претворяются въ систему сложныхъ мѣропріятій. Эти вліянія направляютъ все усилія на борьбу съ Россіей и ея общественностью, на разъединеніе силъ страны, ослабленіе ея мощи и созданіе неодолимыхъ препятствій къ тому, чтобы арміи въ полной мѣрѣ была оказана необходимая помощь въ великой ея борьбѣ.

Въ обществѣ невольно зрѣетъ сознаніе, что безчисленныя мѣры, которыми разрушается снабженіе продовольствіемъ населенія и арміи являются послѣдствіемъ не только неумѣнія и непониманія, но и результатомъ дѣйствій направленныхъ къ тому, чтобы вызвать острую борьбу классовъ, разрушить единство земской и городской Россіи и разстройствомъ тыла затруднить продолженіе борьбы.

Международная политика находится въ сферѣ тѣхъ же губительныхъ вліяній. Преступная медленность проявленная въ польскомъ вопросѣ бросила Россію въ новую опасность и поставила передъ ней новыя затрудненія.

Среди этихъ явленій страну терзаютъ зловѣщіе слухи, что готовится постыдный миръ, что принесенныя страной безчисленныя жертвы и затраченныя усилія напрасно погнѣбаются.

Миръ безъ полной побѣды невозможенъ для Россіи. Миръ безъ согласія доблестныхъ союзниковъ — безчестенъ. Замышляющіе такой миръ готовятъ предательство и измѣну.

Власть не можетъ оставаться въ рукахъ тѣхъ, кто не умѣетъ одолѣть темныхъ враждебныхъ Россіи вліяній и организовать все живыя силы страны на борьбу съ врагомъ. Главный Комитетъ Всероссійскаго Союза Городовъ поручилъ мнѣ просить Васъ довести до свѣдѣнія Государственной Думы, что наступилъ рѣшительный часъ — промедленіе не допустимо, должны быть напряжены все усилія къ созданію, наконецъ, такого правительства, которое въ единеніи съ народомъ доведетъ страну къ побѣдѣ.

Главноуполномоченный Всероссійскаго

Союза Городовъ

М. Челноковъ.

Здѣсь уместно сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ былъ въ это тревожное время назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ бывший товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы А. Д. Протопоповъ, назначеніе котораго вызвало массу осложнений и раздраженій. А. Д. Протопоповъ, бывший убѣднѣйшій, а засимъ Губернскій Предводитель Дворянства въ Симбирской губерніи, былъ членомъ III-ей Государственной Думы и числился съ партіи октябристовъ, примыкая скорѣе къ ея лѣвому, болѣе прогрессивному крылу. Такихъ же политическихъ убѣжденій онъ держался и въ IV Думѣ. Когда депутація членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ 1916 году должна была посѣтить союзныя страны, во главѣ оной былъ поставленъ А. Д. Протопоповъ, какъ товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы, и успѣшно справился со своей задачей. Ничто не предвѣщало въ немъ такой быстрой перемены фронта, которая восплѣдовала въ весьма скоромъ будущемъ. Уже при возвращеніи депутаціи въ Россію, Протопоповъ имѣлъ въ Стокгольмѣ тайную и загадочную бесѣду и невыясненныя тогда сношенія съ нѣкимъ г. Варбургомъ, нѣмецкимъ агентомъ. Тайна его бесѣды съ Варбургомъ, однако, обнаружилась очень быстро и стала достояніемъ печати. Полнаго освѣщенія обстоятельствъ этой бесѣды, ея сущности и политическаго значенія, ея причинъ и послѣдствій не удалось достигнуть, и дѣло такъ и осталось въ туманѣ. Тѣмъ не менѣе, не имѣя еще никакихъ доказательствъ о какихъ бы то ни было замыслахъ г. Протопопова, я позволилъ себѣ указать на него, какъ на желательнаго Министра Торговли въ предполагавшемся тогда Министерствѣ адмирала Григоровича, долженствовавшаго смѣнить на посту премьера Штюрмера. Но дѣло это не состоялось. Основаніями къ такой рекомендаціи было большое знакомство Протопопова съ дѣйствительными нуждами торговли и промышленности, и тѣ богатые матеріалы, которые онъ почерпнулъ во время поѣздки во главѣ Парламентской делегаціи въ союзныя страны. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что Протопоповъ вызванъ помимо меня въ Ставку, якобы для доклада о своей поѣздкѣ за границу, но вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ и тайственные переговоры со Штюрмеромъ и всѣмъ Распутинскимъ кружкомъ. Протопоповъ въ это время явно избѣгалъ меня, и мнѣ съ трудомъ удалось добиться съ нимъ свиданія и рѣшительнаго разговора. Протопоповъ сознался, что ему предложенъ постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и что онъ рѣшилъ его принять. Возмущенію моему не было границъ на основаніи слѣдующихъ обстоятельствъ. Принятіе товарищемъ Предсѣдателя Государственной Думы поста Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Министерствѣ Штюрмера, послѣ того, какъ Дума только-что высказала свое рѣзко отрицательное отношеніе къ премьеру и признала громко направленіе его политики вреднымъ для Государства, и послѣ того, что Протопоповъ подписалъ резолюцію прогрессивнаго блока Думскихъ партій, являлось предательствомъ Государственной Думы съ его стороны, а явный и рѣзкій поворотъ его, отъ исповѣдываемыхъ имъ прогрессивныхъ убѣжденій въ лагерь крайней реакціи, не сулилъ ничего хорошаго въ переживаемое тревожное время. Все это было мною опредѣленно высказано г. Протопопову и предъявлено было официальное требованіе отъ предложенной ему кандидатуры рѣшительно отказаться. Но Протопоповъ былъ непоколебимъ, и мы разстались врагами. Правительство Штюрмера хорошо знало, что дѣлало, выдвигая и настаивая на кандидатурѣ Протопопова. Этимъ назначеніемъ предполагалось скомпрометировать Государственную Думу. Протопоповъ не могъ справиться съ задачами, выпадающими на его долю, и это было

совершенно ясно Штюмеру и К^о. Правительство въ этомъ случаѣ имѣло бы полное основаніе, указать странѣ, что оно пошло на уступки Государственной Думѣ, выдвинуло на отвѣтственный постъ излюбленнаго ею человѣка, признаваемого ею достойнымъ быть товарищемъ Предсѣдателя Думы, и этотъ-то достойный человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ народныхъ представителей, оказался неспособнымъ вести свой трудный, отвѣтственный постъ.

Такими послѣдствіями явно подрывался бы авторитетъ Государственной Думы, не говоря уже о томъ, что пути, по которымъ пошелъ Протопоповъ, дѣйствуя черезъ заклятыхъ враговъ Государственной Думы, являли собою явное предательство своихъ товарищей, ибо Правительство всѣ свои мѣропріятія противъ Народнаго Представительства могло основать на авторитетномъ мнѣніи новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ члена Государственной Думы. Последней оставался только одинъ выходъ — это, сразу стать въ полную оппозицію къ новому министру. Дальнѣйшія событія ясно показали, въ какую бездну вреда Государство было приведено этимъ назначеніемъ.

Передъ открытіемъ сессіи осенью 1916 г. Предсѣдатель Государственной Думы собралъ совѣщаніе изъ представителей партій, входящихъ въ составъ прогрессивнаго блока, и, изложивъ имъ въ подробностяхъ создавшееся грозное положеніе вещей и близость неминуемаго общаго взрыва, предложилъ попытаться еще разъ предотвратить его, что, конечно, составляло, во время кровопролитнѣйшей войны, священную обязанность Государственной Думы. Доложивъ собравшимся въ подробностяхъ всѣ доклады, сдѣланные мною Императору Николаю II, я просилъ членовъ Думы придти мнѣ на помощь. Мнѣ было ясно, что моихъ предупрежденій недостаточно, и я указывалъ на необходимость испросить коллективный докладъ у Верховной власти, въ составѣ собравшихся представителей партій, въ присутствіи которыхъ я бы вновь повторилъ всѣ свои доводы и указанія на необходимость уступокъ, а присутствующіе члены Думы поддержали бы при этомъ мои слова своими рѣчами. Несомнѣнно, что это было бы внушительнымъ и авторитетнымъ актомъ и усилило бы авторитетъ Предсѣдателя Государственной Думы. Но этому воспротивились представители кадетской партіи въ лицѣ ея лидера, члена Думы Милюкова, который находилъ, что такое дѣйствіе было бы актомъ неконституціоннымъ, и увлеченіе формой, въ ущербъ существу дѣла, одержало верхъ. А между тѣмъ, всѣмъ было ясно, что революція во время войны приведетъ неизбежно сперва къ разложенію Арміи, а потомъ и Государства. Представители кадетской партіи считали, что надлежитъ все высказать публично съ думской трибуны и, выждавъ результаты такого шага, предпринять иныя мѣры.

Въ виду полного разногласія въ данномъ вопросѣ, предложеніе мое осталось открытымъ вопросомъ, и коллективный докладъ Императору не состоялся. Мнѣ уже впоследствии стало извѣстно, что группа членовъ Думы націоналистовъ добилась частной аудіенціи у Государя Императора, докладывала ему, въ свою очередь, о тревожномъ положеніи страны, но успѣха не имѣла.

Памятуя о своемъ долгѣ избранниковъ народа, несущихъ отвѣтственность передъ нимъ за свои дѣйствія, Государственная Дума рѣшила громко высказать правду передъ страной. Мы были правы въ своемъ рѣшеніи, мы должны были предпринять этотъ шагъ, ибо проклятіе населенія, а, главнымъ образомъ, проклятіе гражданъ, еще не родившихся, впоследствии легло бы тяжкимъ камнемъ на нашу совѣсть и на нашу память. Отвѣтственность за окончательную гибель Россіи мы должны были бы раздѣлить съ Правительствомъ въ такомъ

случаѣ, и Государственная Дума поэтому рѣшилась высказать свое слово искренне и правдиво.

Предварительно состоялся докладъ объ истинномъ положеніи дѣлъ Государю Императору Николаю II, но предостереженія этого оказалось недостаточнымъ, чтобы переменить курсъ политики Правительства.

И въ историческомъ засѣданіи 1-го ноября 1916 года все было гласно и громко сказано. Какъ бы ни относиться къ рѣчамъ, произнесеннымъ тогда съ кафедры Государственной Думы, можно увидѣть въ нихъ только боль за судьбу Россіи, дорогого нашего отечества; нельзя увидѣть тамъ желаніе сверженія власти, но указаніе на необходимость перемены лицъ и системы управленія, не желаніе переворота и стремленіе къ тѣмъ ужасамъ, которые являются конечнымъ результатомъ всякой революціи, но лишь сердечную боль и печалованіе о судьбахъ Россіи, могучей, и еще сильной, но неумѣло управляемой. Наши стенографическіе отчеты доказываютъ, что я правъ.

Мало-по-малу въ концѣ 1916 г. волненія среди низшихъ слоевъ населенія, наиболѣе обездоленнаго войной и всевозможными ненужными лишеніями, дороговизна, отсутствіе предметовъ первой необходимости и предметовъ питанія — дошли до своего апогея. А къ этому прибавилась еще жестокая политика Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова, который стремился разогнать Государственную Думу, который направлялъ свои стрѣлы и громы на все мыслящее въ Россіи, который производилъ давленіе на Земскій и Городской союзы.

Все, даже Дворянскія Общества, тоже громко заявившія, что такъ дальше идти нельзя, было взято подъ подозрѣніе.

Протопоповъ громко проповѣдывалъ, что роспускъ Думы есть единственное средство для умиротворенія страны.

Не ужасъ ли долженъ былъ обуять при видѣ происходившей вакханаліи, которая начала разыгрываться.

Можно ли было оставаться безучастнымъ зрителемъ при видѣ разрушенія Государства.

Я позволю себѣ процитировать рѣчь одного изъ крайнихъ правыхъ депутатовъ, небезызвѣстнаго Пуришкевича, который въ одномъ изъ засѣданій Думы, говоря о Протопоповѣ, сказалъ нижеслѣдующее: «Онъ хочетъ разгона Думы, о чемъ мы читали неоднократно. Онъ, несомнѣнно, этого добивается, ибо онъ не смѣетъ появиться среди своихъ бывшихъ товарищей, и вопросы государственнаго спокойствія приносятъ въ жертву личнымъ счетамъ уязвленнаго самолюбія. Наряду съ этими карами и бичами, которые раздаются направо и налево всѣмъ неугоднымъ, мы видимъ приемы такой демагогіи, которой могъ бы позавидовать самый большой революціонеръ. Дѣлаются посулы крестьянамъ о надѣленіи ихъ земель, — я не знаю — за счетъ-ли нѣмцевъ или дворянъ; дѣлаются посулы евреямъ не только расширенія черты осѣдлости, но и полного равноправія; дѣлаются посулы будущему составу Законодательныхъ Палатъ путемъ увеличенія въ три раза окладовъ. Словомъ, куда ни обернешься, гдѣ можно искать, онъ беретъ искательствомъ, гдѣ чувствуетъ, что искательство не поможетъ, туда идетъ съ бичемъ» . . .

Вотъ каково положеніе. При такихъ условіяхъ Дума едва-ли въ состояніи не потерять должнаго равновѣсія, едва-ли въ состояніи работать такъ, какъ хотѣла, какъ можетъ и должна была бы, если бы въ каждомъ шагѣ главныхъ руководителей внутренней жизни страны не видѣла скрытаго или явнаго врага.

«Я сознаю, — заканчиваетъ Пуришкевичъ, — безцѣльность всякихъ рѣчей въ Думѣ, ибо между высшимъ священнымъ источникомъ власти и народомъ въ эти тяжелые, историческіе дни, — страшно даже подумать, — стоитъ стѣна... живущихъ только благополучіемъ сегодняшняго дня лицъ, которымъ нѣтъ дѣла до Россіи и до ея, можетъ быть, кроваваго болѣе, чѣмъ сейчасъ, будущаго, которое ей уготовлено. Я сознаю безцѣльность всякихъ рѣчей и признаю безсодержательность въ данный моментъ работы Думы. Никакая работа и никакія рѣчи ничему не помогутъ. Я увѣренъ, что удержу не будетъ и что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ дойдетъ до такихъ предѣловъ, которые никому не снились. Для борьбы со всей Россіей Протопоповымъ будутъ пущены всѣ средства, какія только можно себѣ вообразить. Какое ему, въ сущности, дѣло до Россіи!

Россія стоитъ сейчасъ, какъ древній Гераклъ въ хитонѣ, пропитанномъ ядомъ крови кентавра. Онъ жжетъ ее. Она мечется въ мукахъ своего безспія, Она взываетъ о томъ, чтобы правда русская дошла туда, гдѣ она должна быть понята, оцѣнена и услышана. Разсвѣта еще нѣтъ, но онъ не за горами, и настанетъ день, я чувствую, какъ солнце правды взойдетъ надъ обновленной Родиной въ часъ побѣды, но этого разсвѣта еще нѣтъ. Онъ потребуетъ, можетъ быть, новыхъ жертвъ лучшихъ сыновъ русскаго народа. Подождемъ, дадимъ имъ эти жертвы въ твердой увѣренности, что въ концѣ концовъ, возсіяетъ русская правда, и тотъ, кто долженъ услышать и почувать, почуваетъ ее, кто въ эти тяжелые годы испытаній, исполненныхъ Россіи, стоитъ у престола, какъ вѣрный Кочубей».

Тотъ же правый депутатъ Пуришкевичъ, обрисовывая весь ужасъ и мракъ Распутинскаго вліянія, закончилъ свою рѣчь, обращаясь къ присутствующимъ министрамъ, такими приблизительно словами: «Вы должны немедленно всѣ ѣхать въ ставку, броситься къ ногамъ Государя Императора и умолять его повѣрить всему ужасу Распутинскаго вліянія и тяжелымъ и опаснымъ послѣдствіямъ такого положенія вещей и измѣнить курсъ своей политики».

Мнѣ кажется, что эта рѣчь, яркая и образная, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того настроенія, которое обуяло всѣхъ гражданъ Россійскаго Государства въ этотъ ужасающій по своему трагизму часъ.

Итакъ. рѣшеніе свое сказать правду, Государственная Дума привела въ исполненіе въ историческихъ ноябрьскихъ засѣданіяхъ 1916 г., а засимъ въ засѣданіяхъ 14 февраля 1917 г.

Очевидно, что все было исчерпано, но всѣ мѣры, принимаемыя Государственной Думой для дружнаго взаимодействія съ Правительствомъ въ интересахъ Государства, оказались напрасными.

А между тѣмъ, продовольственный вопросъ въ столицѣ принималъ все болѣе и болѣе острые формы: подвозъ продуктовъ сокращался до минимума и злонамѣренные люди, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, всячески настраивали всѣ слои населенія Петрограда во враждебномъ отношеніи къ Правительству и вели сознательно къ возникновенію самаго ужаснаго бунта—бунта голоднаго. Между тѣмъ Государственная Дума хорошо помнила и понимала извѣстную всѣмъ поговорку, что нельзя перепрягать лошадей, когда переѣзжаешь рѣку вбродъ.

Всѣ старанія Государственной Думы не возбуждать, а успокаивать населеніе, были безплодны, и вывести застрявшій возъ на сухое прочное мѣсто—оказалось задачей не по силамъ.

Между тѣмъ, упорные слухи о роспускѣ Государственной Думы только подливали масло въ огонь.

Рабочіе многочисленныхъ заводовъ Петрограда рѣшили было произвести демонстрацію въ защиту Государственной Думы, а Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго того времени прямо заявилъ, что я долженъ испытать всѣ средства для того, чтобы предотвратить Императора Николая II отъ роспуска Государственной Думы, такъ какъ если Государственная Дума будетъ распущена, то легко возможенъ отказъ Арміи сражаться.

Но тогда же Предсѣдатель Совѣта Министровъ, въ одной изъ бесѣдъ съ Предсѣдателемъ Государственной Думы, показалъ ему находящіяся въ его распоряженіи три указа, подписанные Императоромъ Николаемъ II, безъ обозначенія, однако, даты ихъ обнародованія. Первый указъ былъ о полномъ роспускѣ Думы и назначеніи новыхъ выборовъ, второй указъ — о роспускѣ Государственной Думы до окончанія войны, и третій указъ — о роспускѣ Государственной Думы на неопредѣленное время. Каждымъ изъ этихъ указовъ Государственная Дума лишалась возможности доводить всю истинную правду до Верховной власти.

Такимъ образомъ уничтожался послѣдній оплотъ источника правды и точнаго освѣщенія состоянія умовъ Государства.

Видя такое положеніе вещей и отлично понимая, что въ случаѣ роспуска Государственной Думы вся страна будетъ отдана въ руки Протопопова, Распутина и компаніи, что протеста ни отъ кого уже послѣдовать не можетъ, что дѣло идетъ, несомнѣнно, къ сепаратному миру и позору Россіи, я оказался вынужденнымъ искать ту организацію общественнаго характера, которую упразднить и заставить молчать невозможно по самому существу дѣла. Я остановился на дворянскихъ собраніяхъ и вызвалъ телеграммами въ Петроградъ изъ Москвы Губернскаго Предсѣдателя Дворянства, Базилевскаго, и Предсѣдателя Съѣзда Объединеннаго Дворянства, Самарина, его товарищей — князя Куракина и В. П. Карпова и Петроградскаго Губернскаго Предводителя Сомова. Разъяснивъ имъ положеніе вещей и возможность моего ареста и высылки, я просилъ въ этомъ случаѣ ихъ стать на стражѣ интересовъ Родины и взять на себя долгъ бороться съ тѣми оскорбленіями, которыя, несомнѣнно, выпадутъ на ея долю.

Представители дворянства вполне раздѣлили мою точку зрѣнія и поняли мой опасенія.* Они признали, что необходимо создать такое ядро людей не-

* Р е з о л ю ц і я Новгородскаго Дворянскаго Собранія въ январѣ 1917 года: Новгородское Дворянство въ очередномъ Губернскомъ Собраніи, выслушавъ докладъ о рѣшеніяхъ XII Съѣзда Объединенныхъ Дворянскихъ Обществъ по вопросамъ нестроеной государственной, единодушно присоединяется къ постановленіямъ Съѣзда и признаетъ всю силу и значеніе ихъ правдивости. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство полагаетъ своимъ священнымъ долгомъ въ переживаемую тревожную годину сказать слово правды передъ Престоломъ и Родиной. Здѣсь, въ самомъ Новгородѣ, гдѣ зародилась Великая Россійская Держава, въ тяжелую годину еще не бывалыхъ въ исторіи Русской земли испытаній, долженъ раздаться твердый, неліцемерный голосъ перваго сословія колыбели русской земли, предостерегающій Государя отъ того опаснаго пути, на который влекутъ его лукавые совѣтники.

Тяжесть страшной войны съ врагомъ челоѣчества, требующей тѣснаго непрерывнаго единенія Царя съ народомъ въ единой мысли, въ единомъ чувствѣ и единой волѣ внутренняго мира для достиженія побѣды, усугубляется смутою, созданной правителями, вступившими въ борьбу съ единеніемъ всего русскаго народа, образовавшимся

зависимыхъ, которое, въ случаѣ разгона Думы, должно стать на стражѣ интересовъ и достоинства Россіи.

Они признали, что дворянство, которое нельзя ни упразднить, ни разогнать, обязано, въ случаѣ роспуска Думы, встать во главѣ движенія для блага Родины и борьбы съ предателями ея. Въ силу такого рѣшенія А. Д. Самаринъ испросилъ аудіенцію у Императора и еще разъ долженъ былъ попытаться изложить всю правду о нарастающихъ событіяхъ, и было рѣшено на 19 января созвать съѣздъ Объединеннаго Дворянства для вторичнаго обсужденія создаваемаго положенія вещей. Кромѣ этого, изъ Москвы ко мнѣ прибыли отъ Земскаго Союза князь Львовъ, М. В. Челноковъ отъ союза городовъ, А. Ив. Коноваловъ отъ съезда промышленниковъ и фабрикантовъ, какъ представители союзовъ. Положеніе, по ихъ мнѣнію, было таково, что надо признать, что катастрофа уже наступила, и для спасенія Отечества отъ гибели нужны экстраординарныя мѣры. Они требовали, чтобы я пріѣхалъ въ Москву на ихъ общій съѣздъ и сталъ во главѣ движенія въ томъ смыслѣ, чтобы еще разъ гласно выразить желаніе о спасеніи страны. По ихъ мнѣнію, надо было ясно и твердо сказать свое правдивое слово, не страшась отвѣтственности и репрессіи. Но въ виду открытія Государственной Думы 14 февраля я не считъ возможнымъ исполнить ихъ желанія.

Историческіе дни

Волненія начались на почвѣ отсутствія продовольствія. Но это было предлогомъ, а объ истинныхъ причинахъ все возрастающаго народнаго негодованія я уже достаточно говорилъ.

По имѣвшимся въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, волненія, возникшія въ столицѣ, стали быстро передаваться въ другіе города.

во имя побѣды и спасенія Родины. Новгородское Дворянство полагаетъ, что во время крайняго напряженія народной воли и мысли, только величавое спокойствіе, свойственное мощному русскому духу, можетъ помочь странѣ, отойдя отъ края бездны, надъ которой она поставлена. Только въ тѣсномъ единеніи со своимъ законнымъ, природнымъ Государемъ придетъ Святая Русь къ лучезарному окончанію правой распри, минуя гибельныя внутреннія потрясенія, наступленія которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ нашъ лютой врагъ. Но къ несчастью родины, правители, явившіеся порожденіемъ безответственнаго вліянія, отвращаютъ Лицо Царское отъ печальниковъ земли ея избранныхъ. Клевету и злобу на свой же народъ несутъ они къ престолу. Свое нерадѣніе, свое неумѣніе тщетно пытаются они прикрыть преступною ложью. Не въ правдѣ, а въ лести полагаютъ свой долгъ передъ Царемъ. Русскій народъ знаетъ свою грозную мощь, а видитъ угрожающее безсиліе, русскій народъ знаетъ безпредѣльныя богатства своей земли, а испытываетъ тяжкія лишенія. По всей землѣ Русской отъ подножья Престола до хижины бѣдняка не смолкаетъ трепеть тревоги народной. Роковая неправда толкаетъ народъ противъ его воли на беззаконіе и кровавую месть. Изъ устъ въ уста передается зловѣщее слово: — измѣна. И остается у народа одна надежда: правдивый голосъ его избранныхъ, обращенный къ мудрости и силѣ духа своего Государя. Но если къ величайшей скорби народной Государственная Дума и Государственный Совѣтъ не будутъ созваны и, являющіеся врагами общественнаго блага, правители, которымъ страна не вѣритъ, будутъ подкапываться подъ устои народнаго представительства, если свѣточъ, озаряющій тернистыя, кровавыя пути къ величію и счастью родины, будетъ затуманенъ, настанетъ мракъ разнузданныхъ страстей и неудержимой злобы. И тогда — Престолъ, Россія и ея упованія будутъ ввергнуты въ пропасть, въ глубинѣ которой погибнуть лучшія силы и надежды Россіи, ея честь, ея цѣлость, ея достоинство, ея мощь и слава.

Уже 25 февраля 1917 года волненія въ столицѣ дошли до своего апогея. Утромъ мнѣ дали знать, что часть заводовъ, расположенныхъ на Выборгской сторонѣ, на Васильевскомъ островѣ, забастовала, и толпы рабочихъ двинулись по направленію къ центру столицы.

Я объѣхалъ эти части города и убѣдился въ томъ, что работы дѣйствительно прекращены, что возмущеніе народа, преимущественно въ лицѣ рабочихъ женскаго пола, дошло до крайней степени и что, дѣйствительно, толпы рабочихъ приближаются къ центру столицы, въ какихъ цѣляхъ — мнѣ еще неизвѣстно.

Волненіе уже охватило зарѣчную часть города. Возвращаясь назадъ черезъ Литейный мостъ, я увидѣлъ, что набережныя, какъ Французская, такъ и остальные, уже заняты отрядами войскъ, и тогда въ моей головѣ созрѣлъ планъ немедленно добиться созыва Совѣта Министровъ и настоять передъ ппмъ, чтобы въ этомъ засѣданіи были представители Законодательной Палаты, Земскаго и Городскаго Самоуправленія, дабы совмѣстными усиліями выработать тѣ мѣры, которыя могли бы, хотя и временно, успокоить взволнованное населеніе столицы.

Въ этихъ цѣляхъ я посѣтилъ Министра Земледѣлія Риттиха, взялъ его съ собой и поѣхалъ къ генералу Бѣляеву, бывшему тогда Военнымъ Министромъ. Изобразивъ ему положеніе дѣлъ, я указалъ, что это не простое волненіе, что это начинается настоящая революція, и что надлежащія энергичныя мѣры должны быть приняты безотлагательно. Я убѣдилъ Военнаго Министра своими доводами, и онъ сейчасъ же поѣхалъ къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ — князю Голицыну, откуда по телефону далъ мнѣ знать, что желаемое мною совѣщаніе будетъ въ этотъ же день, 25 числа, собрано въ Маріинскомъ дворцѣ и что мнѣ предоставляется право пригласить всѣхъ лицъ общественныхъ организацій, которыхъ я сочту нужнымъ.

Такимъ образомъ была еще разъ сдѣлана попытка спасти положеніе и принять необходимыя для успокоенія рабочихъ мѣры, въ смыслѣ снабженія продовольствіемъ.

Совѣщаніе о продовольствіи состоялось 25 февраля вечеромъ и постановило, по настоянію представителей отъ общественныхъ организацій, передать дѣло продовольствія въ руки Городскаго Самоуправленія и Земства по принадлежности.

Вотъ какъ оффиціозная пресса отмѣтила это событіе:

«Совѣщаніе пришло къ единственному заключенію о немедленной передачѣ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ въ Петроградѣ Петроградскому Городскому общественному Управленію. Дабы юридически оформить такую передачу, экстренное Совѣщаніе пришло къ соглашенію между представителями законодательныхъ учрежденій и правительствомъ, что въ порядкѣ думской инициативы будетъ возбуждено въ Государственной Думѣ соответствующее законодательное предположеніе о расширеніи на время войны полномочій городскихъ общественныхъ управленій въ смыслѣ предоставленія имъ права урегулированія продовольственнаго дѣла. Означенное законодательное предположеніе предоставляется провести въ спѣшномъ порядкѣ. Въ полномъ соответствіи съ одобренными правительствомъ предположеніями привлечь населеніе къ заботамъ о продовольствіи вечеромъ 25 февраля въ центральномъ военно-промышленномъ комитетѣ собралась продовольственная комссія въ составѣ представителей больничныхъ кассъ, кооперативовъ и выборныхъ отъ рабочихъ. Неожиданно въ засѣданіе явился приставъ Литейной части съ сильнымъ нарядомъ полиціи

и солдатъ и предъявилъ бумагу о задержаніи всѣхъ присутствующихъ на засѣданіи. Устраивайте сколько угодно продовольственныхъ обывательскихъ комитетовъ, полиція будетъ ихъ арестовывать. Вотъ и все рѣшеніе вопроса, по поводу котораго правительство, Дума и Совѣтъ готовы были придти къ единодушію».

Вотъ газетное сообщеніе. Но для членовъ Думы было ясно, что этими арестами искусственно раздувается пламя вспыхнувшей искры.

Разсмотрѣніе закона въ спѣшномъ порядкѣ однако же продолжалось 26 февраля, но участь Думы тогда уже была предрѣшена и указъ о перерывѣ запятій былъ подписанъ.

25 февраля я по телефону въ Гатчину далъ знать Великому Князю Михаилу Александровичу о происшедшемъ и о томъ, что ему сейчасъ же нужно пріѣхать въ столицу, ввиду нарастающихъ событій.

27 февраля Великій Князь Михаилъ Александровичъ прибылъ въ Петроградъ, и мы имѣли съ нимъ совѣщаніе въ составѣ Предсѣдателя Государственной Думы, его товарища Некрасова, секретаря Государственной Думы Дмитрюкова и члена Думы Савича. Великому Князю было во всей подробности доложено положеніе дѣлъ въ столицѣ и было указано, что еще возможно спасти положеніе: онъ долженъ былъ явочнымъ порядкомъ принять на себя диктатуру надъ городомъ Петроградомъ, повудить личный составъ Правительства подать въ отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифеста Государя Императора о дарованіи отвѣтственнаго министерства.

Нерѣшительность Великаго Князя Михаила Александровича способствовала тому, что благопріятный моментъ былъ упущенъ.

Вмѣсто того, чтобы принять активныя мѣры и собрать вокругъ себя еще непоколебленныя въ смыслѣ дисциплины части Петроградскаго гарнизона, Великій Князь Михаилъ Александровичъ повелъ по прямому проводу переговоры съ Императоромъ Николаемъ II, получилъ въ своихъ указаніяхъ полный отказъ, и, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи попытка Государственной Думы потерпѣла неудачу.

При этой бесѣдѣ съ Великимъ Княземъ и выше названными членами Государственной Думы присутствовалъ и Предсѣдатель Совѣта Министровъ Князь Голицынъ. Несмотря на всѣ убѣжденія въ томъ, что ему надлежитъ выйти въ отставку, что это облегчитъ Государю Императору разрѣшеніе назрѣвающаго и все возрастающаго конфликта, Князь Голицынъ оставался неумолимымъ въ своемъ рѣшеніи, объяснивъ, что въ минуту опасности онъ своей должности не оставитъ, считая это позорнымъ бѣгствомъ, и этимъ только еще больше усложнилъ и запуталъ создавшееся положеніе.

Въ ночь съ 26 на 27-е февраля мною былъ полученъ указъ о перерывѣ запятій Государственной Думы, и такимъ образомъ возможности мирнаго улаженія возникающаго конфликта былъ положенъ рѣшительный предѣлъ, и тѣмъ не менѣе Дума подчинилась закону, все же надѣясь пайти выходъ изъ запутаннаго положенія, и никакихъ постановленій о томъ, чтобы не расходиться и насильно собираться въ засѣданіи, не дѣлала.

Беспорядки начались съ военнаго бунта запасныхъ батальоновъ Литовскаго и Волинскаго полковъ. Рано утромъ началась въ районѣ расположенія этихъ полковъ перестрѣлка, и мнѣ по телефону дали знать, что командиръ Литовскаго батальона (фамилію забылъ) убитъ взбунтовавшимися солдатами и убито еще

два офицера, а остальные гг. офицеры арестованы. Съ трудомъ удалось успокоить взволнованныя части эти и убѣдить ихъ выпустить арестованныхъ офицеровъ. Такимъ образомъ, революція началась съ военнаго бунта тѣхъ самыхъ запасныхъ батальоновъ, о печальномъ состояніи которыхъ я писалъ выше.

Злоба озвѣрѣвшихъ людей сразу направилась на офицеровъ и такъ далѣе шло, какъ по трафарету, во всѣхъ бунтахъ и волненіяхъ въ полкахъ впоследствии.

Среди дня 27 февраля произошли первыя безчинства: былъ разгромленъ Окружный Судъ и Главное Артиллерійское Управленіе, а также Арсеналь, изъ котораго было похищено около 40 тысячъ винтовокъ рабочими заводоу. которыя сейчасъ же были розданы быстро сформированнымъ батальонамъ красной гвардіи.

Толпы народа, вооруженныя чѣмъ попало, стали появляться тутъ и тамъ на улицахъ города; вечеромъ того же дня значительныя толпы инсургентовъ запрудили уже собою улицы столицы, кое-гдѣ происходили беспорядки, столкновенія между ними и вызванными частями войскъ.

Правительство засѣдало въ Маріинскомъ дворцѣ, но никакого распоряженія, никакого распорядка, никакой попытки къ подавленію въ самомъ корнѣ начинающихся беспорядковъ имъ сдѣлано не было, потому что Правительствомъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, овладѣла паника. Насколько велика была паника и растерянность, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: при извѣстіи о движеніи толпы на Маріинскій дворецъ, въ немъ были потушены всѣ огни и собрано нѣкоторое количество оставшихся еще вѣрными правительству войскъ для того, чтобы сопротивляться.

Однако, нападеній не было, и, по словамъ одного изъ членовъ Правительства, когда снова зажгли огонь, то онъ, къ своему удивленію, оказался подъ столомъ. Миѣ кажется, что такой, нѣсколько анекдотичный рассказъ, лучше всего можетъ характеризовать настроеніе Правительства въ смыслѣ полного отсутствія руководящей идеи для борьбы съ возникающими безчинствами.

На улицахъ, между прочимъ, начиналась форменная рѣзня, и почъ была проведена чрезвычайно тревожно.

27-го февраля Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Князь Голицынъ, увѣдомилъ меня, что онъ подалъ въ отставку, какъ и всѣ члены Правительства.

Такимъ образомъ, создалось такое безвыходное положеніе, передъ которымъ меркли всѣ самыя широкія революціонныя идеи.

При наличіи военныхъ дѣйствій и войны, при необходимости самаго строгаго порядка и самаго отвѣтственнаго исполненія Правительствомъ своихъ обязанностей, при наличіи нарождавшейся революціи — въ столицѣ не оказалось центральной власти. Изъ Ставки никакихъ распоряженій отъ Императора Николая II не поступало, и городъ Петроградъ былъ предоставленъ нарождающейся безбрежной анархіи.

Какъ я уже говорилъ, былъ разгромленъ Арсеналь, горѣлъ Окружный Судъ, горѣли и разгромялись всѣ полицейскіе участки, и отъ власти никакихъ указаній и распоряженій, что дѣлать, не было. Государственной Думѣ ничего не оставалось другого, какъ взять власть въ свои руки и попытаться хотя бы этимъ путемъ обуздать нарождающуюся анархію и создать такую власть, которую бы послушались всѣ, и которая способна была прекратить нарождающуюся бѣду.

Конечно, можно было бы Государственной Думѣ отказаться отъ возглавленія революціи, но нельзя забывать создавагося полнаго отсутствія власти и того, что при самоустраненіи Думы сразу наступила бы полная анархія и Отечество погибло бы немедленно.

Дума была бы арестована и перебита въ полномъ составѣ бунтующими войсками, и власть сразу очутилась бы у большевиковъ, а между тѣмъ Думу надо было беречь хотя бы какъ фетишь власти, который все же сыграть бы свою роль въ трудную минуту.

Предсѣдатель Государственной Думы еще 26 числа послалъ Государю Императору телеграмму: «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ беспорядочная стрѣльба. Частью войска стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнецносца». Но Царь не внялъ предупрежденію главы народнаго представительства. 27 февраля Предсѣдателемъ Государственной Думы была отправлена еще болѣе категорическая телеграмма Государю Императору:

«Положеніе ухудшается. Надо принять немедленныя мѣры, ибо завтра уже будетъ поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба Родины и династіи». Но и на эту телеграмму Предсѣдатель Государственной Думы отвѣта не получилъ. Уже здѣсь въ Сербіи я еще разъ получилъ отъ бывшаго тогда начальника почтоваго управленія г. Похвиснева увѣреніе, что мои обѣ телеграммы были въ точности доставлены по адресу. Только 28 февраля генераль Рузскій увѣдомилъ, что Государь Императоръ, наконецъ, рѣшился даровать странѣ отвѣтственное министерство и поручаетъ Предсѣдателю Государственной Думы сформированіе кабинета.

Этимъ манифестомъ, однако, положеніе запуталось еще болѣе, ибо, пока происходили сомнѣнія и колебанія Императора Николая II, событія шли своимъ чередомъ и разрѣшенія отъ него не ожидали.

Временный Комитетъ Государственной Думы

Уже 27 февраля былъ образованъ Временный Комитетъ Государственной Думы для сношенія съ населеніемъ и для приведенія расшатанныхъ устоевъ въ нормальное состояніе, который обратился къ населенію со слѣдующимъ воззваніемъ: «Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго Правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и Армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго Правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ».

Между тѣмъ вышеупомянутый манифестъ возвращалъ все происшедшее въ старое русло, вернуть же вспять бурное революціонное теченіе манифестомъ уже не представлялось возможнымъ.

Съ другой стороны, Предсѣдателю Государственной Думы оставить Государственную Думу безъ главы, принявъ въ свои руки власть исполнительную, представлялось тоже совершенно невозможнымъ, такъ какъ Дума была временно распушена, и выбрать ему замѣстителя было невозможно.

Отреченіе Николая II

Вслѣдствіе этого, Предсѣдатель Государственной Думы вынужденъ былъ склонить предложеніе, переданное ему черезъ генерала Рузскаго, и заявить, что при настоящемъ положеніи дѣлъ единственный исходъ для Императора Николая II — это отречься отъ престола въ пользу сына.*

Я утверждаю совершенно категорически, что эта комбинація, внѣ всякаго сомнѣнія, была бы принята, и волненія, по всей вѣроятности, въ значительной мѣрѣ были бы успокоены. Тѣмъ не менѣе, Императоръ Николай II не повѣрилъ указаніямъ Предсѣдателя Государственной Думы и запросилъ своего Начальника Штаба и всѣхъ Главнокомандующихъ фронтами о томъ, каково ихъ мнѣніе по поводу указаній, сдѣланныхъ ему Предсѣдателемъ Государственной Думы.

Телеграммы эти имѣлись въ моемъ распоряженіи, и, если не уничтожены въ Петроградѣ, гдѣ онѣ находятся, то, вѣроятно, документально можно будетъ возстановить то послѣдующее, о чемъ я буду говорить.

Отвѣты Командующихъ фронтами и Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго были получены Императоромъ Николаемъ II въ тотъ же день. Всѣ лица, запрошенные имъ, единогласно отвѣтили, что для блага Родины Его Величеству нужно отказаться отъ престола.

Чтобы не быть голословнымъ, помимо моего утвержденія, что эти телеграммы въ подлинникѣ были въ моихъ рукахъ, я процитирую выдержку изъ дневника Императора Николая II, въ свое время опубликованнаго въ печати: «2 марта. Четвергъ. Утромъ пришелъ Рузскій и прочелъ мнѣ длиннѣйшій разговоръ по аппарату съ Родзянко. По его словамъ, положеніе въ Петроградѣ таково, что министерство изъ Членовъ Государственной Думы будетъ безсильно что-либо сдѣлать, ибо съ нимъ борется эсъ-дековская партія въ лицѣ рабочаго комитета. Нужно мое отреченіе. Рузскій передалъ этотъ разговоръ въ Ставку Алексѣеву и всѣмъ Главнокомандующимъ. Въ 12 съ половиной часовъ пришли отвѣты. Для спасенія Россіи и удержанія Арміи на фронтѣ я рѣшился на этотъ шагъ. Я согласился, и изъ Ставки прислали проектъ манифеста. Вечеромъ изъ Петрограда прибыли Гучковъ и Шульгинъ, съ которыми я переговорилъ и передалъ подписанный передѣланный манифестъ. Въ часъ ночи уѣхалъ изъ Пскова съ тяжелымъ чувствомъ; кругомъ измѣна, трусость, обманъ».

Привожу изъ доклада о поѣздкѣ своей въ Армію одного изъ членовъ Думы записанный со словъ генерала Рузскаго рассказъ о послѣднихъ словахъ отрекшагося Императора: онъ сваялъ съ себя фуражку, сталъ передъ образомъ, который былъ въ углу вагона, перекрестился и сказалъ: «Такъ Господу

* Въ разговорѣ моемъ 2 марта 1917 г. съ генераломъ Рузскимъ мною были приведены и мотивы такого мнѣнія. См. Архивъ Русской Революціи. Т. III, Документы къ воспоминаніямъ генерала Лукомскаго, стр. 255 сл.

Богу угодно, и мнѣ надо было давно это сдѣлать». Подписывая поданное генераломъ Рузскимъ отреченіе и отдавая ему текстъ подписанный, онъ сказалъ: «Единственный, кто честно и безпристрастно предупредилъ меня и смѣло говорилъ мнѣ правду, былъ Родзянко», и съ этими словами повернулся и вышелъ изъ вагона. Привожу эти слова, для меня дорогія и знаменательныя, не для самовосхваленія, а какъ доказательство, что отъ Царя ничего не было скрыто.

Для полученія подлиннаго отреченія Императора Николая II, Предсѣдатель Государственной Думы, который не имѣлъ возможности ни на одинъ шагъ оставить столицу по суммѣ разныхъ причинъ, были командированы: Членъ Государственнаго Совѣта А. И. Гучковъ и Членъ Государственной Думы Шульгинъ. Лица эти, прибывъ въ Ставку въ Псковъ, явились къ Государю и получили уже готовое отреченіе въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича.

Отреченіе было подписано 2 марта 1917 года.

Здѣсь умѣстно самымъ категорическимъ образомъ отвергнуть и опровергнуть всѣ слухи о томъ, что командированными лицами производились какія-то насильственныя дѣйствія, произносились угрозы, съ цѣлью побужденія Императора Николая II къ отреченію.

Вышеприведенный мною дневникъ Царя не оставляетъ въ этомъ никакихъ сомнѣній, и я съ негодованіемъ отвергаю всѣ эти слухи, распускаемые крайними элементами, о наличіи подобныхъ дѣйствій со стороны лицъ, безупречныхъ по своему прошлому за время своей государственной дѣятельности.

Такимъ образомъ, Верховная власть перешла, якобы, къ Великому Князю Михаилу Александровичу, но тогда же возникъ для насъ вопросъ, какія послѣдствія можетъ вызвать такая совершенно неожиданная постановка вопроса и возможно ли воцареніе Михаила Александровича, тѣмъ болѣе, что объ отказѣ за сына отъ престола въ актѣ отреченія не сказано ни слова.

Прежде всего, по дѣйствующему закону о престолонаслѣдіи царствующій Императоръ не можетъ отказаться въ чью-либо пользу, а можетъ этотъ отказъ произвести лишь для себя, предоставляя уже воцареніе тому лицу, которое имѣетъ на то законное право, согласно акта о престолонаслѣдіи.

Такимъ образомъ, при несомнѣнно возрастающемъ революціонномъ настроеніи массъ и ихъ руководителей, мы, на первыхъ же порахъ, получили бы обособленный юридическій споръ о томъ, возможно ли признать воцареніе Михаила Александровича законнымъ. Въ результатѣ получилась бы сугубая вспышка со стороны тѣхъ лицъ, которыя стремились опрокинуть окончательно монархію и сразу установить въ Россіи республиканскій строй.

По крайней мѣрѣ, членъ Государственной Думы Керенскій, входившій въ составъ Временнаго Комитета Государственной Думы, безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что если воцареніе Михаила Александровича состоится, то рабочіе города Петрограда и вся революціонная демократія этого не допустятъ.

Идти на такое положеніе вновь воцаряемому Царю, очевидно, въ смутное, тревожное время было совершенно невозможно. Но что всего существеннѣй — это то, что принимая въ соображеніе настроенія революціонныхъ элементовъ, указанныя членомъ Государственной Думы Керенскимъ, для насъ было совершенно ясно, что Великій Князь процарствовалъ бы всего нѣсколько часовъ, и немедленно произошло бы огромное кровопролитіе въ стѣнахъ столицы, которое бы положило начало общегражданской войнѣ.

Для насъ было ясно, что Великій Князь былъ бы немедленно убитъ и съ нимъ всѣ сторонники его, ибо вѣрныхъ войскъ уже тогда въ своемъ распоряженіи онъ не имѣлъ и поэтому на вооруженную силу опереться бы не могъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ поставилъ мнѣ ребромъ вопросъ, могу ли ему гарантировать жизнь, если онъ приметъ престолъ, и я долженъ былъ ему отвѣтить отрицательно, ибо, повторяю, твердой вооруженной силы не имѣлъ за собой. Даже увезти его тайно изъ Петрограда не представлялось возможнымъ: ни одинъ автомобиль не былъ бы выпущенъ изъ города, какъ не выпустили бы ни одного поѣзда изъ него. Лучшей иллюстраціей можетъ служить слѣдующій фактъ: когда А. И. Гучковъ вмѣстѣ съ Шульгинимъ вернулись изъ Пскова съ актомъ отреченія Императора Николая II въ пользу своего брата, то Гучковъ отправился немедленно въ казармы или мастерскія желѣзнодорожныхъ рабочихъ, собралъ послѣднихъ и, прочтя имъ актъ отреченія, возгласилъ: «Да здравствуетъ Императоръ Михаилъ», но немедленно же онъ былъ рабочими арестованъ съ угрозами разстрѣла, и Гучкова съ большимъ трудомъ удалось освободить при помощи дежурной роты ближайшаго полка. Несомнѣнно, что были и сторонники Великаго Князя Михаила, и его воцареніе означало бы начало гражданской войны въ столицѣ. Возбуждать же гражданскую войну, при наличіи войны на фронтѣ и яснаго пониманія нами, что гражданская война вызоветъ такую смуту въ тылу, которая лишитъ Дѣйствующую Армію необходимаго подвоза пищевыхъ и боевыхъ припасовъ, — на это могъ рѣшиться только Ленинъ, но не Государственная Дума, задача которой рисовалась въ этотъ ужасный моментъ не въ возбужденіи страстей, а въ умиротвореніи и приведеніи взволнованнаго моря народной жизни въ должное успокоеніе. Такой мѣрой было, несомнѣнно, отреченіе Императора Николая II и воцареніе Цесаревича Алексѣя Николаевича при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича.

Но упущеніе времени смерти невозвратной подобно, и было уже поздно. Въ революціонную эпоху событія мчатся съ такой головокружительной быстротой, что то, что еще сегодня представлялось возможнымъ, завтра дѣлается уже невозможнымъ къ осуществленію. Такъ было и въ этомъ случаѣ.

Возставшее населеніе столицы уже признало, что Государственная Дума приняла на себя власть, и поэтому пришлось ограничиться избраніемъ Временнаго Комитета изъ состава Государственной Думы, которому и поручены были дальнѣйшія мѣропріятія по умиротворенію столицы и страны.

Временный Комитетъ Государственной Думы и Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ

Долженъ здѣсь отмѣтить, что, въ силу своего партійнаго состава, Государственная Дума принуждена была во Временный Комитетъ избрать представителей разныхъ теченій, и эта неоднородность состава Временнаго Комитета, какъ мы это увидимъ дальше, послужила значительнымъ тормазомъ къ его авторитету и къ возможности, опираясь на реальную силу, принимать надлежащія мѣры къ водворенію порядка.

Гибельный недостатокъ, который красной нитью проходитъ черезъ всю дѣятельность созданнаго Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы Временнаго Правительства, обнаружился на первыхъ же порахъ. Когда обсуждался

вопросъ о томъ, надлежитъ ли Государственной Думѣ сразу вступить во всю полноту Государственной власти въ виду революціоннаго настроенія, членъ Государственной Думы Керенскій, на требованіе Предсѣдателя Государственной Думы, въ случаѣ положительнаго разрѣшенія вопроса предоставить въ его руки полную власть во всемъ объемѣ и безусловно слѣпое повиновеніе всѣмъ его распоряженіямъ, заявилъ, что онъ признаетъ это условіе необходимымъ, но можетъ ему подчиниться постольку, поскольку онъ не связанъ съ состояніемъ его въ должности товарища Предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Итакъ, въ зародышѣ уже новая власть получила первородный грѣхъ — это двоевластіе.

28 февраля Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ выпустилъ воззваніе: «Старая власть довела страну до полного развала, а народъ до голода. Терпѣть больше стало невозможно. Населеніе Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ. Его встрѣтили залпами. Въмѣсто хлѣба Царское Правительство дало народу свинецъ.

Но солдаты не захотѣли идти противъ народа и возстали противъ Правительства. Въмѣстѣ съ народомъ они захватили оружіе, военные склады и рядъ важныхъ Правительственныхъ учрежденій.

Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить мѣсто народному правленію. Въ этомъ спасеніе Россіи.

Для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію.

Вчера, 27 февраля, въ столицѣ образовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ изъ выборныхъ представителей заводовъ и фабрикъ, возставшихъ воинскихъ частей, а также демократическихъ и социалистическихъ партій и группъ.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, засѣдающій въ Государственной Думѣ, ставитъ своей основной задачей организацію народныхъ силъ и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы народнаго правленія въ Россіи.

Совѣтъ назначилъ районныхъ комиссаровъ для установленія народной власти въ районахъ Петрограда.

Приглашаемъ все населеніе столицы, немедленно сплотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами.

Всѣ вмѣстѣ, общими силами будемъ бороться для полного устраненія стараго Правительства и созыва Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права».

Вы видите, что въ этомъ воззваніи демократическіе слоганъ и наиболѣе революціонныя элементы призывались къ исключительному единенію и повиновенію своему выборному органу — Совѣту Рабочихъ Депутатовъ. Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, конечно, существовалъ, хотя и тайно, безъ перерыва, начиная съ 1905 года, и своей агитаціонной дѣятельности не прекращалъ.

Изложенное мною должно убѣдить всякаго, даже предубѣжденнаго противъ Государственной Думы, что послѣдняя совершенно не была внутри себя подготовлена къ вспыхнувшей революціи и для воплощенія таковой не имѣла никакого плана и никакой организаціи.

Существованіе подземныхъ революціонныхъ водъ, еле скрытыхъ зыбкою почвою самодержавнаго режима, многими оспаривалось; оспаривалось, быть можетъ, изъ боязни, власть въ оптимизмъ, увлечься надеждами, но то, что эти воды существуютъ, не было секретомъ. И, когда почву сорвали взрывомъ 26—27 февраля, онѣ мощной рѣкой хлынули въ проломъ и вынесли на поверхность земли революціонную идею пятаго года, революціонную тактику пятаго года и революціонную программу, вмѣстившую важнѣйшіе боевые лозунги того же пятаго года, начиная съ амнистіи и свободы и кончая созывомъ учредительнаго собранія, подлежащаго избранію на основѣ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Революція подготовлялась и организовалась внѣ стѣнъ Таврическаго Дворца въ средѣ Исполнительнаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, который имѣлъ несомнѣнно опредѣленныя директивы и дѣйствовалъ по заранѣе тонко и всесторонне обдуманному плану, выдвигая впереди себя Государственную Думу какъ бы въ видѣ народнаго революціоннаго знамени. Вихрь революціонной вспышки сыгралъ ему въ руку, а слабость и нерѣшительность созданнаго Государственной Думой Временнаго Правительства, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, только способствовали дальнѣйшему, какъ принято выражаться, углубленію революціи. Даже зданіемъ и помѣщеніемъ Государственной Думы сразу же въ первый день овладѣли вооруженные рабочіе, чему воспротивиться было уже невозможно. Но, повторяю, однообразіе плана, руководимаго Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, сказывалось и въ деревнѣ, и въ провинціи, и въ городахъ, что подтверждается цѣлымъ рядомъ документальныхъ данныхъ.

Фактически же 27 февраля партія социалистовъ овладѣла Петроградскимъ гарнизономъ и сдѣлалась хозяйкой положенія по этой причинѣ, но до поры до времени скрывала свою игру. Наболѣе крайніе революціонные элементы, расточая цѣлый букетъ посулъ о грядущихъ благахъ путемъ завоеванія ихъ революціей, хотя не задумывались надъ вопросомъ, выполнимы ли эти посулы или нѣтъ, тѣмъ не менѣе имѣли громаднѣйшій успѣхъ, и этимъ путемъ привлекали къ себѣ массы, и войска гарнизона, и рабочихъ.

Но колебаться было уже поздно, да и невозможно въ виду постунавшихъ тревожныхъ извѣстій о волненіяхъ, начинавшихся въ провинціи. Предсѣдатель Государственной Думы долженъ былъ силою вещей рѣшиться на возглавленіе Государственной Думой Государственной власти.

Еще считаю нужнымъ подчеркнуть, что именно въ это самое время члены Временнаго Комитета, избраннаго Государственной Думой, Чхеидзе и Керенскій, сразу стали на знаменательную платформу «постольку-поскольку», и двоевластіе это проявилось на первыхъ же порахъ.

Повторяю еще разъ, двоевластіе красной нитью проходило черезъ всѣ дѣйствія созданнаго дальнѣйшимъ Временнаго Правительства, которое проявило слабость и безхарактерность, не сумѣло справиться съ этимъ двоевластіемъ и подчинить себѣ, своей Верховной власти, всѣ отгѣнки политической мысли.

Временное Правительство

Такимъ образомъ, въ силу обстоятельствъ, носящихъ, несомнѣнно, характеръ *force majeure*, конструкція власти въ первые же дни революціонной эпохи создалась такая: Временный Комитетъ Государственной Думы, избранный съ самыхъ первыхъ часовъ начала революціоннаго движенія, явился источникомъ Верховной власти.

Составляя и назначая Правительство, безспорно, на законномъ правѣ, какъ единственный преемственный источникъ власти и какъ органъ, замѣщающій министровъ въ случаѣ ихъ ухода, онъ основалъ свое право на данномъ ему полномочіи народнаго представительства.

Полнота власти исполнительной была передана Комитетомъ Временному Правительству, и Временное Правительство, говоря словами манифеста Великаго Князя Михаила Александровича, по почину Государственной Думы возникшее, было признано не только всей Россіей, но и иностранными державами, почему былъ избранъ именно тотъ составъ лицъ во Временное Правительство, который призванъ Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы къ власти. Хотя, по первой мысли Императора Николая II, сформированіе перваго отвѣтственнаго министерства онъ предполагалъ поручить Предсѣдателю Государственной Думы, но, какъ я объяснилъ это выше, принять эти порученія я не могъ по разнымъ властнымъ причинамъ, и, кромѣ того, партія кадетъ рѣшительно воспротивилась моему Министерству, о чемъ лидеръ ихъ заявилъ Предсѣдателю Думской фракціи земцевъ-октябристовъ. Безъ участія же кадетской партіи образовать устойчивый кабинетъ было невозможно. Причины были слѣдующія: Князь Львовъ однимъ изъ послѣднихъ указовъ Императора Николая II былъ назначенъ Предсѣдателемъ перваго отвѣтственнаго передъ Палатами Совѣта Министровъ и, такимъ образомъ, носилъ на себѣ преемственность власти, делегированной ему отъ лица еще не сверженной Верховной власти, а къ тому же, учитывая популярность Князя Львова, какъ руководителя дѣятельности Всероссийскаго Земскаго Союза и пріемлемость его кандидатуры для всѣхъ политическихъ группъ, выборъ Предсѣдателя Правительства оставался на немъ. Всѣ остальные министры были избраны изъ популярнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, каковыми являлись: Милюковъ, Шингаревъ, Гучковъ, Годневъ, какъ безсмѣнный работникъ по контрольнымъ вопросамъ, Владиміръ Львовъ — знатокъ церковныхъ вопросовъ, постоянный предсѣдатель комиссіи Государственной Думы по церковнымъ дѣламъ, Терещенко — крупный финансовый и популярный дѣятель въ Кіевѣ, и, наконецъ, Керенскій, который долженъ былъ быть введенъ въ составъ кабинета по требованію демократическихъ элементовъ, безъ соглашенія съ которыми не было никакой возможности водворить даже подобіе порядка и создать популярную власть.

Указанный мною только-что зародышъ двоевластія проявился на первыхъ же порахъ и позволительно задать себѣ вопросъ, была ли Государственная Дума вообще, а, въ частности, ея Предсѣдатель, облечена тѣмъ полнымъ довѣріемъ и той полнотой власти, которая рисовалась на мѣстахъ, въ провинціи, не преувеличено ли было въ страсть представленіе о могуществѣ надъ толпой Государственной Думы, и не было ли уже въ столицѣ на первыхъ же порахъ такого тайнаго лозунга среди революціонной демократіи, въ силу котораго на первый планъ выдвигалась Государственная Дума только какъ щитъ, долженствующій прикрыть дальнѣйшія революціонныя дѣйствія.

Позволяю отвѣтить на этотъ вопросъ нѣсколькими, чрезвычайно характерными фактами: 27 февраля, то-есть въ первый день переворота, неизвѣстно по чьему распоряженію, солдаты Петроградскаго гарнизона начали производить аресты, и однимъ изъ первыхъ приведенныхъ въ Думу арестованныхъ сановниковъ стараго режима былъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта И. Г. Щегловитовъ. Онъ былъ приведенъ ко мнѣ группою солдатъ, мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, кажется Преображенскаго полка, если память не измѣняетъ мнѣ, и когда я, пораженный этимъ произволомъ, для котораго не сдѣлано было никакого распоряженія, пригласилъ И. Г. Щегловитова пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, солдаты наотрѣзъ отказались выдать его мнѣ, объяснивъ, что они отведутъ его къ Керенскому или въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Когда я попробовалъ проявить свой авторитетъ и строго приказалъ немедленно подчиниться моему распоряженію, то солдаты сомкнулись вокругъ своего плѣнника и съ самымъ вызывающимъ, дерзкимъ видомъ показали мнѣ на свои винтовки, послѣ чего, безъ всякихъ обиняковъ, Щегловитовъ былъ уведенъ неизвѣстно куда.

Лозунги соціальной революціи

Инцидентъ этотъ послужилъ первымъ поводомъ къ столкновенію между мною и Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, но онъ былъ улаженъ въ виду того, что выпустить И. Г. Щегловитова на свободу — значило бы подвергнуть его просто-на-просто самосуду толпы, а потому онъ былъ временно задержанъ въ министерскомъ павильонѣ Государственной Думы, а впослѣдствіи, распоряженіемъ Временнаго Правительства, былъ препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость.

2 марта въ Государственную Думу, къ ея Предсѣдателю, явился Семеновскій полкъ въ полномъ своемъ составѣ, но съ малымъ числомъ офицеровъ, послѣ моей привѣтственной рѣчи, устроилъ мнѣ шумную овацію, проводилъ съ криками «ура» въ мой кабинетъ, гдѣ въ это время собрался Временный Комитетъ Государственной Думы.

Но немедленно выступившій послѣ моей рѣчи ораторъ, членъ Государственной Думы Чхендзе, стремился опорочить рѣчь Предсѣдателя Государственной Думы, и посовѣтовалъ семеновцамъ, вновь потребовать меня, дабы я точно и опредѣленно высказалъ свои взгляды по поводу учрежденія въ Россіи демократической республики и разрѣшенія вопроса о землѣ. Когда я пришелъ въ залъ къ Семеновскому полку, настроеніе солдатъ было уже совсѣмъ не то, какимъ было прежде, а, напротивъ, было чрезвычайно агрессивнымъ. Тѣмъ не менѣе, удалось полку, взволнованный рѣчью члена Думы Чхендзе, успокоить ссылкой на то, что всѣ эти вопросы подлежатъ разрѣшенію не представителя Государственной Думы и не Временнаго Правительства, а Учредительнаго Собранія.

3 марта явившійся тоже демонстративно въ Государственную Думу 2-ой флотскій экипажъ держалъ себя еще болѣе агрессивно, и офицеры, его приведшіе, въ большинствѣ случаевъ юные, только-что произведенные мичманы, произносили тутъ же въ залѣ зажигательныя рѣчи, причемъ одинъ изъ нихъ, въ моемъ присутствіи, безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что меня нужно, какъ завѣдомаго «буржуя», разстрѣлять, что, повидимому, матросы были не прочь исполнить.

И только благодаря вмѣшательству другихъ офицеровъ, изобразившихъ матросамъ всю нелѣпость ихъ поведенія по отношенію къ Государственной Думѣ и ея Предсѣдателю, мнѣ удалось избѣжать въ этотъ моментъ разстрѣла.

Такимъ образомъ, изъ этихъ трехъ фактовъ можно вывести заключеніе, что авторитетъ и полнота власти Государственной Думы и ея Предсѣдателя, въ столицѣ, по крайней мѣрѣ, стояли не такъ высоко, какъ казалось съ мѣста. Требовался огромный тактъ, огромное самообладаніе и выдержка, чтобы среди разбушевавшагося моря народныхъ страстей столицы удержать такъ или иначе равновѣсіе и не допустить возникновенія гражданской войны, губительной во всѣхъ отношеніяхъ и опасной для удачнаго завершенія кровопролитнѣйшей борьбы, находящейся въ самомъ апогеѣ своего развитія.

Изъ приведенныхъ мною примѣровъ ясно видно, что уже 27 февраля сформировавшійся Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, присоединившій къ себѣ еще названіе Солдатскихъ Депутатовъ, имѣлъ опредѣленную программу дѣйствій въ смыслѣ превращенія политически національнаго переворота въ социальную революцію, основанную на безпощадной классовой борьбѣ подъ лозунгомъ «углубленія революціи». Его цѣлью уже тогда, очевидно, была жестокая борьба съ буржуазіей во имя побѣды пролетаріата и водворенія его владычества, и, конечно, проводимыя впослѣдствіи кровью и желѣзомъ въ жизнь социалистическія ученія большевиковъ были въ нѣкоторой степени исповѣдуемы и этой частью революціонной демократіи, зараженной теоріями интернаціонализма.

Точно также очевидно и то, что успѣхи социалистическихъ партій были обязаны абсолютной солидарности съ ними и готовности поддерживать ихъ вездѣ и всегда тѣхъ запасныхъ батальоновъ, о которыхъ я говорилъ уже, а въ частности батальоновъ Петроградскаго гарнизона. Создавая эти батальоны безъ надлежащаго за ними надзора, правительство создало въ сущности «вооруженный народъ», который въ полной своей разнузданности и выполнилъ кровавую дѣла.

Руководители движенія не считались вовсе съ національными запросами Россіи, но вели свое дѣло осторожно, идя какъ бы въ союзѣ съ буржуазными элементами въ дѣлѣ подавленія нарождающейся анархіи и приведенія страны къ порядку. Эту скрытую цѣль Временный Комитетъ и Временное Правительство не уяснили себѣ въ достаточной степени и своевременно не поставили вопросъ ребромъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Достаточно упомянуть здѣсь, что производимые въ столицѣ, якобы, самоchinные аресты совершались безъ вѣдома Временнаго Комитета Государственной Думы и его распоряженія.

Временный Комитетъ неоднократно объявилъ о незаконности такихъ арестовъ, но они продолжались съ поразительной планомѣрностью, причемъ производившими ихъ воинскими чинами постоянно указывалось имя члена Государственной Думы Керенскаго, какъ руководителя ихъ дѣйствій.

Волненіе въ обществѣ было чрезвычайно и порождало невѣроятное количество затрудненій.

Собравшійся, если память мнѣ не измѣняетъ, 3-го марта офицерскій составъ Петроградскаго гарнизона, собравшись въ числѣ около ста тысячъ чело-вѣкъ, въ зданіи Собранія Арміи и Флота, вынесъ самыя рѣзкія резолюціи до требованія ареста Императора Николая II; ихъ многочисленная депутація явилась ко мнѣ ночью во Временный Комитетъ съ цѣлью поддержать свои резолюціи, и съ трудомъ удалось успокоить взволнованную до невозможности пу-

блику. Въ то же время начались агрессивныя дѣйствія и настроенія солдатъ противъ своихъ офицеровъ, образовалась группа офицеровъ-республиканцевъ, и революціонное движеніе стало принимать все болѣе и болѣе острый и сложный характеръ.

Въ скоромъ времени вспыхнулъ Кронштадтскій бунтъ, извѣстный всѣмъ по своему кровопролитному характеру, и, не взирая на численное превосходство Петроградскаго гарнизона надъ Кронштадтскимъ, Временное Правительство ничего сдѣлать съ этимъ бунтомъ не могло, такъ какъ части Петроградскаго гарнизона не соглашались идти усмирять своихъ взбунтовавшихся товарищей.

Номинальный характеръ власти Временнаго Правительства

Мало-по-малу Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, присоединившій къ себѣ имя и Солдатскихъ Депутатовъ, развивался все болѣе и болѣе, получая поддержку изъ провинціи, главнымъ образомъ отъ запасныхъ батальоновъ, находящихся на мѣстахъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Приобрѣтая моральную силу и авторитетъ въ глазахъ революціонной демократіи, а, вѣрнѣе сказать, рабочаго пролетаріата въ столицѣ и на мѣстахъ, онъ немедленно приступилъ къ изобличенію Государственной Думы вообще и ея Предсѣдателя въ частности въ контръ-революціонности и повелъ атаку на Временное Правительство.

На чемъ же основывалось такое обвиненіе Государственной Думы въ контръ-революціонности со стороны революціонной демократіи. Какъ я уже говорилъ, Государственная Дума не хотѣла революціи во время войны, отлично понимая, что переменить Государственный и связанный съ нимъ общественный строй, произвести это потрясеніе и благополучно довести войну до конца — такое дѣйствіе выше силъ и энергій какого бы то ни было народа. Но, какъ видите, сила хода историческихъ событій оказалась сильнѣе нашей воли, и Государственная Дума была вовлечена и невольно связана съ революціей. Революція пришла снизу, помимо Думы. Но пока дѣло шло о спасеніи Россіи, пока революція базировалась на сознаніи необходимости, во что бы то ни стало, достигнуть побѣды, страна могла оправдать позицію, занятую народнымъ представительствомъ. Но когда классовые интересы и классовая борьба подъ лозунгами «углубленія революціи» стали затушевывать національный интересъ, затемнять величіе родины, ввергая ее въ бездну несчастій и позора, и когда ее вели по пути отказа защищать честь, достоинство и цѣлость родины, когда приходилось отвѣтить на вопросъ: за революцію и противъ Россіи, или обратно, за Россію и противъ революціи, то, конечно, Государственная Дума не могла поступить иначе, какъ отвергнуть такой вопросъ, и потому прослыла очагомъ контръ-революціи.

Такимъ образомъ, вмѣсто согласованныхъ дѣйствій Временнаго Правительства со всѣми слоями населенія, получалось рѣзко и характерно выраженное двоевластіе.

Членъ Правительства Керенскій, занимавшій тогда постъ Министра Юстиціи, состоялъ одновременно съ этимъ и товарищемъ Предсѣдателя Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и не только получалъ директивы отсюда, но

вынужденъ былъ на первыхъ порахъ постоянно являться на собранія Совѣта, давать объясненія и, естественно, въ качествѣ причастнаго къ этой организаціи лица, вносить порученныя директивы и требовать ихъ проведенія въ иѣдрахъ Временнаго Правительства.

Здѣсь уместно будетъ дать хотя бы краткую характеристику А. Ф. Керенскаго, этого яркаго и гибельнаго для Россіи государственнаго дѣятеля. А. Ф. Керенскій для меня, хорошо его знающаго, былъ совершенно ясенъ. Въ высшей степени безпринципный человѣкъ, легко мѣняющій свои убѣжденія, мысли, не глубокой, а, напротивъ, чрезвычайно поверхностной, онъ не представлялъ для меня типа серьезнаго государственно-мыслящаго человѣка. Его рѣчи въ Государственной Думѣ, всегда нервно-истеричныя, были въ большинствѣ случаевъ безсодержательны, въ видѣ фейерверка громкихъ, звонкихъ фразъ, и не всегда даже соответствовали его внутреннему настроенію. Такъ, наприѣръ, въ началѣ лѣта 1916 года, когда стало очевиднымъ, что Государственной Думѣ нѣтъ больше дѣла и члены Думы стали поговаривать, что пора бы распустить ихъ на каникулы по домамъ, Керенскій разразился громовой рѣчью по адресу своихъ товарищей членовъ Думы. Онъ упрекалъ ихъ въ нежеланіи положить свои труды на пользу Родины, укорялъ ихъ въ томъ, что они будто бы готовы судьбу Отчизны отдать въ безконтрольное распоряженіе бездарнаго, развращеннаго Правительства, сыпалъ на ихъ головы упреки въ измѣнѣ и угрожалъ народнымъ гнѣвомъ. Рѣчь была страстная, горячая и стремительная. Я председательствовалъ въ это время, и, когда А. Ф. Керенскій кончилъ, я, передавъ председательствованіе своему Товарищу, направился къ выходу изъ зала засѣданія. Здѣсь меня встрѣтилъ Керенскій и сказалъ: «Когда же, наконецъ, Михаилъ Владиміровичъ, Вы насъ распустите — пора и по домамъ, намъ больше дѣлать нечего?» Когда же я высказалъ ему свое несказанное удивленіе по поводу несоответствованія такихъ словъ съ содержаніемъ только-что произнесенной имъ рѣчи, я получилъ въ отвѣтъ такія слова: — «одно дѣло кафедра, гдѣ требуется подчиненіе партійнымъ лозунгамъ, чтобъ нанести ударъ врагамъ, а другое — это существо дѣла, обсужденное безпристрастно». Въ этомъ отвѣтѣ Керенскій сказался весь по всему своему существу. Я смѣло утверждаю, что никто не принесъ столько вреда Россіи, какъ А. Ф. Керенскій. Любитель дешевыхъ эффектовъ, рисующійся демагогическими принципами, Керенскій былъ всегда двуличенъ, заигрывалъ со всѣми политическими теченіями и не удовлетворялъ рѣшительно никого, — безвольный, безъ всякихъ твердыхъ государственныхъ принциповъ, безспорно тайно покровительствовавшій большевикамъ.

Вѣдь несомнѣнно кромѣ того, что Керенскій способствовалъ ввозу въ Россію въ запечатанныхъ, для видимости только, вагонахъ того букета главарей большевизма, которые, добившись, при помощи, главнымъ образомъ, тѣхъ же революціонированныхъ запасныхъ батальоновъ, власти, залили кровью и покрыли позоромъ всю матушку Россію. Это онъ, несомнѣнно изъ тайнаго сочувствія къ большевикамъ, но быть можетъ и въ силу иныхъ соображеній, побудилъ Временное Правительство согласиться на этотъ преступный актъ. Керенскій не могъ не понимать, къ чему поведетъ эта свобода проповѣди коммунизма и анархизма, и тѣмъ не менѣе не прилялъ мѣръ къ огражденію Родины отъ ея растлѣвающаго вліянія. Комментарій тутъ излишенъ.

Хотя Керенскій и балансировалъ во всѣ стороны, однако же справедливость требуетъ напомнить, что нѣкоторое время онъ былъ всеобщимъ ораку-

ломъ, вождемъ и любимцемъ. Имъ увлекались всѣ, вѣря его заманчивымъ обѣщаніямъ, изъ которыхъ онъ, однако же, ни одного не выполнилъ.

Такъ же точно и Временное Правительство неожиданно для меня оказалось тоже не чуждо вліянія Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, обнаруживъ сильный кренъ въ его сторону. Сразу по своемъ вступленіи во власть оно стало какъ бы игнорировать Временный Комитетъ Государственной Думы, но чутко прислушивалось къ мнѣніямъ и преніямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Была даже учреждена специальная коммиссія, называемая «контактной», для согласованности дѣйствій. Однако, никакихъ мѣръ для связи своихъ дѣйствій съ Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы Правительство не приняло.

Ошибки Временнаго Правительства

21 апрѣля состоялось выступленіе нѣкоторыхъ частей Петроградскаго гарнизона, выразившееся въ уличныхъ манифестаціяхъ съ плакатами, на которыхъ было написано: «Долой Милюкова! Долой Временное Правительство!»

Коренная и роковая ошибка князя Львова, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, и всѣхъ его товарищей заключалась въ томъ, что они сразу же въ корнѣ не пресѣкли попытку поколебать вновь созданную власть, и въ томъ, что они упорно не хотѣли созыва Государственной Думы, какъ антитезы Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, на которую, какъ посетительницу идеи Верховной власти, Правительство могло бы всегда опираться и вести борьбу съ провозглашеннымъ принципомъ «углубленія революціи», знаменующимъ на самомъ дѣлѣ лишь развитіе національно-политической революціи въ соціально-интернаціональную.

А между тѣмъ, въ концѣ концовъ, необходимость въ такой конструкціи власти была признана, и, распустивъ Государственную Думу, Правительство Керенскаго создало Совѣтъ Россійской Республики при Временномъ Правительствѣ, который вскорѣ палъ подъ давленіемъ и пулеметами большевиковъ. Поэтому совершенно непонятно, почему Правительство князя Львова на первыхъ же порахъ отшатнулось и старалось отмежеваться отъ Государственной Думы, тогда еще весьма популярной въ странѣ и обладающей всѣми возможностями быть буферомъ для Правительства при напорѣ на него чрезмѣрно революціоннаго теченія.

Временное Правительство оказалось, такимъ образомъ, одностороннимъ и, подъ настойчивымъ напоромъ гласной кафедры Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, имѣвшихъ свой печатный органъ, не имѣло, съ другой стороны, опоры въ болѣе умѣренныхъ элементахъ страны, не создало такого учрежденія, вокругъ котораго эти умѣренные элементы могли бы объединиться и дать Временному Правительству надежную точку опоры.

Временному Правительству пришлось танцовать на одной лѣвой ногѣ, не имѣя фундамента подъ правой, а поэтому оно, очевидно, и потеряло равновѣсіе, было вовлечено въ водоворотъ все возрастающаго революціоннаго настроенія столицы и удержаться на своихъ принятыхъ позиціяхъ — умиротворенія страны и доведенія ея до Учредительнаго Собранія — конечно, не было уже въ силахъ.

Вотъ та грубая ошибка, которую совершилъ князь Львовъ въ сплѣ своего безволія, а также и умѣренные элементы, входившіе тогда въ составъ руководителей внутренней жизни страны.

Могъ ли бороться съ такимъ явленіемъ Временный Комитетъ Государственной Думы?

Нѣсколько выше мною было указано, что фактически 27 февраля 1917 года реальной силой войска завладѣли социалистическія партіи, скрывая, однако, до поры до времени это обстоятельство и прикрываясь Государственной Думой, какъ временнымъ щитомъ. Но въ такомъ же точно положеніи оказался буржуазное Временное Правительство, потому что войска Петроградскаго гарнизона поддерживали его «постольку-поскольку» его дѣятельность была согласована съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Такимъ образомъ, при нежеланіи созданнаго Временнымъ Комитетомъ Правительства считаться съ первымъ, Комитету, не обладавшему уже силой штыка, оставался только одинъ путь борьбы — платоническіе протесты, на которые Временное Правительство перестало даже обращать вниманіе, хотя само оно оказывалось безсильнымъ при напорѣ на него съ лѣвой стороны. Между тѣмъ, вліяніе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ возрастало очень быстро, распространяясь преимущественно среди Арміи и рабочихъ классовъ. Такъ, всѣ прибывающіе изъ Арміи депутаты, являясь сначала къ Предсѣдателю Государственной Думы, шли за-симъ въ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и съ невѣроятной легкостью усваивали его теоріи и міросозерцаніе, возвращаясь въ Армію уже сторонниками Совѣта. Явленіе это было повальное и принесло свои пагубные плоды, расшатавъ въ корнѣ дисциплину въ войскахъ.

Для широкой публики остается невыясненнымъ вопросъ, почему Государственная Дума какъ бы ступевалась на первыхъ же порахъ и не проявила достаточной жизненности, не собираясь въ засѣданія и не продолжая своей законодательной работы.

Причины этого явленія довольно сложны и лежатъ, съ одной стороны, въ самомъ существованіи революціоннаго переворота, а съ другой — находятъ себѣ объясненіе отчасти въ неподготовленности членовъ Государственной Думы къ упорному сопротивленію въ революціонной борьбѣ и въ сущности отношеній къ вопросу о созывѣ Государственной Думы въ данный моментъ различныхъ думскихъ фракцій.

Не надо забывать, что Государственная Дума 26 февраля указомъ Императора Николая II была распущена и занятія ея прерваны на неопредѣленный срокъ одновременно съ Государственнымъ Совѣтомъ.

Такимъ образомъ, юридически при дѣйствующей конституціи Государственная Дума собраться не могла, но когда Временному Комитету Государственной Думы, какъ то разъяснено выше, пришлось возглавить начавшееся революціонное движеніе и взять всю власть въ свои руки, явился естественный вопросъ, что и актъ отреченія Императора Николая II съ передачей Верховной власти Великому Князю Михаилу Александровичу и отреченіемъ отъ нея послѣдняго, должны состояться въ публичномъ засѣданіи Государственной Думы.

Государственная Дума, такимъ образомъ, явилась бы носительницей Верховной власти и органомъ, передъ которымъ Временное Правительство было бы отвѣтственнымъ. Таковъ былъ проектъ Предсѣдателя Государственной Думы. Но этому проекту рѣшительно воспротивились, главнымъ образомъ, дѣятели кадетской партіи, а съ нею, само собой разумѣется, и все лѣвое крыло Государственной Думы. Какъ ни настаивалъ Предсѣдатель Государственной Думы на необходимости созыва Государственной Думы, юристы кадетской партіи рѣзко возражали ему на основаніи слѣдующихъ аргументовъ: во-первыхъ, говорили

они, при созывѣ Государственной Думы является юридическая необходимость и созыва Государственного Совѣта, если считать, что дѣйствующая конституція остается въ силѣ. Съ ихъ точки зрѣнія, однако, невозможно было бы подверсти обоснованнаго юридическаго фундамента подъ такое толкованіе. Во-вторыхъ, дѣятели кадетской партіи считали, что созывъ Государственной Думы явился бы самъ по себѣ безцѣльнымъ, такъ какъ Государственная Дума въ составѣ своемъ, несомнѣнно, была буржуазная и сдѣлалась бы объектомъ атаки въ цѣляхъ ея сверженія со стороны крайнихъ элементовъ для учрежденія Национальнаго или иного собранія, болѣе демократическаго и болѣе подходящаго къ революціонному настроенію страны. Въ третьихъ, указывалось, что при настоящемъ положеніи страны должно быть Правительство, обладающее абсолютной полнотою власти, до права законодательствовать включительно, такъ какъ событія, сопровождающіяся революціонными эксцессами, могли бы потребовать принятія экстраординарныхъ мѣръ, и необходимость въ этомъ случаѣ санкцій Государственной Думы, какъ это проектировалъ Предсѣдатель Государственной Думы, съ ихъ точки зрѣнія, тормозила бы только планомѣрную дѣятельность Правительства, направленную къ упорядоченію дѣла войны и внутренней жизни Государства. Форма опять побѣдила существо. Дѣятели кадетской партіи просто не хотѣли имѣть дѣйствующую Думу, чтобы пользоваться во всей полнотѣ своею властью. Опять-таки существо дѣла принесено въ жертву формѣ.

Такимъ образомъ, положеніе становилось чрезвычайно запутаннымъ. Если припомнить при этомъ, что еще 27 февраля былъ созванъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, водворившійся, подъ защитой нѣкоторыхъ частей Петроградскаго гарнизона, въ зданіи Государственной Думы, — то станетъ совершенно яснымъ, что конфликтъ между Государственной Думой и нарождающимся революціонно-демократическимъ органомъ началъ уже назрѣвать съ самаго начала, остановить же развитіе этого явленія представлялось почти невозможнымъ.

Если принять при этомъ еще въ соображеніе отказъ признанія необходимости созыва Государственной Думы всѣмъ лѣвымъ ея крыломъ, до партій октябристовъ, то созывъ Государственной Думы — при такихъ условіяхъ упорнаго нежеланія лѣваго крыла созвать Государственную Думу — привелъ бы къ тому, что было бы ясно всей Россіи и всему міру, что въ Государственной Думѣ существуетъ расколъ во взглядахъ на ея тактику и дальнѣйшую организацию Государства.

Возражающіе просто не посѣщали бы Государственной Думы, что для меня было совершенно ясно. Пришлось бы подъ давленіемъ возбужденныхъ умовъ приступить къ новой конструкціи Государственной Думы, путемъ кооптированія въ нее революціонной демократіи, — пришлось бы, можетъ быть, созвать всѣхъ Членовъ всѣхъ четырехъ Государственныхъ Думъ и объявить ихъ Национальнымъ Собраніемъ, а это въ свою очередь, послужило бы значительнымъ тормазомъ къ успѣшному и быстрому созыву Учредительнаго Собранія. На послѣднемъ условіи сошлись, однако, всѣ партіи, обѣщая въ этомъ случаѣ объединиться вокругъ созданнаго Временнаго Правительства, поддерживать его и передать ему всю полноту власти. Пришлось поэтому избрать этотъ средній путь.

Не надо забывать при этомъ, что если бы Государственная Дума, возглавившая собою переворотъ, и была, несомнѣнно, авторитетна и популярна въ странѣ, и признавалась бы ею, какъ дѣйствительный источникъ Верховной власти, то это явленіе продолжалось бы недолго, а въ отношеніи настроенія столицы, какъ мною уже представлено цѣлый рядъ примѣровъ, обнаружилась бы сразу же по-

дозрительность къ Государственной Думѣ революціонныхъ элементовъ, въ смыслѣ ея контръ-революціонности.

При такихъ условіяхъ Предсѣдатель Государственной Думы не могъ принять на себя отвѣтственность созыва Государственной Думы и призналъ болѣе правильнымъ выждать время, когда — для него было ясно, по крайней мѣрѣ яснымъ казалось, — Временное Правительство будетъ вынуждено обратиться къ Государственной Думѣ для того, чтобы въ ней найти опору противъ чрезмѣрнаго развитія революціонныхъ эксцессовъ. Но Временное Правительство на первыхъ же порахъ слишкомъ преувеличивало значеніе своей популярности, силы и вліянія своей власти, а потому ошибочно не использовало популярности Государственной Думы и вовсе не учло того обстоятельства, что крайніе революціонные демократическіе и социалистическіе круги на самомъ дѣлѣ отнюдь не намѣрены были предоставить всю полноту власти Временному Правительству, состоящему въ большинствѣ своемъ изъ буржуазныхъ элементовъ, и что атака на него воспослѣдуетъ въ ближайшіе дни.

Считаю теперь умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, насколько обвиненіе Государственной Думы въ томъ, что она на первыхъ порахъ революціи развратила Армію, по существу свсему справедливо.

Приказъ № 1-й

Прежде всего я буду говорить объ исторіи пресловутаго приказа № 1.*

Установилось довольно твердое убѣжденіе, что этотъ приказъ № 1 написанъ и изданъ Государственной Думой или, вѣрнѣе, Временнымъ Комитетомъ ея, и былъ изданъ за подписью Военнаго Министра Гучкова. Но простое сопоставленіе историческихъ датъ разрушаетъ въ корнѣ обвиненіе и подозрѣніе.

Приказъ № 1 появился утромъ 2 марта 1917 года, когда Временное Правительство, въ составъ котораго вошелъ, какъ Военный Министръ, Гучковъ, еще не существовало, оно было сформировано днемъ 2-го марта, и декретъ объ его сформированіи Правительствующему Сенату былъ опубликованъ Временнымъ Комитетомъ за мою подписью лишь 3 марта.

Такимъ образомъ, Гучковъ, какъ Военный Министръ, такого приказа подписать не могъ. Онъ не входилъ въ составъ Временнаго Комитета Государ-

Приказъ № 1.

* 1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградскаго Округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

1. Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2. Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 часамъ утра 3-го сего марта.

3. Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4. Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ственной Думы 1 марта, а былъ привлеченъ къ активной дѣятельности только 3-го марта.

Кромѣ того, я категорически заявляю, что Гучковъ такого приказа не подписывалъ и никакого участія въ его составленіи не принималъ.

Что же касается до Государственной Думы, то изъ предыдущаго моего сообщенія ясно видно, что отношеніе Думы къ Арміи было вовсе не таково, чтобъ задаваться цѣлью ее разрушить. Съ другой стороны фактически не было времени такъ быстро составить и издать столь опасный и вредный въ Государственномъ смыслѣ приказъ. Логическое теченіе дѣла уже поэтому исключаетъ всякую возможность инкриминировать Государственной Думѣ изданіе приказа № 1.

Наконецъ, вѣдь совершенно очевидно, что если Дума возглавляла революцію, то ей прежде всего необходима была бы строго дисциплинированная и послушная армія, а не орда дикихъ, разнузданныхъ людей, не признающихъ ни властей, ни авторитетовъ. Разложеніе и уничтоженіе боеспособности арміи могло быть на руку тѣмъ, для кого сильная скованная армія представляла внушительную угрозу, то-есть Германіи, и вотъ почему я ни одной минуты не сомнѣваюсь въ нѣмецкомъ происхожденіи приказа № 1-ый.

По крайней мѣрѣ начальникъ одной изъ дивизій дѣйствующей арміи, номеръ ея ускользнулъ изъ моей памяти, генераль Барковскій, прямо заявилъ мнѣ, что этотъ приказъ въ огромномъ количествѣ былъ доставленъ въ распоряженіе его войскъ изъ германскихъ окоповъ.

Вечеромъ 1 марта въ созданную при Временномъ Комитетѣ Военную Комиссію, подъ предсѣдательствомъ Члена Думы Энгельгардта, явился неизвѣстный солдатъ отъ лица избранныхъ представителей Петроградскаго гарнизона, потребовавшій выработки приказа, регулирующаго на новыхъ основаніяхъ взаимоотношенія офицера и солдата, на что Энгельгардтъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, указавъ на то, что Временный Комитетъ находитъ недопустимымъ изданіе такого приказа.

Тогда солдатъ этотъ заявилъ полковнику Энгельгардту: «не хотите, такъ мы и безъ васъ обойдемся».

Въ ночь съ 1-го на 2-е марта приказъ этотъ былъ напечатанъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ распоряженіемъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, которому абсолютно подчинялись рабочіе всѣхъ типографій

5. Всякаго рода оружіе, какъ то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ районныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ.

6. Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане.

7. Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ: ваше превосходительство, благородіе и т. п. и замѣняется обращеніемъ: господинъ генераль, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности обращеніе съ ними на «ты», воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, экипажахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Петрограда, и неизвѣстнымъ Временному Комитету распоряженіемъ былъ разосланъ на фронтъ.

Когда это дошло до свѣдѣнія Временнаго Комитета, а Временнаго Правительства еще тогда не существовало, Комитетомъ было сдѣлано постановленіе о томъ, что этотъ приказъ считается недѣйствительнымъ и незаконнымъ.

Произошло крупное объясненіе съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, и въ результатъ этотъ послѣдній выпустилъ въ одномъ изъ номеровъ своихъ «Извѣстій» другой приказъ, въ которомъ объявлялось для всеобщаго свѣдѣнія, что приказъ № 1 обязателенъ только для Петроградскаго гарнизона и войскъ Петроградскаго Военнаго Округа.

Но, конечно, вредное дѣло было сдѣлано.

Благодаря чрезвычайно активной работѣ, направленной уже тогда противъ Временнаго Комитета Государственной Думы, я не могу съ увѣренностью утверждать, что распоряженіе Временнаго Комитета, аннулирующее силу и значеніе приказъ № 1, было своевременно напечатано и своевременно получено на фронтъ.

Въ книгѣ г. Клодъ Анэ «Русская революція», изданной въ Парижѣ въ 1918 году, мы находимъ слѣдующее заявленіе одного изъ главныхъ дѣятелей совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ г. Иосифа Гольденберга: Приказъ № 1 не былъ ошибкой, это была необходимость. Это не есть редакція Соколова, это есть выраженіе единогласной воли совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Въ тотъ день когда мы создали революцію, мы поняли, что если мы не разрушимъ прежнюю армію — то она въ свою очередь раздавитъ революцію. Намъ надо было выбирать между арміей и революціей. Мы не колебались: мы выбрали послѣднюю и примѣнили, смѣю сказать, гениальнымъ образомъ необходимые средства.

Поэтому самымъ рѣшительнымъ, самымъ категорическимъ образомъ заявляю, что ни Временный Комитетъ, ни Государственная Дума рѣшительно не при чемъ въ его изданіи, а наоборотъ, принимались всѣ возможныя въ то время и зависящія отъ нихъ мѣры къ аннулированію его значенія и даже къ уничтоженію его, и что Гучковъ никогда такого приказа не подписывалъ.

Возможно, однако, что приказъ этотъ и появился въ нѣкоторыхъ экземплярахъ съ подписью Гучкова, но это было не что иное, какъ политическій шаптажъ и завѣдомый подлогъ.

По всей вѣроятности участіе Гучкова въ изданіи приказа № 1 смѣшиваютъ съ участіемъ его въ до нельзя ошибочномъ и вовсе ненужномъ учрежденіи Военной Комиссіи Генерала Поливанова, результатъ работы которой вылился въ пресловутую декларацію правъ солдатъ. Но онять такъ Гучковъ повиненъ только въ учрежденіи вредной комиссіи Генерала Поливанова, но когда революціонное теченіе взяло въ этой комиссіи верхъ и получился прискорбный результатъ, Гучковъ отказался подписать декларацію, создався министерскій кризисъ, Гучковъ вышелъ въ отставку и декларація была подписана Керенскимъ.

Дѣйствующая Армія и Государственная Дума

Тѣмъ не менѣе, Временный Комитетъ Государственной Думы учелъ возможныя послѣдствія изданія этого приказа, и велѣдствіе этого немедленно были сформированы партіи изъ Членовъ Государственной Думы и откомандированы въ Дѣйствующую Армію на фронтъ для того, чтобы путемъ личныхъ бесѣдъ

съ солдатами и офицерами разъяснить смыслъ и существо происшедшихъ въ столицѣ событій, значеніе совершившагося переворота и тѣ обязанности, которыя новая форма правленія возлагаетъ на Дѣйствующую Армію. Я позволю себѣ предложить одно изъ моихъ воззваній къ арміи, которое сохранилось у меня въ подлинникѣ и которое ярко подчеркиваетъ мое отношеніе къ офицерамъ и арміи.

Братья Офицеры и Солдаты!

Свершилось великое дѣло. Могучимъ порывомъ народа низверженъ старый строй. Народившаяся свобода сулитъ свѣтлое будущее нашей родины и великой Россіи. Въ эти радостные дни русскій народъ шлетъ своей горячій привѣтъ дорогой, доблестной, самоотверженной арміи.

Братья офицеры и Солдаты!

Врагъ не дремлетъ и зорко слѣдитъ за Вами и за нами. Паденіе старой власти встревожило его, ибо онъ понимаетъ, что освобожденный народъ съ большей силой поведетъ войну къ побѣдоносному концу. Но у него осталась одна надежда — коварная надежда. Онъ надѣется на разстройство фронта, на волненіе среди Васъ, онъ крѣпко надѣется на несогласіе между офицерами и солдатами. Братья офицеры и солдаты! Напрягите всѣ Ваши силы и помогите другъ другу, старайтесь во что-бы то ни стало сохранить миръ между собой, сохранить порядокъ и дисциплину. Ибо если взволнованные вѣстью о свободѣ, вы хоть на мгновеніе разстроите свои ряды, врагъ можетъ воспользоваться этимъ и нанесетъ Вамъ страшный ударъ. А вѣдь побѣда намъ такъ необходима. Необходима теперь больше, чѣмъ прежде, необходима для того, чтобы сберечь эту долгожданную свободу, которая наконецъ, послѣ тяжелой борьбы пришла къ намъ.

Братья, неужели мы отдадимъ нѣмцамъ свободную Россію?

Да не будетъ этого. Съ Богомъ на врага.

Предсѣдатель Государственной Думы

М. Родзянко.

Точнаго и яснаго пониманія настроенія Дѣйствующей Арміи и отношенія ея къ перевороту мы еще составить себѣ не могли за отсутствіемъ свѣдѣній и быстротой развивавшихся событій, но самый фактъ, что всѣ командующіе фронтами, начиная съ Великаго Князя Николая Николаевича, посоветовали Императору Николаю II отречься отъ престола, служилъ достаточнымъ показателемъ, что къ перевороту, совершившемуся въ Петроградѣ, относятся въ Арміи положительно, а то, что проектъ текста отреченія былъ составленъ въ Ставкѣ и посланъ Императору во Псковъ, ярко подтверждаетъ эту мысль.

О томъ, какъ относилась Государственная Дума, ея Временный Комитетъ и Предсѣдатель, лучше всего можно судить по нижеслѣдующимъ документамъ. 27 февраля мною были сказаны слѣдующія слова 9-му запасному кавалерійскому полку въ концѣ рѣчи: «Приглашаю васъ, братцы, помнить, что воинскія части только тогда сильны, когда онѣ въ полномъ порядкѣ и когда офицеры

находятся при своих частяхъ. Православные воины, послушайте моего совѣта. Я старый человекъ, я васъ обманывать не стану, — слушайте офицеровъ, они васъ дурному не научатъ и будутъ распоряжаться въ полномъ согласіи съ Государственной Думой. Да здравствуетъ Святая Русь!»

На Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи въ августѣ 1917 года въ обращеніи моемъ къ Правительству были сказаны г. Керенскому такія слова: «Ваша вина — это дезорганизація Арміи, которая не сумѣла противостоятъ непріятельскому натиску. Причиной этой дезорганизаціи не въ войскахъ. Я видѣлъ, какъ наша Армія безъ ружей отбивалась отъ вооруженнаго непріятеля лопатами и топорами, а теперь эти герои оказываются преисполненными страха. Неужели Правительство не имѣло силы, а если имѣло, то почему не употребило ее для того, чтобы остановить преступную агитацію, которая развратила нашего солдата и сдѣлала его небоеспособнымъ?»

Въ резолюціи IV Государственной Думы на томъ же Московскомъ Совѣщаніи въ пунктѣ 2-мъ говорится: «Для достиженія указанныхъ цѣлей боеспособность Арміи должна быть установлена въ кратчайшій срокъ путемъ полного устраненія политики изъ Арміи вплоть до избранія Учредительнаго Собранія. Необходимо возстановленіе дисциплинарной власти начальниковъ, ограниченіе дѣятельности комитетовъ исключительно хозяйственными функціями, проведеніе правъ солдата и гражданина, строгое соотвѣтствіе его гражданскихъ и военныхъ обязанностей предоставленіе Верховному Главнокомандующему возможности осуществить во всемъ объемѣ права, предоставленныя ему закономъ, необходимыя для единого руководства дѣломъ Арміи».

Если къ этому прибавить, что Армія еще задолго до переворота послала въ себѣ признаки разложенія, о чемъ я говорилъ раньше, то быстрота, съ которою это разложеніе фактически совершилось, станетъ понятной.

Революція сразу смела всѣ традиціонныя устои въ Арміи, не успѣвъ создать новые, и спустила вѣковое политическое знамя. Солдаты, видя это и не ощущая цѣли дальнѣйшей борьбы, просто потянулись домой въ виду начавшихся смуть въ тылу и, конечно, подъ вліяніемъ преступной пропаганды. Это самовольное обратное шествіе по домамъ шло преступной и кровавой дорогой.

Все, что было возможно, для пресѣченія этихъ явленій Государственной Думой было сдѣлано, но еще разъ повторяю, что развитіе революціоннаго настроенія среди пролетаріата приняло такія формы, бороться съ которыми уже не представлялось возможнымъ, не имѣя поддержки въ вооруженной силѣ, которая, выбитая изъ колен, отказалась повиноваться Государственной Думѣ и Временному Правительству. Историческій ходъ событій остановить было невозможно.

Активная и упорная работа элементовъ враждебныхъ Государственной Думѣ привнесла свои обильные плоды, и значеніе Государственной Думы, не имѣющей уже опоры ни въ войскахъ, ни во Временномъ Правительствѣ, было сначала мало-по-малу поколеблено и въ народныхъ массахъ, а затѣмъ начало блѣднѣть и терять свое значеніе.

Народная мысль пошла за тѣми проповѣдниками, которые завѣдомо и неосновательно сулили ей рай земной, прекрасно понимая, однако, что выполнить этого они не могутъ.

Возбужденные умы и легковѣрныя сердца приняли это обѣщаніе на вѣру и пошли за тѣми лживыми учителями, которые сулили имъ недобросовѣстно то, чего дать не могли. Государственная Дума дѣлать такихъ обѣщаній не

могла, не поступившись своимъ достоинствомъ и авторитетомъ, и на путь дешевыхъ посулъ не пошла.

Вотъ логическія причины того обстоятельства, что въ періодъ наибольшаго развитія революціоннаго движенія, когда оно достигло зенита — высшей точки своего проявленія, — Государственная Дума, какъ элементъ законности и порядка, а не разрушенія, должна была уступить мѣсто болѣе активнымъ и агрессивнымъ элементамъ революціи.

Я не буду болѣе утомлять вниманія читателей развитіемъ и объясненіемъ тѣхъ обстоятельствъ и событій, которыя привели наше Отечество къ настоящему положенію. Изъ изложеннаго ясно видно, что иного хода событій ожидать было нельзя. Однако, слава Богу, народный умъ начинаетъ просвѣтляться.

Всѣ же-учителя потеряли, конечно, свой авторитетъ; идеи коммунизма, идеи, якобы, правильнаго распредѣленія всѣхъ земныхъ благъ поровну между всѣми — потерпѣли полное крушеніе.

Для всѣхъ стало очевидно, что вмѣсто пресловутаго лозунга, — равенство, братство и свобода, — странѣ преподносится жесточайшій деспотизмъ, основанный на насилии, крови, убійствахъ и такомъ произволѣ, о которомъ не мечтало никогда и самодержавное Правительство, уступившее ему мѣсто.

Выводы

Какіе же выводы надлежитъ сдѣлать изъ всего сказаннаго?

Послѣдовательное изложеніе мною нарастанія сначала оппозиціонныхъ, а потомъ революціонныхъ настроеній приводитъ къ первому безспорному выводу: невозможно и неправильно приписывать краткосрочной работѣ одного лица или даже одной группѣ лицъ всю вину за вспыхнувшую революцію и отечественную разруху. Послѣдовательныя ошибки въ управленіи Государствомъ, въ цѣломъ рядѣ десятилѣтій, вотъ причина возникновенія революціи въ Россіи. Правящіе классы не отдавали, или не хотѣли отдавать себѣ отчета въ томъ, что русскій народъ выросъ изъ дѣтской распашонки и требовалъ иного одѣянія и иного къ себѣ отношенія.

Постепенное развитіе образованія, развитіе русской науки и литературы, общеніе съ болѣе передовыми, культурными странами, увеличившееся сознание въ необходимости уваженія правъ каждаго гражданина, сознание въ несомнѣнномъ правѣ населенія знать, что его ожидаетъ завтра, и въ правѣ участія въ рѣшеніи своей судьбы — всѣ эти запросы народной совѣсти встрѣчали постоянный суровый отпоръ Государственной власти, явно не желавшей уступить своихъ позицій и привилегій. Упорная борьба на этой неблагоприятной для Государственной власти почвѣ вызвала тотъ историческій ходъ событій, предотвратить и задержать отвѣтственныя послѣдствія котораго и оказалось задачей непосильной слишкомъ поздно призванному къ дѣятельности народному представительству. Послѣднее, какъ элементъ эволюціи, но не революціи, не могло, конечно, устоять противъ долго сдерживаемаго народнаго негодования. Недаромъ великій сердцевѣдъ и патріотъ Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что всякая революція сильна не столько своими эксцессами и отказомъ признавать существующую власть, сколько той долей правды, которая вложена въ ея идею. И эта глубокая мысль встрѣчаетъ подтвержденіе и въ нашей Русской революціи, уже впоследствии разившейся въ дикій разгулъ неудержимой пугачевщины. Вѣдь происшедшій въ февралѣ 1917 года переворотъ былъ встрѣченъ всей

страной спокойно и съ одобреніемъ. Наша армія — цвѣтъ населенія — сильная и вооруженная, тоже не возражала противъ него и, очевидно, была за переворотъ. Неужели же не ясно, что отъ Арміи зависѣло положить рѣшительный предѣлъ всякимъ революціоннымъ начинаніямъ, какъ отъ силы реальной и непобѣдимой внутри страны.

Однако, этого не послѣдовало, а, слѣдовательно, Армія революцію признала и противъ нея не возстала.

Изъ этого обстоятельства вытекаетъ и второй выводъ. Политика Государственной власти послѣ освободительнаго движенія 1905 года была въ корнѣ неправильной.

Лозунгъ: сначала успокоеніе, а потомъ реформы, оказался нежизненнымъ, такъ какъ народное волненіе и безпокойство имѣло корнемъ своимъ потребность неотложныхъ реформъ, которыя доказали бы, что курсъ Государственнаго корабля рѣшительно измѣненъ, и это обстоятельство, безспорно, внесло бы и успокоеніе.

Изъ моей работы видно, какъ губительно и пагубно отозвалось на цѣлости Государства возникшее съ первыхъ же поръ революціоннаго движенія двоевластіе, основанное на недоверіи, на классовой борьбѣ, двоевластіе, возбуждающее и пробуждающее низменные, дурные инстинкты. Да будетъ это обстоятельство намъ яркимъ примѣромъ того, какъ опасны для нашего собственнаго бытія раздоры тамъ, гдѣ должно быть единство и всеобщее пониманіе.

Не будемъ забывать, какъ низко мы пали въ сонмѣ народовъ въ силу разложенія національной Государственности, подъ вліяніемъ содѣянныхъ нами ошибокъ за цѣлый рядъ лѣтъ и, преимущественно, за время смутнаго времени послѣднихъ дней.

Россія въ моментъ развязки міровой войны оказалась совершенно одна, оставленная своими союзниками и предоставленная, поэтому, самой себѣ. Мы сами, своими руками, разрушили нашу красавицу Мать-Родину. Обуреваемые революціонными страстями и вспыхнувшей взаимной ненавистью на почвѣ классовыхъ интересовъ и низменныхъ побужденій, мы не сумѣли понять, что только въ самой себѣ, черпая силы въ родномъ народномъ творчествѣ, — возможно сохраненіе цѣлости и нерушимости Отечества. Мы сами, увлекаемые ложными теоріями, правда, приведенные въ это состояніе всей неурядицей прошлыхъ десятилѣтій, — положили начало разложенію Государства и растлили народную душу.

Преступная пропаганда интернаціонализма, — очевидно, беспочвенная — сдѣлала, однако, свое дѣло. Потухли и принижены были національныя идеи, принижено было и уваженіе къ самимъ себѣ.

Да, Россія одна, и она только сама въ себѣ должна черпать силу для своего возрожденія, и, я скажу, слава Богу. Пусть тѣ страданія, которыя выпали на нашу долю, сметутъ безъ остатка всѣ лживыя понятія объ интернаціонализмѣ, о ненадобности, даже вредѣ національной идеи, о вредѣ народной гордости и достоинства.

Да, Россія осталась одна въ розыгрышѣ міровой эпопеи, который теперь совершается.

Единая, Великая, Недѣлимая, Мощная и самостоятельная Россія никому не нужна кромѣ насъ, русскихъ, и нашихъ единственныхъ братьевъ славянъ, съ которыми насъ связываетъ общность національныхъ интересовъ, хотя, быть можетъ, не всеми славянскими народами вполне уясненная себѣ и понятая.

Сильная и могучая Россія даже опасна всѣмъ, кромѣ славянскаго міра.

И мы видимъ теперь, какъ прежніе союзники въ одинаковой степени какъ и бывшіе и настоящіе враги упорно не желаютъ помочь Россіи избавиться отъ ига большевизма и стать на твердыя ноги. Но пусть убѣдятся всѣ, что всемірнаго мира безъ самостоятельной сильной Россіи быть не можетъ.

И если революція, причинившая намъ столько горя и страданія, пролившая потоки крови братской, измучившая всѣхъ и каждого, цѣною этихъ страданій приведетъ насъ къ убѣжденію въ необходимости спаять себя въ одно цѣлое, прочное ядро; если послѣдствіемъ всѣхъ кровавыхъ событій террора окажется прочное возрожденіе всѣми понятой и навсегда усвоенной національной идеи, уваженія самихъ себя Русскихъ людей, и убѣжденіе въ наличіи огромныхъ и неизсякаемыхъ духовныхъ и матеріальныхъ богатствъ нашего родного Отечества войдетъ въ плоть и кровь Русскаго народа, — если произойдетъ такая эволюція народной мысли и возродится неудержимое стремленіе націи создать исключительно своими руками изъ себя дѣйствительно мощный, культурный народъ, руководимый исключительно велѣніями Русскаго сердца, Русскаго ума и Русскихъ интересовъ, то я скажу, что революція сдѣлала въ народномъ самосознаніи огромное завсѣваніе.

Намъ не на кого рассчитывать. А между тѣмъ есть-ли согласіе между нами? Всюду партійность и взаимное непониманіе. Партійность можетъ окончательно погубить Россію.

Сейчасъ намъ нужно быть ни правыми, ни лѣвыми, ни социалистами, ни буржуями, ни монархистами, ни республиканцами — намъ нужно быть прежде всего Русскими людьми, безмѣрно любящими Отечество свое и вѣрующими въ его силы, и, несмотря на все наше временное униженіе, мы должны воспрянуть въ духѣ уваженія къ себѣ, къ своей національной идеѣ.

На насъ, Русскихъ людей, выпало тяжелое испытаніе обнаружить силу духа не только во внѣшней борьбѣ, но и во внутренней — съ собственнымъ безсиліемъ и малодушіемъ. Да сумѣютъ русскіе граждане-патріоты выстоять до конца такъ же, какъ выстояли назадъ тому 300 лѣтъ Русскіе люди въ ужасную и въ то же время славную эпоху смутнаго времени иноземнаго нашествія, да найдутъ русскіе люди въ себѣ эту доблесть!

Все пережитое нами, несомнѣнно, есть болѣзнь, болѣзнь тяжкая, но болѣзнь къ росту, — болѣзнь, послѣ выздоровленія отъ которой Русская Государственность должна расцвѣсть еще болѣе мощной и страшной по силѣ своей для всѣхъ.

Къ прошлому возврата нѣтъ и быть не должно, но Россія должна воскреснуть на основаніяхъ горячаго и безграничнаго чувства патріотизма, чувства любви къ своей родной землѣ, чувства сознанія необходимости вновь возсоздать, и въ лучшемъ устройствѣ, нашу великую Родину, памятуя, что въ теченіе тысячи лѣтъ наши предки создавали ее путемъ горя, страданія и потоковъ крови, въ цѣпяхъ рабства и угнетенія, въ тяжелыхъ лишеніяхъ и безправіи.

И если послѣдствія тяжелыхъ, грубыхъ ошибокъ управленія неправомѣрными взаимоотношеніями гражданъ и иными имъ подобными причинами насъ довели до національнаго униженія, до оскорбленія національной гордости, — то пусть переживаемыя нами страданія, горе и позоръ послужатъ источникомъ очищенія насъ отъ этихъ пороковъ.

И пусть изъ этихъ страданій мы поймемъ, что только вокругъ иныхъ началъ народной жизни можетъ создаться мощное и сильное Государство.